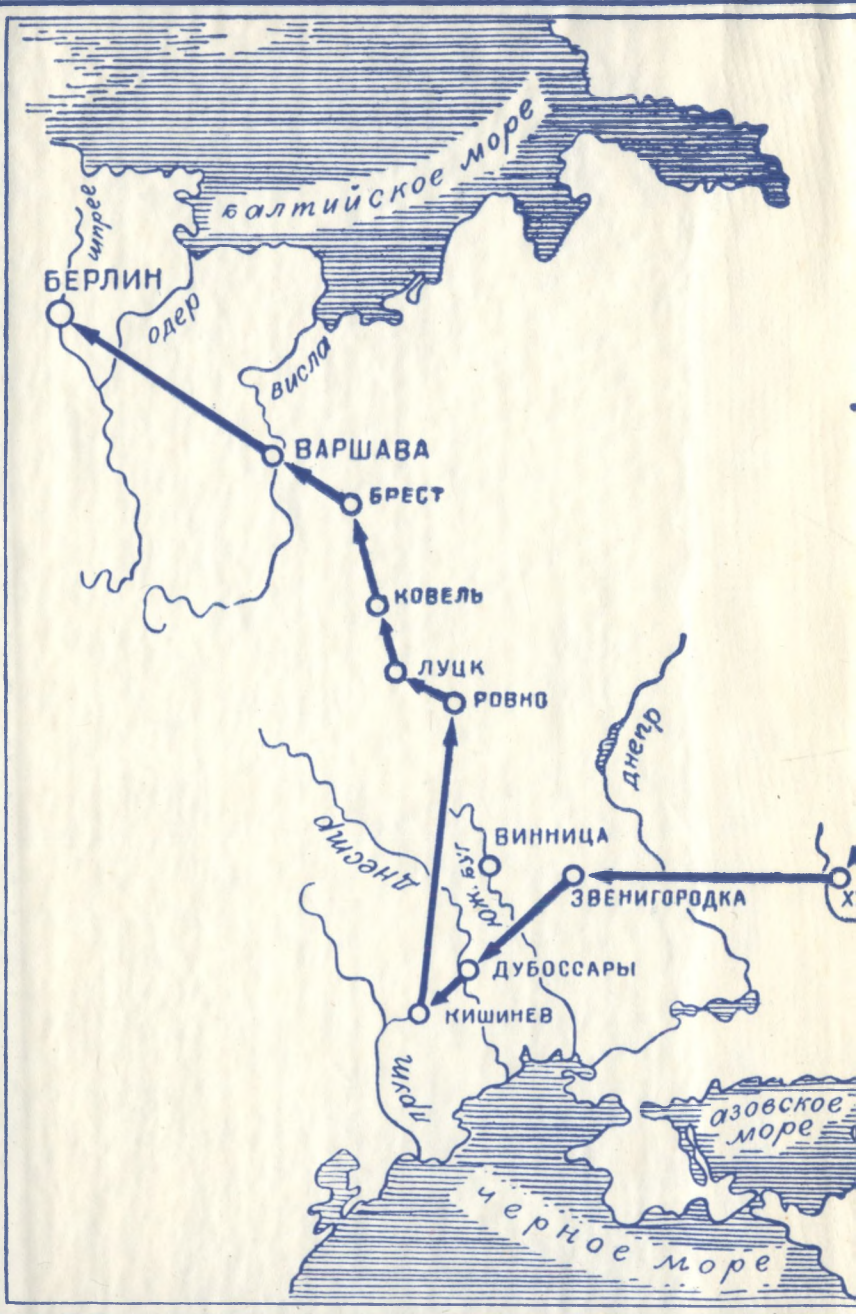

ОГНЕМ ЗАКАЛЕННЫЕ II

ОГНЕМ
ЗАКАЛЕННЫЕ

БЕРЛИН

балтийское море

ВАРШАВА

БРЕСТ

КОВЕЛЬ

ЛУЦК

РОВНО

ВИННИЦА

ЗВЕНИГОРОДКА

ДУБОССАРЫ

КИШИНЕВ

азовское море

черное море

ББК 63.3(2) 722.78
В 99

В этой книге читательскому вниманию предлагаются две документальные повести. Их авторы — ветераны Великой Отечественной — не ставили перед собой целью описать как можно полнее боевой путь частей, в которых им довелось служить. Они рассказывают о «своей» войне, такой, какою каждый из них видел, ощущал, о своих фронтовых товарищах, их доблестных делах.

На форзаце книги помещена схема боевого пути 96-й отдельной стрелковой бригады — 94-й гвардейской стрелковой дивизии.

Рецензенты документальной повести «Огнем закаленные» И. И. Шутемов, В. Г. Светлаков, канд. ист. наук

В 1305010000—38 Без объявл.
М152(03)—92

ISBN 5-7625-0358-5

© И. А. Вязанкин,
1992
© Г. И. Цаур,
1992

И. А. ВЯЗАНКИН

ОГНЕМ ЗАКАЛЕННЫЕ

**Записки
штабного офицера**

Г. И. ЦАУР

ИЗ БОЯ В БОЙ — СОЛДАТСКОЕ ЖИТЬЕ

**«Пермская книга»
1992**

В 1942 году между воинами Северо-Западного фронта и трудящимися Прикамья завязались крепкие связи. Развернулось своего рода соревнование. Бойцы обязались сильнее бить врага, а труженики тыла — увеличить производство вооружения, боеприпасов. В феврале 1942 года делегация Западного Урала вручила 21-му (позднее 89-му гвардейскому) стрелковому полку 180-й (28-й гвардейской) стрелковой дивизии шефское Красное знамя. Это было признанием его боевых заслуг

И. А. ВЯЗАНКИН

ОГНЕМ ЗАКАЛЕННЫЕ

УРАЛЬСКОЕ ЗНАМЯ

Стреляли, и эхо вдали замирало.
Февраль на исходе, и пахнет весной.
И знамя — подарок рабочих Урала —
Стоит под седой старорусской сосной.

Его пронесут перед сомкнутым строем,
И примет его наступающий полк.
В атаках оно развернет над героем
Простреленный пулей пылающий шелк.

И если когда-нибудь в трудном сраженьи
Падет знаменосец на тающий наст,
Теряя сознание, предсмертным движеньем
Он знамя Урала друзьям передаст.

Теснее герои под знамя сойдутся,
Сильнее «ура!» загремит вдалеке.
И руки товарищей крепче сожмутся
На теплом от рук знаменосца древке...

Мы знаем: в бою нелегко временами,
Но в пламя атаки идем напролом.
Над нами трепещет уральское знамя
Летящим по ветру могучим крылом.

Из газеты «За Родину»
Северо-Западного фронта
от 6 марта 1943 года

Глава I

ПЕРВЫЙ БОЙ

1

На землю спускалась ночь. Темнело. Деревья и кустарники сливались в сплошную черную массу, низины покрывались туманом, затруднявшим ориентирование на местности. Из лесочка, где располагался штаб 21-го стрелкового полка, на дорогу вышли два человека. Один из них молодой высокий лейтенант в еще новенькой шинели, крепко стянутой командирским ремнем, — это я. На передний край иду впервые, отсюда и волнение, настороженность. Моему напарнику, старшему сержанту Борису Коновцу, одетому в изрядно поношенную, а местами и подпаленную шинель, уже под сорок. В полку он с начала войны. Поход на «передок» для Коновца — дело привычное.

Петляя по изгибам едва заметной тропки, мы вскоре вышли к небольшому взгорку, окруженному болотом и деревьями. Здесь и располагался блиндаж командира 2-го батальона старшего лейтенанта Михаила Антоновича Ватронина. Мы с Коновцом буквально вползли в это убежище.

Комбат и еще несколько командиров сидели на разостланном еловом лапнике, лица их освещались тусклым светом самодельного светильника. Ватронин, плотный, широкоплечий, потягивал из эмалированной солдатской кружки горячий чай. Он с любопытством посмотрел на нас, улыбнувшись, сказал:

— Что-то не припомню случая, чтобы такое высокое начальство удостаивало нас своим вниманием!

Ирония Ватронина смутила меня. Даже не сразу нашелся, что ответить. Собираясь с мыслями, стал пристально рассматривать крупный накатник, служивший потолком блиндажа. Ватронин перехватил этот взгляд:

— Не смотрите подозрительно на накатник, лейтенант, не бойтесь! Недавно одна шальная мина сюда шмякнула.

Землю и хворост раскопало, а бревна выдержали — их там целых четыре ряда!

Я был уже наслышан о комбате Ватронине как о смелом и опытном командире, который успел повоевать на Карельском перешейке в 1940 году и хлебнуть лиха в первые тяжелые месяцы отступления в 41-м. Знал также, что в Ватронине удивительно уживались сердечная доброта и раздражительность. Впрочем, хоть и вспыльчив иногда бывал комбат, но отходил быстро, зла долго ни на кого не держал. Должно быть, это свойство многих командиров — трудно ведь в боевых условиях сохранять спокойствие. Кроме того, Ватронин недолюбливал штабную работу да и самих штабных работников. Зная это, ответил ему спокойно:

— А я и не боюсь. С чего вы это взяли, товарищ старший лейтенант? Я вот только хотел спросить: почему ваш блиндаж, с виду массивный и крепкий, внутри так тесен — впору только лежать?

— Вот видишь, Иван Петрович, — обратился комбат к своему заместителю старшему лейтенанту Степанову, сидевшему рядом с ним, — сразу видно, что лейтенант — новичок на фронте. — И, повернувшись в мою сторону, продолжил: — Не лежать, а, как видишь, сидеть. В этом и достоинство его. Здесь, брат ты мой, не канцелярия штаба полка, а передовая! Ну, а теперь выкладывай, зачем пожаловал, — уже примирительно произнес Ватронин.

— По указанию начальника штаба полка старшего лейтенанта Орлова прибыл проверить, как ведется в батальоне учет личного состава.

— Вот оно что! Андрей Петрович, займитесь с ним, — приказал комбат адъютанту старшему батальона лейтенанту Афанасьеву, полулежащему в дальнем углу блиндажа.

Афанасьев, молодой, с веселым улыбающимся лицом, чиркнул спичкой, зажег фитиль стоявшего рядом светиль-

Начальник штаба
89-го гвардейского
стрелкового полка гвар-
дии капитан И. А. Вя-
занкин

Командир 2-го стрелкового батальона гвардии капитан И. П. Степанов

ника, вынул из полевой сумки ученическую тетрадь с портретом Пушкина на обложке и подал ее мне.

Учет личного состава в батальоне велся аккуратно. Но Борис Коновец обратил внимание на одну неточность: людей по батальонному списку значилось больше, чем было указано в строевой записке, присланной в штаб полка утром.

Афанасьев пояснил: утреннее донесение составлялось на основе строевых записок командиров рот. В батальонных же списках не отмечены убывшие в полковой медпункт по состоянию здоровья...

— Мы пойдем в роты и там все проверим, — сказал я.

— Сейчас туда идти нет никакого смысла, — заметил замкомбата Степанов. — Во-первых, ночь темная, а проторенной стежки к ротам нет. Можно заблудиться и ненароком попасть в лапы к фрицам. А во-вторых, если и доберетесь, то все равно ничего не увидите, так как свет там зажигать небезопасно даже в укрытии. С вражеской стороны все просматривается.

— Справедливо подмечено, — прервал Степанова Ватронин. — Надо подождать. В три часа старшины рот придут на кухню за завтраком для солдат, вот с ними и двинетесь. Кстати, и вы, Афанасьев, составите компанию нашим гостям. Вам тоже полезно будет побывать в ротах.

Наметив план действий, Ватронин как-то сразу подобрел, предложил мне и Коновцу выпить горячего чайку с сухариками. За чаем разговорились. Узнав, что я лишь недавно прибыл из Коканда, комбат начал расспрашивать о том, что делается во фронтовом тылу, о Москве, через которую я проезжал.

Подробно рассказал ему обо всем, что мне было из-

вестно от других и что видел сам. А видел я, как по Ленинградскому шоссе в сторону фронта непрерывным потоком днем и ночью шли автомобили с пехотой на борту и авто-тягачи с артиллерией, как грохотали тяжелыми гусеницами танки. Видел, как шли, растянувшись по обочине, солдаты маршевых рот. И нескончаем был этот поток, эта лавина техники и людей, всей своей мощью грозно надвигающаяся на фашистов...

Комбат слушал сосредоточенно, изредка поводя плечами, хрустел суставами пальцев, в конце моего рассказа сказал:

— Спасибо, друг, за хорошие вести. — Затем, подумав, добавил: — Пусть только немного подсохнет и сойдет талая вода, обязательно перейдем в наступление. Тогда уж мы за все отыграемся.

Разговор на этом закончился. Комбат вышел из блиндажа. За ним последовал и я. На «передке» стояла относительная тишина. Только со стороны Рамушево изредка доносилось гудение транспортных самолетов врага, подбрасывающего материальные средства своим полуокруженным в районе Демянска войскам. Время от времени вспыхивали осветительные ракеты.

— Боятся фрицы темноты, — сказал комбат. — И где они берут столько осветительных ракет? А стрелять вот мало стреляют. Раньше-то всю ночь для острстки из пулеметов палили. С боеприпасами, видимо, и у них теперь туговато...

Немного постояв, мы вернулись в блиндаж. Комбат сразу же расстелил плащ-палатку и стал устраиваться на отдых. Нам же, гостям, предложил располагаться в свободном углу.

— А скажи-ка, мил человек, почему у тебя на петлицах авиационные эмблемы? — снова обратился Ватронин ко мне. — Не летчиком ли был?

— Нет, летчиком не был, — отозвался я. — А произошло со мной то, что со многими в войну случается. Куда требуются люди, туда их и посылают...

В блиндаже наконец наступила сонная тишина. Однако мне не спалось. Память вновь и вновь возвращала к прежней жизни. Вспомнилось родное село Тольский Майдан, что на Горьковщине, где учился в школе-семилетке. Заветной моей мечтой тогда было поступить в авиаучилище.

Впрочем, кто из юношей в тридцатые годы не испытывал трепетного волнения, читая в газетах или слушая по радио сводки и репортажи о героических подвигах летчиков — спасателей «Челюскина»? Именно тогда у меня и моего товарища по школе Якова Долгова зародилась мечта непременно стать летчиками. А уже после беспосадочных перелетов Чкалова, Белякова и Байдукова по маршруту Москва — Петропавловск-Камчатский — остров Удд, а спустя год и по маршруту Москва — Ванкувер, через Северный полюс, это уже было наше твердое решение. К тому времени мы окончили школу-семилетку и поступили на работу: я после кратких курсов стал учителем, а Долгов — разнорабочим в колхозе. Через год Долгова призвали в Красную Армию. Он был направлен в авиацию и стал летчиком. У меня же все сложилось по-иному. В то время учителя сельских школ имели годичную отсрочку от призыва в армию. И вот в октябре 1939 года, получив повестку явиться на призывной пункт, я, по примеру Якова Долгова, заявил о своем желании служить в авиации.

— Не имеем наряда в авиацию, — ошеломил меня своим ответом работник райвоенкомата. — Будете служить в войсках связи...

Пробился к самому военкому, рассказал ему о своей заветной мечте, о друге Долгове, от которого не хотел отставать...

— Об Эрнсте Кренкеле слышал? — вдруг спросил военком. — Так вот знай: Кренкель, будучи радистом в составе экспедиции Отто Юльевича Шмидта, стал Героем Советского Союза. Так что служба в войсках связи не менее героическая, чем в авиации.

И вот я, уже имея за плечами педагогическое училище, начал служить курсантом школы младших командиров 243-го отдельного батальона связи 167-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся тогда в городе Чернигове. Через полгода окончил полковую школу и остался в ней работать.

Полюбилась мне служба связиста, все реже и реже вспоминал о своей, теперь уже, казалось, несбыточной, мечте.

И вот однажды вечером, когда я готовился к ночным занятиям с курсантами, в казарму вошел посыльный:

— Старший сержант Вязанкин, к комиссару!

Еще до армии я увлекался фотографией, рисованием,

участвовал в оформлении стенных газет в колхозе. Эти мои способности были замечены в полковой школе, и меня часто вызывали к комиссару школы, политруку Басаеву, для каких-нибудь оформительских работ. Однако на этот раз причина вызова оказалась иной. Внимательно посмотрев на меня, Басаев взял с места в карьер:

— Хочешь быть летчиком?

Я несколько растерялся от неожиданного вопроса, но ответил уверенно:

— Очень даже!

Меня направили на гарнизонную медицинскую комиссию при Черниговской военной школе.

— Здоровье хорошее. Будешь летать! — сказал врач, вручая документы.

В феврале 1941 года я прибыл в Харьков, в военно-авиационное училище связи.

Вступительные экзамены сдал успешно, оставалось пройти мандатную комиссию. В то время в училище было три батальона. В состав первого входили курсанты, которых готовили летнабами (летчиками-наблюдателями), во втором обучали радистов, а в третьем — специалистов телеграфно-телефонной связи. Конечно, мне хотелось попасть в первый батальон. Однако мандатная комиссия зачислила во второй, так как я уже был знаком со средствами связи. «Штурманское дело освоите и на этом курсе», — заверили члены комиссии.

В середине марта 1942 года, после окончания ускоренного курса обучения в военном училище, я получил направление на службу в 60-й батальон аэродромно-технического обслуживания Северо-Западного фронта.

И здесь все же не терял надежды и ждал случая, который помог бы перейти на летную службу. Но случай этот так и не представился...

Теперь вот шагал по дороге, которую для меня определила война.

2

Легкий толчок дежурного телефониста возвращает к реальности. Протерев носовым платком глаза, вместе с Коновцом выхожу из блиндажа. На западе еще темно, а на востоке небо начало чуть заметно светлеть. Ветра не

было. Над лесом стлалась дымка, и трудно было определить: туман это или чад от батальонной кухни? Из темноты неожиданно вынырнул лейтенант Афанасьев, а с ним еще двое с термосами за плечами. Одному из них, старшине четвертой роты Дорошенко, скуластому крепкому парню лет тридцати, Афанасьев приказал быть направляющим в группе.

Почти сразу двинулись в путь. Шли медленно, гуськом. Передний край молчал, только изредка, вспарывая потемки, взмывали в небо вражеские ракеты. Они озаряли лес мертвенно-синим светом. Пройдя метров восемьсот, Дорошенко вдруг остановился.

— Дальше по прямой, как раньше ходили, не пройти, — вполголоса сказал старшина. — В прошлый день низину затопило водой, и к вам мы шли уже в обход этого болотца. Окружная дорога будет сухая, но метров на пятьсот длиннее. Кроме того, дважды придется пересекать просеку. Место опасное, простреливает там все вражеский пулемет.

Пошли в обход и вскоре остановились у широкой просеки. Дальше по команде Дорошенко группа на увеличенных интервалах побежала.

Не успели отойти от опасного места и десяти метров, как оно было прошито бисерной нитью трассирующих пуль.

— Проснулся, гад, — шепотом выругался старшина, увлекая людей в глубь леса.

Оживали пулеметные точки и в других местах. А где-то правее с характерным звуком, похожим на криканье, разорвалось несколько вражеских мин. Фашисты, видимо, считали, что таким образом они сдерживают передвижение войск на нашей стороне.

И вновь опасная зона. Старшина притормозил, подал знак задержаться другим:

— Подождем новой пулеметной очереди. Как только она окончится — гуртом за мной, да побыстрее.

Ждать долго не пришлось. И вот уже просека озарилась красными пунктирными стежками. Придерживая за плечами термос, старшина пригнулся, сгруппировался. И как только наступила тишина, рванулся вперед, пересекая по прямой пространство, очищенное от леса. Мы старались от него не отставать. Дыхание перевели уже в густом лесу.

— Слава богу, пронесло, — снимая термос, произнес

Дорошенко. — Здесь уже не опасно, трошки отдохнем. Тащить эту штуку с голодухи сил не хватает.

— А в термосе что, борщ? — спросил я.

— Борщ? Если бы борщ носили, бегалось бы легче! В моем вот вместо чая — кипяток, а у кореша — пшенка: по две ложки на брата, да по три сухаря вприклад. Вот и весь наш паек на целый день.

Поняв свою оплошность, решаю изменить тему разговора.

— Старшина, почему мы в первый раз перебегали просеку по одному, а здесь — Все сразу?

— Там, — поделился Дорошенко опытом, — мы делали переход, когда фашист, будь он неладен, еще спал или дремал, во всяком случае, систематического огня не вел. Значит, нам не было известно, когда он протрет глаза и нажмет на гашетку пулемета. Поэтому, чтобы внезапная очередь не скосила нас всех, мы и перебегали то открытое пространство рассредоточенно. Здесь же мы уже знали, что фашист проснулся и после длинной очереди для охлаждения ствола или перезарядки пулемета обязательно будет время от времени делать перерыв в стрельбе. Вот в этот-то момент и надо преодолевать просеку, так сказать, по методу, который используют некоторые животные. Взять к примеру, городскую кошку... Если ей надо перебежать улицу, она никогда не делает этого, не осматрившись, и никогда не бежит по диагонали. Сначала, прижавшись к цоколю дома, выждет и, выбрав момент, шмыгнет под прямым углом на противоположную сторону. Вот и здесь также был рывок смелый, но с расчетом...

— Ого! — невольно вырвалось у меня. Вот она, азбука военной науки!

На наблюдательном пункте командира роты не было. Здесь находился только все знающий дежурный телефонист. Скосив на нас глаза, он коротко буркнул:

— Все на «передке».

Командира роты лейтенанта Карамнова мы разыскали в лесу, у небольшой канавы, залитой водой. Распластавшись в неглубокой выемке окопчика, устланного еловым лапником, он держался за приклад ручного пулемета и через прицельную прорезь сосредоточенно смотрел на вражескую сторону. Тут же, у окопчика, поблескивая лакированной кобурой парабеллума на левом боку, примостился на корточках сержант Макаров. Он выполнял обязанности командира взвода. Выглядел Макаров устало, был небрит

Командир 3-го стрелкового батальона гвардии капитан А. П. Афанасьев

и угрюм. Карамнов объяснял ему, где и как нужно установить колышки, ограничивающие сектор обстрела при стрельбе ночью или в тумане.

— Сделаем... — отвечал Макаров.

Увидев подошедших командиров, Карамнов после официального доклада Афанасьеву вполголоса пояснил:

— Вот сюда мы перенесли тот ручной пулемет, о котором докладывали в штаб батальона. Сам проверил сектор обстрела. Здесь он будет работать не хуже, чем на прежнем месте.

И, как бы извиняясь за проказы весны, из-за которых пришлось устанавливать ручной пулемет на новую огневую пози-

цию, лейтенант продолжил:

— Говорят, что реку не повернуть вспять. А вот наш безымянный ручеек сам побежал вверх...

— Это из-за реки Пола. От вешних вод она сама вздулась и наполнила теперь водой все ручьи и протоки, которые ее питают летом, — громко, в полный голос сказал Афанасьев.

— Тише, товарищ лейтенант, — предупредил командир роты. — Фрицы здесь рядом, всего в ста метрах, за ручьем. Услышат, гады, — не избежать беды!

В училище я внимательно следил за сводками с фронта, часто думал о людях на войне, поражался тому, как они, особенно стрелки, в слякоть и дождь, в лютые морозы и выюги месяцами находятся под открытым небом, да еще в условиях смертельной схватки с врагом. Бойцы безвылазно живут в лесах и болотах, где им, полуголодным, постелью и укрытием от непогоды служат лишь еловый лапник да фронтовая плащ-палатка. Негде просушить одежду и обувь, от сырости покрывшуюся зеленой плесенью. Но они не обращают на это почти никакого внимания, они выполняют свой воинский долг. Выполняют честно, с мужицкой основательностью.

...Светало. Неожиданно подул северный ветер. Туман

стал рассеиваться. Выяснив, что требовалось, мы возвращались на ротный наблюдательный пункт. При подходе к легонькому блиндажу Афанасьев вдруг остановился, прислушался.

— Кажется, непрошенные гости к нам летят, — сказал он с тревогой в голосе. Вслед за ним и мы уловили характерное надрывное гудение фашистских самолетов. И вот уже с северо-западной стороны леса появилось более десятка «юнкерсов» и «мессершмиттов». Они налетели так быстро, что Афанасьев только и успел крикнуть:

— Быстро все в укрытие! — и первым бросился в блиндаж.

Зенитной артиллерии в полку не было. Гитлеровские летчики, чувствуя безнаказанность, вели себя нагло.

Фашисты разделились на две группы. Первая пошла бомбить район артиллерийских батарей и штабы полков дивизии, другая, меньшая, развернувшись через левое крыло, образовала зловещий круг как раз над позициями нашего переднего края. Сделав один облет и включив сирены, самолеты начали пикировать на оборонительные сооружения и командирские наблюдательные пункты — угольники, сделанные из сосновых бревен и сверху покрытые кругляком и землей.

Оглушительные взрывы следовали один за другим. Легонькое убежище, приютившее нас, содрогалось, словно в лихорадке.

Однако вскоре рев моторов стал стихать. Лейтенант Афанасьев первым вылез из укрытия, за ним — остальные. Вокруг наблюдательного пункта командира роты виднелось до десятка воронок. Коновец выругался:

— Вот паразиты, стокилограммовые бомбы бросают!

Стараясь скрыть дрожь в голосе, как можно спокойнее обращаюсь к Афанасьеву:

— Ну что ж, пожалуй, можно идти и во второй взвод.

Командир роты Карамнов, повернув в сторону правого фланга своей обороны, уверенно зашагал вперед.

Вдруг снова раздался надсадный гул.

— Новая партия идет, — как-то небрежно бросил Коновец. — Кажись, на нас курс держит.

Теперь уже на небо никто не смотрел, не прислушивался, все бросились к видневшимся невдалеке траншеям.

Падаю на дно траншеи и переворачиваюсь на спину. Очень хорошо видно, как самолеты выстраиваются над передним краем обороны в круг. Затем каждый «юнкерс»

выпускает длинную пулеметную очередь и сбрасывает одну бомбу за другой.

Вздрагивает промерзшая болотистая земля, летят вверх грязные комья, с треском ломаются сучья с корнем вырванных деревьев. Одна сосна грохнулась на траншею вблизи от меня. Воздушная волна поднимает пыль в траншее, бьет в глаза. Приходится нахлобучить на лицо шапку.

Отбомбившись, самолеты так же быстро улетели, как и в первый раз.

— Живы? — подал голос Афанасьев.

— Обошлось, — ответил за всех Коновец.

Начали выходить из траншеи. С первым же шагом ощущаю в левой голени неприятную боль.

— Ты что, ранен? — спрашивает Афанасьев.

— Ничего, видимо, тяжелым куском мерзлой земли стукнуло, заживет...

Однако, сделав еще несколько шагов, понимаю, что дальше идти не могу. Прихрамывая, возвращаюсь к наблюдательному пункту роты. За мной следует и вся наша группа.

Проходя мимо позиций 1-го взвода, мы видели, как бойцы, уже выбравшись из укрытий, расчищали секторы обстрела, откапывали засыпанные землей гранаты, готовились к бою с врагом. Суеились санитары: перевязывали раненых, подбирали убитых...

Еще не успела осесть после бомбежки земля, как гитлеровцы открыли огонь из пушек и минометов. Особенно сильно они начали обрабатывать центр и правый фланг боевого порядка роты.

— Что-то уж чересчур усердно фашисты лупят по вышенности в районе обороны четвертой роты... Не собираются ли там атаковать? — предположил вслух начальник штаба батальона.

— Возможно, что и так. Не зря они бомбили этот лес... Торопятся до большой воды расширить коридор к окруженным. Пусть только сунутся! Ох, и врежем же им! — ответил Карамнов, отведя от глаз бинокль. Затем Карамнов связался с Ватрониным.

— Товарищ одиннадцатый! Докладываю, что гитлеровцы одной авиабомбежкой не ограничились. Почти сразу начали сильный артиллерийский обстрел позиций роты и чуть дальше вправо. Мы тут посоветовались и решили доложить вам: вслед за артподготовкой возможна атака живой силой.

— От гитлеровцев теперь всего можно ожидать, — отозвался Ватронин. — Они будут пытаться расширить коридор любой ценой. Такие сведения мы получили и из штаба полка: пленный, захваченный дивизионной разведкой прошлой ночью, сообщил. Будьте бдительны! Держитесь! Поможем вам огнем артиллерии и минометов.

Ватронин помолчал несколько секунд, потом вновь заговорил:

— А пока срочно высылаю вам станковый пулемет «максим» с опытным расчетом. Используйте его на сложных участках. Держитесь! Мы внимательно следим за вами.

Противник постепенно перенес артиллерийско-минометный огонь в глубину нашей обороны. Из леса, по ту сторону просеки, высыпали гитлеровцы. Их было много, до батальона. Они образовали три цепи. Танков не было видно. Широкая прогалина стала темно-серой от немецких кителей.

Батальонные и полковые минометы и артиллерия открыли огонь по наступающей пехоте врага. Стрелковые подразделения молчали. Им было приказано подпустить гитлеровцев на возможно близкое расстояние.

На цепями гитлеровцев вспыхнули три зеленые ракеты. Фашисты открыли стрельбу из автоматов и винтовок. Они подходили все ближе и ближе. Наконец последовала команда: «Огонь!» Мгновенно вся линия переднего края озарилась яркими вспышками.

Хорошо косил врагов станковый пулемет «максим», огневая позиция которого была недалеко от наблюдательного пункта командира роты. Грозную «мелодию» выводил пулеметчик сержант Ладышкин. Красноармеец уралец Чусов слегка поддерживал ленту с патронами, помогая ей скользить в приемник. Вот она кончилась. Чусов сразу же вставил новую. Ладышкин перезарядил пулемет и в это время увидел около двух десятков фашистов, бегущих прямо на его позицию. Быстро и сноровисто он навел на них пулемет, открыл огонь с близкого расстояния. Гитлеровцев срезало, как траву косой.

Просека уже была усеяна трупами. Несколько раз пехота врага поднималась в атаку, но цели так и не добились.

Один ручной пулемет вдруг замолк, и большая группа противника вклинилась в боевой порядок взвода. Командир взвода младший лейтенант Золонцов выскочил из сво-

его укрытия и выстрелами из пистолета в упор уничтожил двух гитлеровцев. Ручной пулемет отделения Чупрова продолжал работать четко и косил наседавших фашистов. Потери их были большими, но они упрямо шли вперед: бежали, стреляли, падали, вскакивали и вновь бежали.

На помощь воинам, ведущим оборонительный бой, подошли командир роты лейтенант Карамнов и его ординарец Володя Мякишев. Появление Карамнова в боевых порядках воодушевило бойцов. Самому же лейтенанту удалось сделать только три-четыре очереди. Диск автомата оказался пуст. Лейтенант попытался его перезарядить, но не успел. В узкую траншею прыгнули четыре фашиста, один из них, судя по форме, был офицер. Двух солдат тут же скосил Мякишев. Третьего он успел стукнуть прикладом автомата по голове. Офицер же бросился на командира роты, схватил его большими ручищами за горло и повалил на дно траншеи. Карамнов сумел сбросить фашиста с себя, вытянул из кобуры пистолет, выстрелил. Фашист скорчился и завалился на дно траншеи.

Подбежал ординарец:

— Товарищ командир, живы?

— Нормально, смотри вперед!

В траншее продолжалась рукопашная схватка. Из автомата в такой ситуации вести огонь нельзя: можно поразить и своих. Оставалось одно — стрелять из пистолета или бить врагов прикладами.

Бой не утихал. Фашисты продолжали лезть напролом. Ординарец Карамнова, стоя в траншее, бил из автомата по подбегавшим врагам. Неожиданно подкравшийся справа гитлеровец выбил у него из рук оружие, схватил за грудки, и они покатались по дну траншеи. Другой немец почти в упор расстрелял Мякишева.

Карамнов выстрелом из пистолета сразил гитлеровца, бросился к ординарцу. Но Володя был уже мертв...

Мы с Афанасьевым, покинув укрытие, вместе со старшим сержантом Коновцом и ординарцем Афанасьева Мишей Сорокиным побежали на позицию, подготовленную слева от наблюдательного пункта роты, залегли в окопах. К нам присоединились еще два красноармейца, присланных Карамновым, с ручным пулеметом. Командование группой взял на себя Афанасьев.

Гитлеровцы не заставили себя долго ждать. Вот они уже преодолели неглубокий ручей и развернулись в линию. Все мы сосредоточенно наблюдали за ними.

Команда Афанасьева: «Огоны!» — прозвучала для меня неожиданно. Немцы сразу же залегли. Спустя несколько минут они вновь поднялись в атаку, ведя огонь из автоматов. Однако было их уже меньше.

И снова трескотня ручного пулемета и автоматов заполнила лес.

Справа послышалось: «Ура-а-а!» Вражеские автоматчики попятились и скрылись за ручьем. Несколько мин шмякнуло в лесу, за нашими спинами. Вскоре стало ясно: атака гитлеровцев на этом направлении сорвалась.

На правом же фланге бой разгорался все более ожесточенно. К воинам роты подошло подкрепление: стрелковый взвод 5-й роты — резерв командира батальона. Прибывшие с ходу вступили в жаркую схватку с врагом.

Уралец Цунаев, рослый, крепкий боец, увлек за собой небольшую группу воинов. И опять пришлось поработать в рукопашной. Отличились Цунаев, Попов, Баранов, Шмелев.

Вскоре в самом горячем месте появился лейтенант Карамнов. Вместе с ним было еще несколько бойцов. Вражеская атака вновь захлебнулась. Гитлеровцы отошли на исходные позиции.

...Было уже далеко за полдень. Небо заволокли тучи, похожие на серую прокопченную вату. Полил мелкий, но частый дождь. Мы вернулись на наблюдательный пункт. Все были возбуждены.

С наступлением темноты двинулись в обратный путь. Следуя советам Дорошенко, шли осторожно.

На командно-наблюдательном пункте командир батальона Ватронин, прищурив глаза, спросил:

— Ну, как на «передке»? Удалось вам сосчитать наших героев?

— Да, и впрямь настоящие герои! Вот только сосчитать их не удалось, фрицы помешали... Кстати, неточности в строевых записках делались в батальоне, товарищ комбат.

— Возможно, возможно, лейтенант. Доложите начальнику штаба полка, что мы в этом деле разберемся, — заверил меня комбат.

3

Первая декада мая 1942 года настоящего весеннего тепла не принесла. Часто моросил назойливый обложной

дождь, нередко перемежавшийся с мокрым снегом. Не спадала вода и в реках. Половодье охватило обширную местность междуречья Ловати, Редьи и Полисти. Развезло, расквасило дороги — не проехать, не пройти. Бездорожье вызвало перебои в доставке продуктов и других материальных средств в полки и дивизию. На распределение продуктов командованием был введен жесткий контроль.

Недоедание сказывалось на людях по-разному. Одни становились вялыми, апатичными. Другие силой воли заставляли себя держаться и даже бодриться. Чтобы как-то заглушить голод, некоторые командиры и бойцы часто курили. Правда, в «козьи ножки» приходилось засыпать не махорку — ее тоже не доставало, — а прошлогодние листья липы. Пробовал курить и я, но, кроме горечи в горле, ничего не ощущал.

Командование армии пыталось использовать самолеты По-2 и У-2. На парашютах они сбрасывали в распоряжение полков тюки с продовольствием и боеприпасами. Однако и в этих случаях не обходилось без затруднений. Из-за сложного ориентирования над лесом летчики нередко кидали грузы на нейтральную или вражескую территорию.

Поисками продовольствия занимались и сами бойцы. Основная дивизионная база, на которой находились материальные запасы, располагалась в деревне Черенчицы, что в 35 километрах к юго-востоку от Старой Руссы. Вот туда и снаряжались пешие экспедиции. Солдатские продотряды пробивались в Черенчицы через топкие болота, по звериным тропам. Этими экспедициями обеспечивалось три четверти суточного пайка, да и то нерегулярно, не так часто, как хотелось бы.

Основными продуктами питания были пшено и сухари. Недостаток в пище витаминов приводил к вспышке цинги. Многие бойцы страдали от расстройств пищеварительного тракта.

Как-то в полдень, вскоре после возвращения очередной «сухарной экспедиции», заглянул в землянку писарей штаба. У входа заметил вещевой мешок, наполовину чем-то заполненный. Однако большого значения этому не придал.

Часа через три снова зашел к писарям, и передо мной предстала такая картина: бойцы сидели кружком, посередине стоял крестьянский чугунок. Придерживая коленями

алюминиевые солдатские котелки, все аппетитно что-то жевали.

Старший писарь полка Петр Личагин предложил мне присоединиться к их трапезе. Начал было отказываться, но устоять все же не смог: уж очень соблазнителен был запах душистого вареного мяса.

Достав из бокового кармана ложку, отхлебнул из котелка. Бульон показался обычным варевом костровой кухни. Мясо же было твердым и похрустывало на расшатавшихся от цинги зубах.

— Что за блюдо? — интересуюсь.

— Татарский деликатес! — уклончиво отвечает Личагин. — Коновец расстарался. Обогащает, так сказать, наш скромный фронтовой рацион.

Перевожу взгляд на охотника-сибиряка.

— Один кореш поделился, — отозвался Коновец. — Когда возвращались с продуктами, попали под бомбежку. Осколком сразило одну бедолагу. Артиллерийской была, поэтому и жилистая...

Все хитро заулыбались.

Ответ старшего сержанта, видимо, был придуман заранее. Расспрашивать дальше не имело смысла. Правды все равно не добьешься.

История с мясом вскоре, однако, уже не была секретом для меня. Все оказалось просто. Группа носильщиков на обратном пути из деревни сделала привал в густом лесу вблизи глубокого оврага, в котором лежал еще снег. Здесь Коновец случайно и обнаружил труп коня, убитого еще зимой. Сверху он начал уже разлагаться, снизу же мясо оставалось еще замороженным. Им-то и набили солдаты свои сидоры.

Несмотря на трудности с питанием, подобных самовольств больше не допускалось.

Старший писарь полка
П. Личагин

Глава II

В ДНИ ПЕРЕДЫШКИ

1

Темнота апрельской ночи сгустилась. Подходя к своему жилищу, замечаю красные проблески над крышей. Рывком открываю дверь и вхожу в блиндаж. Ординарец Крепышева рядовой Котов сидит у железной печки, подбрасывая в нее заранее приготовленные дрова.

— Где командиры? — спрашиваю у него.

Ординарец встает, оправляет гимнастерку:

— Старший лейтенант Крепышев только что был здесь, велел согреть кипяточку и куда-то вышел. Видимо, к начальнику пошел, а Шикунова, ПНШ по разведке, я с вечера не видел.

Скидываю шинель, выпиваю кружку кипятку вприкуску с сухариком, надеваю свободную фуфайку и тут же выхожу из блиндажа. Нужно доложить начальнику штаба полка Орлову о результатах своего похода в батальон.

В землянке начальника штаба также жарко натоплено. Орлов сидит за столом и слушает доклад Крепышева.

— А-а, явился. Почему задержался? — обратился начальник штаба ко мне.

— Слышали, наверное, какой сабантуй нам устроили гитлеровцы с самого утра?

— Нам здесь тоже несладко было. Ну, давай докладывай.

Подробно рассказал о событиях, происшедших в батальоне, передал просьбу Ватронина подбросить людей.

— Мы уже знаем об этом. Пока вы были в батальоне, старший лейтенант Крепышев подсчитал численный состав тыловых подразделений и набрал несколько десятков красноармейцев и сержантов, которых можно направить в боевые подразделения. Они сегодня же туда отбывают, в том числе двадцать бойцов и во второй батальон. Все. Этот вопрос будем считать решенным. — Орлов посмотрел на меня и с улыбкой добавил: — Значит, в оборонительном бою и вы с Коновцом принимали участие?

— С нами был и лейтенант Афанасьев.

— Выходит, вас можно поздравить с боевым крещением?

— Спасибо!

Постепенно завязалась непринужденная беседа. От

Орлова и Крепышева я узнал много интересного о боевой истории полка.

До июня 1941 года он дислоцировался в летних лагерях недалеко от Таллинна. А с объявлением войны был поднят по тревоге и переведен в город, в зимние казармы, где срочно пополнился запасниками, частично довооружен и приведен в полную боевую готовность.

Боевое крещение полка, как и других частей дивизии, состоялось 8 июля. Тогда 22-й стрелковый корпус, куда входила и дивизия, в составе Северо-Западного фронта занимал оборону на рубеже Махновка — Жгилово, что юго-западнее города Порхова.

Гитлеровское командование бросило против наших войск танки и бронетранспортеры 56-го армейского корпуса, авиацию. Применяя массированные атаки, воздушные и танковые десанты, непрерывную бомбежку, обходы и охваты, фашисты стремились смять части дивизии, с тем чтобы полностью освободить себе дорогу на Новгород и Валдайскую возвышенность. Наши солдаты отходили на восток под жарким летним солнцем, в крови, в поту и пыли.

В середине июля 1941 года 11-я армия, в составе которой продолжала находиться и 180-я стрелковая дивизия, организовала мощный контрудар по противнику в районе города Сольцы. Дивизия наступала на левом фланге армии и наносила удар в тыл 3-й моторизованной дивизии врага. Наши воины сумели разгромить его тылы, захватить в плен более сотни солдат и офицеров и вывести из строя большое количество бронетранспортеров и автомашин.

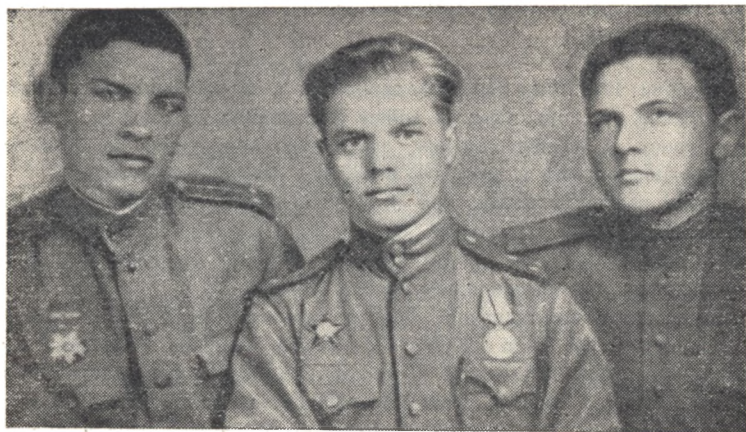
Многочисленные ожесточенные бои на Северо-Западном фронте сковывали значительные силы врага, затрудняли быстрое продвижение фашистских войск в глубь страны, оказывали немалую помощь войскам, оборонявшим Ленинград.

К 31 августа полк совместно с другими частями дивизии закрепился на рубеже Снецкий залив — болото Невий Мох восточнее озера Ильмень. И здесь больше уже ничто не помогло врагу сдвинуть наших солдат с места: ни массированные бомбовые удары, ни ожесточенные артиллерийские и минометные налеты, ни атаки пехоты. Воины полка и всей дивизии не уступили врагу ни пяди.

Впрочем, гитлеровское командование не оставляло надежд прорваться на Валдайскую возвышенность. 4 декабря очередной бой разгорелся за один из опорных пунктов дивизии, находившийся в деревне Пустынка. Расположена она была на взгорке, возвышавшемся над болотом Невий Мох.

Сильные морозы сковали непроходимые топи болота, и оно стало удобным для продвижения не только вражеской пехоты, но и бронетранспортеров.

В Пустынке оборонялась 9-я рота 92-го стрелкового полка. После

Командование 2-й пулеметной роты 92-го гвардейского стрелкового полка: командир взвода гвардии лейтенант А. Жданов, командир роты гвардии старший лейтенант А. Белов, командир взвода гвардии лейтенант А. Пенков

мощной бомбовой и артиллерийской обработки фашисты бросили на деревню пехоту с бронетранспортерами. Несколько их атак были отражены. Противник понес большие потери. Большую храбрость и личную отвагу в этом продолжительном бою проявил командир взвода старший сержант И. Мамедов. Вместе со своими бойцами он уничтожил свыше семидесяти гитлеровцев и высоту удержал. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза, другие его товарищи также были награждены боевыми орденами и медалями.

Казалось, должно было наступить некоторое затишье. Но этого не произошло. Противник продолжал беспокоить обороняющихся. Нередкими были массированные удары авиации с воздуха. Не получая должного отпора, вражеские летчики настолько обнаглели, что гонялись на своих самолетах то за отдельной повозкой, то за красноармейцами, оказавшимися на открытом поле.

Но вот наступил морозный январь 1942 года. 21-й стрелковый полк, усиленный лыжными и танковыми батальонами, во взаимодействии с 86-м стрелковым полком дивизии (92-й полк оставался на прежнем месте, в обороне) прошел по бездорожью и заметенному озеру Ильмень 25 километров и, обойдя открытый фланг 290-й пехотной дивизии врага, вышел ей в тыл.

Труден был этот путь. Однако ни глубокий снежный покров, ни коварные полынья Тиссовского озера, рек Верготь и Ловать и безымян-

ных болот не остановили воинов полка, командиром которого был тогда майор Г. И. Чурмаев.

Полк, сосредоточившись в указанном месте, одновременно с 86-м стрелковым полком дивизии ударил там, где враг его меньше всего ожидал. Совместные действия полков дивизии с 254-й стрелковой дивизией, наступавшей с фронта, привели к разгрому 290-й пехотной дивизии противника. В этих зимних боях января — февраля 1942 года 180-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. И. Миссана освободила около ста населенных пунктов Старорусского и Полавского районов (тогда Ленинградской области), захватила значительные трофеи, уничтожила более трех тысяч вражеских солдат и офицеров. Добрая половина этих дел приходилась на 21-й стрелковый полк.

Орлов и Крепышев рассказали мне и еще об одной важной странице в истории дивизии и полка.

В январе 1942 года военный совет Северо-Западного фронта от имени бойцов и командиров дивизии направил трудящимся Пермской (с 1940 по 1957 год — Молотовской) области послание, в котором выражал благодарность за присланное большое пополнение солдат и командиров. Одновременно предлагалось установить шефские связи между трудящимися области и воинскими частями фронта.

В Прикамье на многочисленных партийных, комсомольских, профсоюзных и общих собраниях это предложение было принято с одобрением. Фронтовики обязались усилить борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, а пермяки — дополнительно изготавливать оружие и боеприпасы, организовывать сбор средств и подарков воинам фронта.

В феврале 1942 года совместным решением бюро Пермского обкома партии и облисполкома было учреждено шефское Красное знамя для награждения им частей фронта. Тогда же в Прикамье сформировали делегацию трудящихся области во главе с секретарем обкома ВКП(б) А. В. Жуковым. В адрес воинов Северо-Западного фронта вышел эшелон — 40 вагонов с подарками.

25 февраля 1942 года делегация уральцев прибыла в дивизию. На заседании военного совета фронта было решено, что награждения шефским знаменем заслуживает 180-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. И. Миссана. После небольшого совещания с командованием пришли к выводу, что вручить знамя надо 21-му стрелковому полку, как лучшему в дивизии. В этот же день гости побывали в полку. Сопровождал их начальник штаба дивизии полковник А. И. Кашеев.

Ко времени прибытия делегации на КП полка были вызваны лучшие бойцы и командиры. Воины полка рассказали представителям Западного Урала о своих боевых успехах, в частности, о разгроме 290-й пехотной дивизии противника. Члены делегации доложили о де-

лах рабочих заводов и сельских тружеников. Вот некоторые строки из этого доклада: «Начавшееся в первых числах февраля 1942 года соревнование с Северо-Западным фронтом получило широкий размах и охватило большое количество предприятий, колхозов, МТС и совхозов области. Оно стало могучим рычагом в борьбе за повышение производительности труда на предприятиях и способствовало политической мобилизации трудящихся области на выполнение лозунгов: «Все для фронта! Все для победы!»

Колхозы, МТС, совхозы стали более успешно готовиться к проведению предстоящего весеннего сева 1942 года.

Соревнуясь с бойцами Северо-Западного фронта, многие стахановцы заводов добились рекордных норм выработки. Так, например, токарь т. Казанцев выполняет сменное задание на 453%, котельщик т. Кояев — на 450%.

Фронтная бригада т. Иванова (цех № 38) систематически выполняет план на 200% и более. Сам бригадир Иванов добился рекордной выработки, выполняя сменное задание на 800%.

Образцы самоотверженного труда показывает комсомольско-молодежная бригада цеха под руководством комсомольца т. Батракова. Все токари и фрезеровщики этой бригады выполняют задание на 220—240%. На днях токарь т. Баталов установил рекорд на обработке одной очень важной детали, выполнив норму на 500%.

При обсуждении приказа наркома обороны к 24-й годовщине Красной Армии шлифовальщик т. Удников заявил: «Приказ есть боевая программа борьбы с кровавыми фашистскими оккупантами. Фронтовики, выполняя приказы, будут и впредь гнать подлых захватчиков с нашей земли, а мы должны усиливать поставку вооружения. Я обязуюсь выполнить не менее трех норм».

Учащиеся-шлифовальщики тт. Бекмышев, Ларионов и другие дают каждую смену 450% производственной нормы.

Социалистическое соревнование с войсками Северо-Западного фронта получило широкое развитие и среди угольщиков области.

Знатный навалотбойщик шахты имени Калинина т. Шайхутдинов, включившись в соревнование, достойно выполняет взятые обязательства. Его бригада выполняет ежедневно производственное задание не менее чем на 160%, с каждым днем повышая добычу угля.

Особенно широко развернулось социалистическое соревнование среди железнодорожников области.

На железнодорожном узле ст. Усольская (г. Березники) ряд цехов и участков, как, например, коллектив выездных вагонных мастеров, котельный цех, паровозное депо и другие, объявили себя красноармейскими подразделениями.

Сотни колхозов, МТС и совхозов области также соревнуются с Северо-Западным фронтом за повышение урожайности, развитие об-

щественного животноводства, подготовку и проведение весеннего сева 1942 года.

Соревнуясь с фронтом, трудящиеся области к дню 24-й годовщины послали бойцам, командирам и политработникам эшелон с посылками и подарками весом 120 000 кг...»

Делегаты также рассказали фронтовикам о заботе, проявляемой в тылу по отношению к семьям красноармейцев, о любви к нашей доблестной Красной Армии.

Подписка на Государственный заем в 1942 году прошла несравненно организованнее и на более высоком уровне, чем в предыдущем.

Пескоструйщик Цебенко в дни реализации займа систематически выполнял норму на 400—450%, на заем подписался на 2200 рублей при месячной зарплате в 1200 рублей.

26 февраля 1942 года в 21-м стрелковом полку состоялся митинг с участием представителей подразделений полка и делегатов с Урала.

От имени трудящихся Пермской области выступил секретарь ОК ВКП(б) А. В. Жуков. Он поздравил бойцов и командиров с разгромом 290-й пехотной дивизии противника и призвал воинов полка еще сильнее бить зарвавшихся фашистов.

А. В. Жуков заверил бойцов и командиров в том, что трудящиеся Пермской области дадут фронту все, в чем будет нуждаться Красная Армия.

Выступивший на митинге начальник политотдела дивизии полковник А. Д. Курылев отметил, что в связи с вручением шефского Красного знамени трудящихся области на всех воинов ложится большая ответственность за выполнение боевых приказов командования.

27 февраля 1942 года на командном пункте дивизии перед строем представителей частей и подразделений дивизии состоялось вручение 21-му стрелковому полку шефского Красного знамени. Был организован митинг. На нем присутствовали и выступили член военного совета 11-й армии дивизионный комиссар С. Е. Колонин, секретарь Пермского обкома ВКП(б) А. В. Жуков, командир дивизии полковник И. И. Миссан, комиссар дивизии старший батальонный комиссар В. В. Бабицкий, командир 21-го стрелкового полка майор Г. И. Чурмаев.

Принимая шефское знамя трудящихся области, командир 180-й стрелковой дивизии полковник Миссан от имени всего личного состава заверил представителей Прикамья, что дивизия и впредь будет громить фашистских захватчиков. На митинге была зачитана поздравительная телеграмма, присланная уральцами.

Во многих частях и подразделениях также состоялись митинги. Бойцы и командиры говорили о том, что перенесут какие угодно трудности, но врага разобьют. Уралец сержант Белоусов заявил: «Молотовские патриоты-земляки гордятся успехами нашей дивизии по разгрому и истреблению фашистских орд. В ответ на врученное знамя

21-му стрелковому полку и телеграмму в адрес дивизии мы умножим боевую славу дивизии».

Вскоре после вручения знамени полковник Миссан написал пермякам письмо, которое было опубликовано во всех армейских газетах фронта.

«Слушай, фронт, призыв бойцов части Миссана! Бойцам, командирам и политработникам Северо-Западного фронта и трудящимся Пермской области!

Дорогие товарищи!

24-ю годовщину Красной Армии мы отметили новыми победами в борьбе с ненавистными немецко-фашистскими полчищами. Войска Северо-Западного фронта, развернув боевое соревнование, нанесли ряд ударов частям 16-й немецкой армии и крепко зажали ее в железное кольцо.

Наша часть также добилась немалых успехов, освободила 96 населенных пунктов, завершив разгром 290-й пехотной немецкой дивизии, захватила большие трофеи.

Нашей части вручено Красное знамя трудящихся Пермской области. Это знамя — символ горячей любви советского народа к своей Красной Армии — воодушевляет нас на новые подвиги.

Мы не можем успокаиваться на достигнутых успехах. Пока поганные ноги оккупантов топчут нашу родную землю, мы обязаны беспощадно бить сопротивляющегося врага, без передышки гнать его на запад, самоотверженно, не жалея своих сил и самой жизни, выполнять свой долг перед Родиной.

Фашистская военная машина надломлена. Но надо ее сломить до конца. Врагу крепко попало, но он еще силен, хитер, коварен. Цепляясь за каждый рубеж, за каждый населенный пункт, фашистский зверь бешено сопротивляется...

Призываем вас, товарищи, соревноваться за быстрейшее выполнение задач, за завоевание высокого и почетного звания гвардейской части гвардейского соединения.

Товарищи пехотинцы! Без передышки громите окруженного врага, истребляйте сопротивляющихся оккупантов, не давайте им ускользнуть из-под наших ударов!

Товарищи артиллеристы! Громите укрепленные узлы и опорные пункты сопротивления противника, уничтожайте его технику и живую силу! Помогайте пехотинцам быстрее покончить с окруженными войсками захватчиков!

Товарищи танкисты! Уничтожайте вражеские танки! Крушите врага снарядом, давите гусеницами! Истребляйте пулеметным огнем гитлеровских бандитов! Громите вражеские укрепления, расчищайте путь пехоте!

Товарищи связисты! Обеспечивайте бесперебойную, хорошо дейст-

вующую связь в бою! Хорошая связь — залог победы над немецкими захватчиками!

Товарищи саперы! Бойцы, командиры и политработники инженерных частей! Очищайте советскую землю от вражеских мин! Прокладывайте путь на запад нашей пехоте, артиллерии, танкам! Взрывайте вражеские укрепления!

Товарищи рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, трудовая интеллигенция Пермской области! Неуклонно поднимайте производительность труда! Увеличивайте производство вооружения, боеприпасов, сельскохозяйственных продуктов!

Под знаменем партии Ленина-Сталина вперед, к новым победам!..

По поручению бойцов, командиров и политработников части полковник И. Миссан, старший батальонный комиссар В. Бабицкий, подполковник А. Кашеев, старший батальонный комиссар М. Бусыгин, старший лейтенант орденосец А. Воронин, младший политрук В. Шумилов, заместитель политрука А. Войтюк, младший лейтенант А. Белячков, красноармеец орденосец Гармашев, красноармеец М. Лейбов, старший сержант Е. Николаев, красноармеец Н. Назаров, младший сержант С. Борисов, красноармеец В. Пивненко, младший лейтенант В. Ильин, политрук Н. Крупейников».

Между тем оперативная обстановка складывалась следующим образом. Через освобожденную территорию командованием Северо-Западного фронта были введены резервные части, которые с рубежа восточнее Старой Руссы нанесли удар по противнику в южном направлении. Им навстречу, с юга на север, наносила удар 34-я армия. В результате в районе города Демянска была окружена большая группировка гитлеровцев.

Немецко-фашистское командование не смирилось с тем, что их войска попали в котел. В конце апреля немцы сумели прорвать кольцо окружения и образовать коридор вдоль Рамушевского шоссе. Некоторые наши части оказались отрезанными от соединений 11-й армии, занимая оборону с северо-западной стороны коридора. Они были переподчинены 1-й ударной армии

2

Шло время. Служба моя текла своим чередом. Продолжал знакомиться с бойцами. Появились у меня и друзья. Располагаясь в одной землянке с Крепышевым и Шкуновым — помощниками начальника штаба полка по оперативной части и разведке, нередко помогал им составлять боевые донесения и оперативные сводки. Выполнял и другие

работы по оперативной части, вникал в боевую обстановку. Уже спокойно, без прежнего волнения, переносил бомбежки, артиллерийские и минометные обстрелы. Научился распознавать по линиям трассирующих пуль, в каком направлении ведется огонь, где простреливаемые, а где «мертвые» пространства.

Наладились дела и в руководстве строевой частью полка: были заведены книги учета личного состава, написаны и отправлены извещения родственникам о погибших воинах, составлены представления к очередным воинским званиям. Много времени ушло на оформление наградных материалов.

При изучении реляций мне не раз приходилось встречаться с отличившимися воинами. Беседы с ними пробуждали глубокое уважение к этим людям. Я все больше и больше тяготился своей должностью помначштаба по учету. Не по душе была мне эта работа. Постепенно вызрело твердое решение проситься на боевую должность в стрелковый батальон.

3

Отбушевала и схлынула полая вода. Реки, впадавшие в озеро Ильмень, вошли в свое обычное русло. Ослабили холодные ветры, стали устанавливаться погожие теплые дни.

Живописен лес на Новгородчине ранней весной. Если взглянуть на него издали, то в разливах фиолетовых тонов можно увидеть зеленые островки хвойников. А спустя еще некоторое время светло-зеленая окраска деревьев сменится густым малахитом — предвестником лета.

Накануне майского праздника на переднем крае обороны стояла относительная тишина. Это позволило 30 апреля даже провести торжественное собрание личного состава управления полка. На него были приглашены также представители подразделений, находящихся непосредственно на переднем крае. А 3 мая пришло радостное известие: приказом народного комиссара обороны 180-я стрелковая дивизия переименована в 28-ю гвардейскую. Новые номера получили и полки: 21-й стал 89-м, 42-й — 92-м гвардейскими стрелковыми полками. 86-й так и остался 86-м. По этому случаю у нас в полку состоялся торжественный митинг. На него собрались бойцы и командиры управления полка, представители батальонов и спецподразделений,

Лучшие пулеметчики 92-го гвардейского стрелкового полка: гвардии старший лейтенант Белов, гвардии старший сержант Бурмистров, гвардии рядовой Дакайфечук, гвардии рядовой Алексеев

члены делегации трудящихся города Перми, прибывшие в полк для поздравления воинов с праздником 1 Мая и вручения подарков. На поляну, где проходил митинг, были внесены два Красных знамени: боевое полковое и шефское.

Командир полка И. М. Белоусов зачитал приказ народного комиссара обороны СССР, затем сказал:

— Боевые действия дивизии, в том числе и нашего полка, получили высокую оценку. Отныне мы стали гвардейцами и гордимся этим званием. Благодарим Родину за оказанное нам доверие. Но это доверие ко многому нас обязывает. Зимой наш полк дрался успешно. Но теперь мы — гвардейцы и должны громить врага еще сильнее, по-гвардейски!

Раздался гром аплодисментов.

Руководитель пермской делегации Сарапульцев поблагодарил воинов полка за успехи в боевых операциях:

— Личный состав полка и дивизии с честью несет шефское знамя. В самые трудные минуты знамя уральцев было

и будет рядом с вами. Мы горды тем, что оно помогает вам в разгроме врага!

Бойцы и командиры заверяли, что в будущих боях они будут еще крепче бить гитлеровцев и подтвердят звание гвардейцев.

Командир дивизии И. И. Миссан зачитал поздравительное письмо, присланное из Перми:

«Командиру 28-й гвардейской дивизии полковнику Миссану, комиссару дивизии старшему батальонному комиссару Бабицкому.

От имени трудящихся Пермской области горячо поздравляем мужественных героев-бойцов, командиров и политработников с высокой правительственной наградой — переименованием вашей дивизии в 28-ю гвардейскую дивизию.

Вместе с вами трудящиеся области от всей души рады высокой оценке, которую вы заслужили перед Родиной в героической борьбе против немецких оккупантов! Слава вам, герои-богатыри, гвардейцы!

Ваши славные боевые подвиги вдохновляют нас утратить для фронта выпуск вооружения, боеприпасов и продуктов сельского хозяйства. Мы еще шире развернем социалистическое соревнование, приложим все силы к тому, чтобы в упорном труде вместе с вами, наши родные гвардейцы, ковать победу над фашистским зверьем.

Пожелаем вам, дорогие товарищи бойцы, командиры и политработники, еще более крупных боевых успехов! Высоко несите боевое знамя гвардейцев, бейте беспощадно фашистских разбойников!

Да здравствуют славные мужественные гвардейцы! Пусть растут и множатся их стальные ряды!..

Секретарь обкома ВКП(б) Н. Гусаров.

Председатель облисполкома П. Горюнов».

Другое письмо от трудящихся Западного Урала огласил комиссар дивизии В. В. Бабицкий:

«Бойцам, командирам и политработникам Северо-Западного фронта!

Колхозники и колхозницы, рабочие и работницы, трудящаяся интеллигенция Ординского района восторженно приветствуют мужественных защитников Родины и поздравляют их с высокой правительственной наградой — переименованием 180-й стрелковой дивизии в гвардейскую часть!

Трудящиеся района гордятся вашими боевыми делами, той храбростью, которую вы проявляете в борьбе против немецких оккупантов. Ваши боевые подвиги вдохновляют нас, обязывают усилить помощь фронту.

За десять месяцев войны трудящиеся района внесли в фонд обороны 250 тысяч рублей. Послали новогодних и первомайских подарков бойцам общим весом 3840 килограммов. Колхозы сдали в фонд обороны и в фонд помощи освобожденным районам 6030 пудов зерна. Сейчас по призыву гвардейцев засеваются сотни гектаров различных зерновых культур сверх плана. Урожай с них пойдет в фонд обороны и освобожденным районам. Подписка на заем обороны достигла более 2 миллионов рублей, что в три раза превысило подписку на заем 1941 года.

Обращаясь к вам со словами привета, мы заявляем, что в дальнейшем усилим помощь фронту, будем снабжать его всем необходимым. На севе зерновых, посадке картофеля и овощей будем работать по-фронтовому, по-гвардейски, не считаясь со временем. Везде и всюду будем подражать вам, гвардейцам!

Дорогие товарищи фронтовики! Жители тыла желают вам еще более крупных успехов в борьбе с фашистскими разбойниками, в окончательном разгроме их в 1942 году! Бейте врага нещадно, уничтожайте всех до единого, мстите за кровь невинно погибших людей, за все, что принесли разбойники на нашу землю! Гордо несите по полям сражений овеянное славой в боях гвардейское знамя!

Да здравствует дружба тыла и фронта!

Да здравствуют советские чудо-богатыри — гвардейцы!

Под знаменем Ленина-Сталина вперед, на запад, на разгром немецких захватчиков!»

4

Наступил уже июнь, а болотистая местность в лесу оставалась все еще непроходимой для транспорта. На переднем крае обороны продолжало стоять затишье. Бездорожье, очевидно, не очень-то воодушевляло противника на активные действия. Стороны лишь изредка вели артиллерийско-минометный обстрел позиций противника. Однако потери все же были, и не такие уж малые. Командование полка вынуждено было провести частичное переформирование батальонов — из двух создать один, но вскоре и в нем оставалось до пяти десятков боеспособных воинов.

Учитывая создавшуюся в дивизии обстановку, командующий Северо-Западным фронтом принял решение вывести гвардейцев в свой резерв на доукомплектование.

Вместе с другими частями дивизии в ночь на 14 июня 1942 года 89-й гвардейский стрелковый полк сдал участок обороны 47-й стрелковой бригаде и в общей колонне двинулся в назначенный район сосредоточения.

На марше произошло волнующее событие. Утром 15 июня, перед тем как расположиться на дневку, штаб полка получил распоряжение, которое предписывало подготовить личный состав к церемонии вручения дивизии гвардейского знамени. Последовала команда приступить к чистке оружия, снаряжения, обуви и обмундирования. К шести часам вечера полк был построен для строевого смотра.

На поляне, где должна была состояться церемония вручения знамени, вырубili кустарник, места, отведенные частям и подразделениям, обозначили бороздками, соорудили импровизированную трибуну. Части и подразделения дивизии построились в каре. 89-й стрелковый полк во главе с командиром полка майором Г. И. Чурмаевым занял свое место на правом фланге, рядом с отдельными подразделениями дивизии.

И вот наступила волнующая минута. Заиграл оркестр.

Для вручения гвардейского знамени в дивизию прибыл командующий 1-й ударной армией генерал-лейтенант В. З. Романовский. Приняв рапорт от генерал-майора И. И. Миссана, командующий поздоровался с гвардейцами. По лесу прокатилось:

— Здравия желаем, товарищ генерал!

Затем прозвучала команда:

— Смирно! Равнение на знамя!

Генерал Романовский осторожно развернул алое полотнище и поднял его над головой. Шелк пламенем затрепетал на ветру.

Романовский зачитал приказ народного комиссара обороны СССР о преобразовании дивизии в гвардейскую и от имени военного совета Северо-Западного фронта поздравил гвардейцев. Лес огласился троекратным «ура!». Речь командарма была по-военному короткой, но она не оставила равнодушным ни одного бойца.

В заключение командарм произнес:

— Храните гвардейское знамя, как святыню, и прославляйте его новыми победами в грядущих боях!

Командир 180-й (28-й гвардейской) стрелковой дивизии И. И. Миссан принимает гвардейское знамя

Гвардейское знамя принял комдив Миссан. По команде: «К гвардейской клятве готовься!» — весь строй преклонил колени. Зазвучали торжественные слова:

— Мы заверяем нашу Родину, заверяем ленинскую партию и Советское правительство, весь наш народ, заверяем военный совет Северо-Западного фронта, что бойцы, командиры и политработники дивизии никогда и нигде не запятнают чистоты боевого гвардейского знамени. Клянемся, что под этим знаменем будем беспощадно громить оккупантов, пока на нашей земле не будут истреблены фашистские захватчики — все до единого.

— Клянемся! — повторил строй за командиром.

— Мы клянемся сквозь огонь и дым сражений пронести это знамя к Победе, клянемся, что это гвардейское знамя никогда не выпадет из сильных солдатских рук гвардейцев!

— Клянемся!

Генерал Миссан передает стяг знаменосцу. Тот поднял знамя высоко над головой и, твердо чеканя шаг, двинулся вперед, на правый фланг.

Вслед за ним стронулись с места полки дивизии. Пройдя перед импровизированной трибуной, где стояло командование, воины 89-го гвардейского стрелкового полка, как и все части дивизии, продолжили марш в ранее указанный район сосредоточения.

5

Позади осталось более двух десятков километров изнурительного ночного марша. С трудом переставляя ноги по неровной дороге, я шел за штабной повозкой.

Лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь кроны сосен и елей, золотыми бликами ложились на усыпанную опавшей коричневой хвоей землю. Это утреннее ликование природы еще контрастнее обнажало злодейство войны. Вдоль дороги виднелись поваленные и обезображенные осколками снарядов деревья. Некоторые кусты подлеска были припорошены сероватой пылью и мелкими крупинками лесного перегноя. Кое-где ощущался кислый запах взорвавшейся бомбовой начинки.

На одном из лесных поворотов я увидел невысокую узкоплечую фигуру гвардии старшего лейтенанта Шикунова. Держа за повод своего рыжего коня, мирно щипавшего травку на обочине, он, по-видимому, ожидал подхода полка.

Колонна остановилась. После того как Шикунов доложил командиру полка о результатах рекогносцировки, провести которую ему было поручено, подразделения начали сворачивать с дороги и уходить в лес, к назначенным им местам расположения. По одной из тропинок, терявшихся в чаще, повел своих штабников и я. В километре к северо-востоку от деревни Малый Частивец мы остановились. Здесь должен был разместиться командный пункт полка. Сюда же прибыл начальник штаба Орлов, произведенный уже в капитаны.

— Личному составу полка приказано сооружать шалаши и отрывать щели возле них. Так что, товарищ Вязанкин, займитесь и вы этим делом. И не мешкайте! Кроме того, соберите сведения об отставших.

Я указал заведующему делопроизводством гвардии старшине Личагину, где соорудить просторный шалаш для строевой части и отрыть щели, в которых можно было бы укрываться от возможных бомбежек. Вскоре то тут, то там стали раздаваться удары топоров, зажужжала пила.

Пошел выполнять приказание начштаба. В мелких штабных подразделениях отставших не было. А вот в батальоне не все оказалось благополучно.

— Троиخ отправил в санчасть, — с досадой сказал адъютант старший гвардии старший лейтенант Федоров.

— С потертостями ног? — уточнил я.

— Если бы... Дежурили по кухне, вот и переусердствовали. А теперь не успевают штаны подтягивать...

Передав помощнику начальника штаба по оперативной части Крепышеву сведения, собранные в подразделениях, возвратился к своим. Работа у них спорилась. Местность была здесь возвышенная, грунт сухой, легкий. Борис Коновец выбрасывал из щели последние кругляки суглинистой земли. Помогал ему писарь штаба гвардии сержант Агеев. Издали в глубокой щели его из-за малого роста не было даже видно.

— Укрытие готово, товарищ гвардии лейтенант! — доложил сибиряк.

— Молодцы! — похвалил писарей я. — Ну, а теперь беритесь за устройство жилья.

— Дело это нехитрое, — громко отозвался Сергей Агеев, выбираясь на поверхность не без помощи Коновца. — Что нужно солдату: вбил два кола, положил на них перекладину, забросал еловым лапником — вот и квартира.

— Не упрощай дело, сержант Агеев! — поправил друга

У полевой кухни

Коновец. — По-настоящему, по всем правилам инженерного искусства соорудим и жилье.

Отряхнувшись от песка и пыли, Агеев не торопясь расстегнул пуговицу на потной гимнастерке:

— Не сердитесь на меня, Борис Федорович, я пошутковал.

— Надо знать, где шутковать, бедовая твоя голова! Ты пошутковал, а начальство могло подумать о нас как о лентяях. Активнее надо, Сережа, мозгами шуровать...

— В баньку его сводить, серое вещество распарить, — вступил в разговор старший писарь штаба гвардии старшина Белов, грузный, раскрасневшийся от работы.

Услышав о бане, Коновец перестал журить напарника, мечтательно заговорил:

— Баня — это дело! Да еще если такая, как наша, сибирская... Сбросишь пропитанное потом белье, смоешь с себя всю грязь, оденешься во все чистое... Блаженство!

Дружно работали и в других подразделениях полка. Воины радовались хотя и кратковременной, но такой желанной передышке. А на следующий день сбылась и солдатская мечта о бане. Постарались жители деревни Малый Частивец.

Чистые, одетые в летнее обмундирование, накормленные

вкусным, сытным обедом солдаты обменивались шутками, смеялись и даже запели. В некоторых подразделениях зазвучала гармошка, начались удалые пляски. Не много, оказывается, надо для счастья солдату на фронте!

6

Через несколько дней в полк прибыло большое пополнение. Командование знакомилось с каждым из прибывших и направляло в подразделения.

— Лейтенант Вязанкин! Регистрацию прибывших организуйте в пункте их расположения, — распорядился начальник штаба Орлов.

Гвардии старшины Петр Личагин, Александр Белов, гвардии старший сержант Борис Коновец и гвардии сержант Сергей Агеев с кипами папок, походным столом и самодельными стульями последовали за мной выполнять задание.

Маршевые роты были построены на небольшой поляне. Капитан, сопровождавший их, высокий, подтянутый, с тонкими чертами лица, подравнивал стоявших в строю воинов.

Приняв от него рапорт, командир полка гвардии майор Белоусов поздоровался с прибывшими новичками. Ответ у них получился не очень дружным. Белоусов, сделав вид, что не заметил этого, стал рассказывать пополнению о боевом пути полка, о подвигах его воинов, о задачах, которые стоят перед частью, а, следовательно, теперь и перед ними. Он разъяснил им, какая это большая честь — служить в гвардейском полку.

Пополнение было немалым — около четырехсот бойцов. Только из Перми больше сотни человек. Из них надо было заново сформировать 2-й батальон, пополнить полковые батареи 120-миллиметровых минометов и 76-миллиметровых пушек, доукомплектовать роты автоматчиков и противотанковых ружей, укрепить другие специальные подразделения.

При первом знакомстве со списочным составом пополнения выяснилось, что около сотни бойцов-уральцев уже воевали, на фронт возвращались из госпиталей. Остальные были из Средней Азии, преимущественно из Узбекистана, в боях участия не принимали.

— Как будем распределять пополнение? — обратился Белоусов к комиссару полка батальонному комиссару

Царакаеву и начальнику штаба гвардии капитану Орлову.

— Опытными бойцами-артиллеристами надо доукомплектовать артиллерийские и минометные батареи, а второй батальон сформировать как национальный — узбекский, — высказал свои соображения Царакаев. — Людей для этого достаточно.

Белоусов, глубоко затянувшись самокруткой, повернулся к Орлову:

— Ну, а вы, начштаба, что скажете?

— Я, Иван Михайлович, считаю, что идея Якова Павловича в целом правильная. Лучшего варианта, пожалуй, не придумать. Только вот солдаты для боя не вполне подготовлены.

— Обучим! — заверил Царакаев.

Командир полка пожевал сигарку, отгрыз и выплюнул конец «козьей ножки».

— Обучим?! Будет ли у нас для этого время? На юге фашисты как ошалелые прут в глубь нашей страны. Мы же здесь, на северо-западе, на месте толчемся. А если командование вскоре прикажет нам идти в бой? Что тогда будем делать с этим так называемым национальным батальоном? И людей погубим ни за что ни про что, и боевой задачи не выполним. Нет, дорогие товарищи, я с вашими предложениями не могу согласиться.

— Что же делать, раз нам прислали такое пополнение? — горячо возразил Царакаев.

— Как что? — Белоусов выплюнул остаток «козьей ножки». — Работать! Надо сделать так, чтобы полк стал боеспособным. И как можно быстрее. А для этого костяк второго батальона должны составить обученные воины первого батальона и бойцы пополнения, ранее участвовавшие в боях. Новобранцев же узбекской национальности, не нюхавших пороху, надо равномерно распределить по батальонам и спецподразделениям. Вот так, товарищ Орлов, и делайте!

Мы с писарями штаба свою работу начали с проверки прибывших по списку.

Поляна наполнилась разноголосицей. Одни шутили, другие упрашивали штабников направить их служить вместе с односельчанами или просто товарищами. И те, чья просьба удовлетворялась, выражали по этому поводу бурю восторга.

Неожиданно хлынул дождь, теплый и плотный. Строй нарушился. Новички сгрудились, начали укрываться кто плащ-палатками, кто просто газетами. Штабники прервали свою работу и укрылись под наспех сооруженными навесами. Однако из-за резкого ветра струи дождя доставали и здесь.

К радости всех, ливень вскоре прекратился. Работа по формированию возобновилась. Только поздно вечером командир подразделений увели с поляны выделенные им группы людей.

7

Линия фронта проходила в десятке километров от расположения дивизии, и нередко солдаты слышали отдаленные звуки артиллерийской канонады. Часто раздавался сигнал тревоги: «Воздух!» Однако бомбежкам полк не подвергался. Самолеты с фашистской свастикой на борту разгружались где-то далеко в тылу.

Командование полка, как и все воины, понимало, что дивизия выведена в резерв не для праздного отдыха, а для подготовки к новым, еще более жестоким боям. Об этом свидетельствовала сама обстановка на фронте: враг рвался к жизненным центрам страны — к Волге и нефтеносным районам Кавказа. Не отказывались фашисты и от намерения взять реванш за зимнее поражение на северо-западе страны. Гитлер по-прежнему ставил перед своими войсками задачу овладеть Ленинградом.

Командование Северо-Западного фронта, тщательно разрабатывая план нового наступления, продолжало накапливать резервы, поддерживать высокую боеготовность в воинских соединениях.

28-я гвардейская стрелковая дивизия была сосредоточена против южного выступа демянской группировки противника. По замыслу командования фронта, при необходимости она должна была быстро выйти на угрожаемое направление для отражения возможного удара гитлеровцев.

21 июня началась плановая учеба. На занятия выходили как днем, так и ночью. В стрелковых подразделениях особый упор делался на огневую и тактическую подготовку. В артиллерийских и минометных — на специальную. Сначала обучение было раздельное: с молодыми бойцами — одиночная подготовка, с опытными — сколачивание отделений. Затем занятия проводились взводом, ротой. Много

Начальник разведки
полка И. П. Левченко

внимания уделялось обучению воинов приемам борьбы с вражескими танками, ведению залпового огня из стрелкового оружия по самолетам противника.

Командиры изучали теорию организации обороны и наступления, тактику действий вражеских войск, совершенствовали навыки управления боем.

Продолжалось комплектование подразделений личным составом, вооружением, боевой техникой и транспортом.

В напряженном труде быстро бежало время. Немногим более двух недель прошло, а полк уже выглядел посвежевшим, окрепшим.

В ночь на 4 июля, пасмурную, беспокойную, гвардейцы были подняты по тревоге со всей своей материальной частью. Совершив непродолжительный марш, полк сосредоточился в лесу к западу от станции Сигово.

8

Грузились в эшелоны с наступлением поздних сумерек, соблюдая все меры светомаскировки. Штабисты, начальники служб и политработники разместились в одном вагоне, командование полка — в другом.

Прозвучала протяжная трель свистка дежурного по станции, и эшелон тронулся в путь. Свет в вагонах зажигать запрещалось, да в этом и не было необходимости. Ночи стояли по-летнему короткие, светлые.

Разговор зашел о положении на фронте. Агитатор полка старший политрук Докучаев незадолго до отхода эшелона прибыл из политотдела дивизии и был, как говорится, в курсе всех дел.

Фашистское командование, воспользовавшись очередной затяжкой с открытием второго фронта в Западной Европе, сосредоточило на юго-западном направлении си-

лы, вдвойне, особенно в танках, а на некоторых направлениях и втрое превосходящие наши, и перешло в наступление. Эти отборные бронированные полчища прорвали фронт и начали развивать наступление в глубь страны. Танковые армады поддерживают тысячи самолетов.

3 июля войска Красной Армии вынуждены были оставить Старый Оскол, создалась угроза захвата Воронежа. Сдан фашистам после ожесточенного сопротивления Севастополь. Активизировал свои действия враг и на Калининском фронте. Над страной вновь нависла смертельная опасность.

Особенно большое значение гитлеровское командование придавало стратегическому наступлению на Сталинградском направлении. Его целью был не только захват хлебных и нефтяных регионов страны, но и намерение обойти Москву с юга...

В вагоне наступило тягостное молчание.

— Интересно, куда нас везут? — нарушив тишину, спросил гвардии старший лейтенант Кривопол, помощник начальника штаба по шифровальной части.

— Раз на юге сейчас трудно, видимо, туда и держим путь. Поближе к моим родным местам, — заключил Иван Иванович Лазаревич, переводчик штаба полка.

Гадание и прогнозы продолжались недолго. Поздняя ночь и размеренный стук колес оказывали свое действие. Вскоре все разместились на нарах и задремали.

...Резкие толчки и лязг вагонных буферов вернули меня из тревожного забытья. В вагон уже начал проникать рассеянный свет занимавшейся на востоке зари. Поезд набирал скорость. Кто-то из глубины вагона сонным голосом спросил:

— На какой станции стояли?

— Бологое, — буркнул также заспанным голосом человек, сидевший возле двери.

— А едем в какую сторону?

— Если не повернем назад, то на запад.

— Значит, снова в старорусские болота, — теперь уже ясней прозвучал хрипловатый голос Лазаревича.

Утром 6 июля на станции Крестцы эшелон остановился. На следующий день прибыли и другие части. К утру 10 июля, совершив пеший марш, дивизия сосредоточилась в лесах восточнее деревень Большое Яблонево и Бычково. Здесь она вновь была включена в состав 11-й армии.

89-й гвардейский стрелковый полк расположился в лесу юго-восточнее деревни Бычково. Ветеранам полка эти места были знакомы. Прошлой весной они освобождали эту территорию от фашистов.

В течение дня бойцы полка занимались устройством нехитрых убежищ от дождя и ветра, отрыли траншеи, привели в порядок материальную часть и вооружение.

Осуществилась моя мечта: командир полка перевел меня на должность заместителя начальника штаба стрелкового батальона (адъютанта батальона).

Глава III

СНОВА В БОЙ

1

Командир батальона Ватронин несколько дней назад убыл на фронтовые курсы. Его место занял гвардии старший лейтенант Иван Петрович Степанов. Сейчас, раздевшись до пояса, он умывался из добытого где-то крестьянского умывальника, прибитого к сосне. Около него, ожидая своей очереди, стоял комиссар батальона старший политрук Александр Леонтьевич Горбунов. По всему чувствовалось, что они совсем недавно возвратились с полевых занятий.

Закончив умываться, комбат повернулся ко мне:

— Подходите ближе, лейтенант.

Как предписано в таких случаях уставом, докладываю:

— Товарищ гвардии старший лейтенант, гвардии лейтенант Вязанкин представляется в связи с назначением на должность адъютанта вверенного вам батальона!

— Здравствуйте, лейтенант. Рад, что нашего полку прибыло, — ответил Степанов. — Идите пока, устраивайтесь в блиндаже начальника штаба батальона и приходите сюда.

Его открытое, мужественное лицо, высокая ладная фигура, живые умные глаза с легким прищуром, приятная улыбка сразу же располагали к себе.

Через полчаса все собрались за столом, сооруженным под разлапистой елью. Кроме Степанова и Горбунова, здесь были также заместитель командира батальона гвар-

дии лейтенант Делиболтоян, молодой человек невысокого роста, смуглый, тонкий в кости, но жилистый и упругий, и адъютант старший батальона гвардии лейтенант Федоров, лет примерно двадцати пяти, худощавый, с зоркими серыми глазами. Все они были ранее мне знакомы, поэтому за столом царила непринужденная обстановка.

— Значит, решили воевать в нашем батальоне? — начал разговор комбат. — Правильно сделали! В штабе полка так бы и захирели, закопались в бумагах. А здесь простор, настоящая боевая жизнь! Будем теперь вместе бить фрицев!

Дни полетели один за другим. Я постепенно вживался в батальонный коллектив. По душе пришлась мне новая динамичная служба.

13 июля к половине десятого в 89-м гвардейском стрелковом полку все было готово к строевому смотру: построены во взводные колонны батальоны и специальные подразделения, выставлены в ряд боевая техника и транспорт.

Прибыли командир и комиссар дивизии с большой свитой: начальниками родов войск и специальных служб, а также служб снабжения. После рапорта и всех положенных в этом случае церемоний генерал И. И. Миссан начал обход строя. Иван Ильич вступил в командование дивизией в первые дни войны. Ветераны знали его как волевого, храброго командира. Он был всегда внимателен к людям, за что снискал глубокое уважение подчиненных.

Следом за Миссаном шел комиссар В. В. Бабицкий. Викентий Викентьевич в дивизию прибыл вскоре после вступления ее в бой. С первых же дней службы он рекомендовал себя опытным политработником, сочетавшим в себе простоту и человечность, высокую требовательность и постоянное внимание, теплоту, отцовскую заботу о воинах. Рядом с ним находились командир полка майор Белоусов и батальонный комиссар Царакаев.

Заместитель командира
2-го батальона гвардии
лейтенант К. А. Дели-
болтоян

Комиссар дивизии полковой комиссар В. В. Бабицкий

Вот взгляд Миссана остановился на высоком подтянутом бойце, с лихо надвинутой на лоб пилоткой.

— Гвардии красноармеец Русанов! — выпалил воин.

— Русанов, Русанов? — с интересом переспросил командир. — Это не вы ли в майских боях, уничтожив расчет, захватили вражеский пулемет и истребили из него около десятка фашистов, а затем ворвались в блиндаж и ухлопали еще несколько гитлеровцев?

— Так точно, товарищ генерал! Было такое дело...

— Богатырь, молодец! Благодарю за службу! Наградной лист на вас подписал, ждите теперь ордена...

Крепко пожав Русанову руку, Миссан обратился к другому воину:

— Ну, а вам как служится, товарищ красноармеец?

— Гвардии красноармеец Киторов! Служится хорошо, товарищ генерал! — отпартовал уже немолодой боец из Пермской области.

— Что-то ваша фамилия мне незнакома, не запомнилась, — трогая две медали на груди красноармейца, признался Миссан. — Давно воюете в дивизии?

— Никак нет! Только в июне, после госпиталя, зачислили меня под ваше начало, товарищ гвардии генерал.

— В каких же боях отличились?

— В сорок первом оборонял Ленинград, зимой этого года участвовал в контрнаступлении под Москвой.

Разговор с Киторовым продолжил комиссар дивизии Бабицкий.

— Есть ли какие жалобы, товарищ красноармеец? К примеру, на питание?

— Жалоб не имею, товарищ полковой комиссар. Харч имеем хороший. Все по-гвардейски!

— Куращий? — поинтересовался Бабицкий.

— Да пробавляюсь. На фронте воину, по моему разу-

мению, без табачного дымка — война не война! Иная за-
тяжка подчас много стоит. Она, где надо, и душу согреет,
и храбрости прибавит, и дрожь уймёт перед броском на
врага.

— Махоркой-то снабжают регулярно?

— Регулярно! Тут полный аккурат. Только вот с бу-
магой для закрутки туговато. Имеем, конечно, газеты. Но
их ведь печатают для прочтения. Иную, с хорошими сло-
вами, хотелось бы и припрятать для сердечного настроения,
а она идет на «козьи ножки». А в остальном — порядок
гвардейский!

— Спасибо за откровенность. Подумаем и о бумаге для
курева...

После ознакомления с личным составом комдив осмот-
рел боевую технику и транспорт. Внешний вид и боевая
готовность 2-го батальона, как и всего личного состава
полка, были признаны удовлетворительными. Смотр за-
вершился торжественным маршем.

В ночь на 20 июля батальон вместе с другими подраз-
делениями полка совершил непродолжительный марш в
сторону линии фронта и сосредоточился в километре к вос-
току от деревни Херенка-1.

2

От командира полка Степанов возвратился в полдень.
У штабного шалаша кроме меня его поджидали Горбунов,
Делиболтоян и Федоров.

— Итак, дорогие товарищи, нам приказано занять
оборону. На этот раз предстоит мокнуть в южной части
болота Сучан, — сказал комбат, разворачивая на колчено-
гом столике топографическую карту.

Мы внимательно разглядывали карту, испещренную
красными и синими пометками.

— Да, действительно, кругом болота. Сухое место в
километре отсюда, но оно занято противником, — произнес
Федоров, глубоко вздыхая.

— Не исключено, что за это сухое место нам и при-
дется вести жаркий бой с фрицами, — предположил Дели-
болтоян.

— Обстановка подскажет, а командование укажет, чем
нам заниматься, — прервал своих помощников Степа-
нов. — А теперь по существу. Нам приказано сегодня, а
точнее, в ночь на двадцать шестое июля, сменить уральцев

из семьсот семнадцатого стрелкового полка сто семидесятой стрелковой дивизии и занять оборону на левом фланге полка, напротив населенного пункта Васильевщина. Направление это считается наиболее ответственным. Район обороны батальона определен небольшим — около полутора километров по фронту. Это позволит нам боевой порядок построить в два эшелона. К примеру, в первом эшелоне первая и вторая роты, во втором — третья. Если вопросов нет, пойдем дальше...

После этого были распределены по ротам огневые средства, намечены мероприятия, которые нужно провести при выдвижении подразделений к переднему краю, смене войск.

— Ну, а теперь, товарищи, — произнес наконец Степанов, глядя на наручные часы, — немедленно приступайте к работе. Времени у нас в обрез.

Командиры разошлись. Водоворот забот поглотил остаток дня.

В 22 часа батальон выступил из района расположения. Через полчаса совсем стемнело... По колонне передали команду: «Не курить!»

Утих с полудня шумевший лес. Молчали и гвардейцы. Вдруг до уха донесли ровные звуки моторов. Или послышалось? Поднял голову: небо было покрыто темным маревом, грозившим вот-вот разразиться проливным дождем. Однако в небольшом разрыве туч удалось различить силуэт четырехмоторного бомбардировщика ТБ-3, медленно плывшего к линии фронта.

С какой задачей летит этот труженик-одиночка? Может быть, на бомбежку важного объекта или на разведку? А может, к партизанам? Скорее всего к ним...

Самолет вскоре скрылся из виду. Водворяя на место сползший на живот пистолет ТТ и подтягивая потуже поясной ремень, я мысленно пожелал успеха экипажу самолета.

А со стороны Рамушево до шагавших воинов донеслись завывающие звуки вражеских самолетов. И тут же темноту прорезал луч прожектора. Здесь все было ясно: фашисты подбрасывали своим войскам, находившимся в полуокружении в районе Демянска, подкрепления, боеприпасы, продовольствие и другие материальные средства.

После короткого отдыха колонна, мерно покачиваясь, плотной массой двинулась дальше. С каждым шагом теперь все явственнее ощущалось дыхание переднего края.

Несколько снарядов разорвалось совсем рядом. Смолк говор, установилась настороженная тишина. Каждый боец понимал: далеко не всем суждено выйти живыми из пекла. Но такое чувство возникает только при сближении с врагом. Когда же воин оказывается лицом к лицу с ним, страх пропадает. Опытный солдат знает: кто в момент боя думает о своей жизни, тот отдает противнику инициативу и, как правило, погибает.

К полуночи мы вошли в полуразрушенную деревню Большие Дубовицы. Приближение к фронту заставило бойцов подтянуться, собраться, ускорить шаг.

Батальон, пройдя деревню, свернул с основной дороги вправо, спустился в широкую долину, пересек небольшой ручеек. Втянувшись в густой влажный лес, остановился.

— Командиры рот, в голову колонны! — пробежала команда по живой цепочке.

Степанов в наброшенной на плечи плащ-накидке казался более приземистым. В левой руке он держал сложенную гармошкой карту, в правой — карманный электрофонарь. Ночь стояла темная, сырая, лес придавлен туманом.

— Товарищи! Мы прибыли в назначенный район. Первую и вторую роты поведут к переднему краю представители от сменяемых подразделений, остальные подразделения занимают свои районы самостоятельно. Кроме того, с целью контроля с первой ротой пойдет Делиболтоян, со второй — Федоров.

— Как мне сообщили прибывшие проводники, — продолжал комбат, — вражеские позиции находятся от нашего переднего края в ста метрах, а местами — и того ближе. Это обязывает нас соблюдать строжайшую дисциплину и осторожность. Надо учитывать и то обстоятельство, что болотистая местность изобилует глубокими ямами и трясинами, которые ограничивают маневр, вынуждают двигаться только по разведанным тропам. К тому же видимость в лесу, как говорят летчики, нулевая, а слышимость повышенная. Любая оплошность может привести к неоправданным потерям. Поэтому я требую от всего состава максимальной бдительности и четкого руководства...

Инструктаж окончен. Стрелковые роты двинулись за своими командирами.

— Держать самую короткую дистанцию, — отдал распоряжение командир 2-й роты гвардии лейтенант Щерба-

ков. Ему всего двадцать три, но он успел уже понюхать пороху.

По совету проводника, Щербаков повернул людей на юго-запад, в сторону Васильевщины. Теперь еле заметная тропинка петляла по лесу в нескольких десятках метров от переднего края. Все громче трескотня дежурных пулеметов врага. Все ярче синева осветительных ракет.

— Подтянуться, не отставать!

Глаза уже давно свыклись с темнотой, однако дорога, а точнее, звериная тропа, по которой шла рота, была настолько извилиста и малозаметна, что командир роты Щербаков, Делиболтоян и проводник скорее угадывали ее, чем видели.

Но вот впереди почувствовалась распадина, залитая белесоватым туманом. Здесь протекал безымянный ручей, пахло намокшей осокой.

— Стой! — тихо произнес комроты. — Командиры взводов, ко мне!

И вот уже воины 717-го стрелкового полка полушепотом рассказывали гвардейцам о режиме огня противника, об особенностях стрельбы из своих пулеметов, передавали им огневые схемы-карточки. Затем, уступая свои места прибывшим для их смены, они выстраивались в цепочку и уходили в назначенные пункты сбора.

3

Мне тоже не пришлось ночью сидеть сложа руки. Занимался размещением медицинского пункта, пункта боепитания, хозяйственного взвода батальона, налаживал связь с соседями, организовывал комендантскую службу. В штаб батальона возвратился на ранней заре.

Еще издали возле наспех сделанного шалаша увидел комбата Степанова и адъютанта старшего Федорова. Спустя некоторое время на командный пункт прибыли замкомбата Делиболтоян и представитель сменяемого полка.

Поручив Федорову быть у «руля», Степанов, а вместе с ним и я решили вздремнуть.

Заснуть сразу, однако, нам не удалось. Подошли военфельдшер нашего 2-го батальона Оксана Петухова и гвардии капитан Андрей Афанасьев, 3-й батальон которого занимал оборону во втором эшелоне.

— Кажется, не вовремя вы, Оксана Федоровна, при-

вели меня к своему начальству. Оно на покой укладывается, — изрек Афанасьев вместо приветствия.

— Почему это не вовремя? У нас всегда найдется несколько минут для разговора с хорошими людьми, — ответил Иван Петрович, приподнявшись на локте. — Говорите, за чем пожаловали.

— Прибыли организовать взаимодействие, — шутя ответил Афанасьев.

— Взаимодействие организуют в установленное время, а не когда кому захочется, — не поняв шутки, заметил Степанов.

Иван Петрович Степанов и Андрей Петрович Афанасьев были земляками и крепко дружили. Оба они были уроженцами Ленинградской области: Степанов — из деревни Мелковичи, а Афанасьев — из города Чудово. Дружба их началась еще в тяжелые для полка дни апрельских боев. Воюя в одном батальоне: Степанов — в должности заместителя командира, а Афанасьев — адъютанта старшего, — они противостояли гитлеровцам, рвавшимся со стороны Демянска навстречу большой группировке своих войск, которая наступала с фронта, с тем чтобы разорвать кольцо окружения в районе города.

Степанову было под сорок, но выглядел он моложе своих лет. Немного медлительный в движениях, в бою вел себя смело, расчетливо, решительно.

Его товарищу Афанасьеву лишь недавно перевалило за двадцать. Храбрый и мужественный перед лицом врага, в обычной обстановке он был общителен, улыбчив. Бойцы верили ему.

...Утром следующего дня поступили доклады от командиров рот. Они дополнили те сведения, которыми располагал комбат. Наиболее слабое место в обороне — система огня. В данный момент она была такой же, как и в 717-м стрелковом полку. А батальон Степанова располагал большим количеством огневых средств. Чтобы расставить имеющиеся ручные, станковые пулеметы и противотанковые ружья по переднему краю, нужно было хотя бы десять простейших деревоземляных укрытий. Кроме того, необходимо было оборудовать более прочные блиндажи для наблюдательных пунктов рот первого эшелона и командно-наблюдательного пункта батальона.

К столу, за которым сидел Степанов, подошли вызванные им Делиболтоян, Горбунов и Федоров. Их усталые лица и воспаленные глаза свидетельствовали о бессонной

ночи. Комбат поделился с ними своими соображениями о состоянии обороны, спросил:

— Ну, так что будем делать, стратеги?

— Совершенствоваться, — приглаживая свою шевелюру, произнес Делиболтоян.

— Правильно думаешь, Константин Александрович. Будем совершенствоваться. Дел у нас много. Но носа вешать не будем. Местность-то здесь лесисто-болотистая. Укрепим нашу оборону по всем правилам инженерного искусства. Было бы для этого время! А теперь о конкретных делах. Сейчас производить какие-либо работы на переднем крае небезопасно. Поэтому сегодня днем здесь, в тылу, надо заняться изготовлением угольников для дзотов, срубов и накатников для блиндажей командиров рот и командно-наблюдательного пункта батальона. Угольниками займется Делиболтоян, а срубами — Федоров. Работу надо закончить к наступлению сумерек, чтобы за ночь заготовки переправить на «передок». Вязанкину поручается уточнить стык батальона с соседом слева — 22-й гвардейской стрелковой дивизией, составить схему, отразить на ней все огневые средства батальона. Ну, а вы, Александр Леонтьевич, — обратился в заключение комбат к комиссару, — полагаю, свою задачу знаете...

— Безусловно, Иван Петрович, задача мне ясна, — произнес Горбунов хрипловатым голосом.

Минуту все стояли молча. Комбат подвинул к себе пепельницу и, придавив в ней окуроч, внимательно посмотрел на комиссара.

— Не заболел ли, Александр Леонтьевич? Что-то вид мне твой не нравится.

— Ночью оступился и угодил в полынью. Естественно, промок, а просохнуть не удалось. Сейчас вот немного знобит. Но ничего, пройдет...

— Э, нет! Иди-ка в медпункт полка и отлежись там. А мы управимся и без тебя. Основные наши дела еще впереди.

Горбунов пытался отговориться. Но Степанов настоял на своем.

4

Утром 27 июля Степанова срочно вызвали на командный пункт полка.

Примерно в 11 часов Иван Петрович, позвонив из шта-

ба полка, приказал к двенадцати всем собраться и ждать его. Минут сорок спустя он появился. Уже по внешнему его виду можно было догадаться, что комбат принес важные новости. Так оно и оказалось. Поступил приказ срочно готовить батальон к наступлению. Начало его было назначено на 17 часов.

— Ближайшая задача батальона следующая, — начал комбат. — Очистить от противника впереди лежащую рощу и укрепиться на рубеже леса, что в пятистах метрах к северо-западу от Васильевщины. Батальону придаются: батарея семидесятишестимиллиметровых пушек гвардии капитана Чистякова, вторая и третья роты минометного батальона гвардии капитана Соболева. Кроме того, нас будут поддерживать первая батарея тридцать первого минометного дивизиона и первый дивизион шестьдесят первого гвардейского артиллерийского полка дивизии. Перед началом атаки планируется десятиминутный артиллерийский налет.

Степанов умолк. Бросил цветной карандаш на карту.

— Времени у нас, дорогие товарищи, очень мало, а сделать предстоит многое. Оборона противника состоит из хорошо организованной системы огня, пулеметы укрыты в прочных деревоземляных сооружениях. Подступы к ним заминированы, местами прикрыты проволочными заграждениями. Но, несмотря на все это, батальон с поставленной задачей должен справиться. Силы у нас для этого есть.

5

Вскоре в батальон прибыла группа из штаба полка, политработники, командиры приданных и поддерживающих огневых средств. Командир артдивизиона 57-миллиметровых пушек гвардии майор И. Т. Сухоруков показывал всем газету «Сталинский путь» Нытвенского района Пермской области. В одной из статей писалось:

«Привет вам, дорогие земляки, с передовой линии фронта! Дорогие, сегодня узнал я про ваши дела в глубоким тылу, про вашу инициативу в строительстве 16 комсомольских батарей для нас, для фронта.

Мне кажется, сегодня я стал еще сильнее, еще увереннее, потому что тыл наш крепок.

Я заверяю вас, что ваши батареи будут бить врага без промаха везде и всюду, не давая фрицам покоя ни днем ни ночью, так как мы знаем, что эти батареи сделаны ва-

шим добавочным трудом и потом, они сделаны на ваши собственные средства.

Дорогие земляки, с каждым днем трудитесь еще упорнее, повышайте производительность труда, не давайте места в ваших рядах растяпе, лодырю, прогульщику и нытику!..

Спасибо за помощь, за комсомольские батареи!

Ваш земляк А. Ляпунов.

6 сентября 1942 года».

Возвратился из медпункта и комиссар батальона Александр Леонтьевич Горбунов. Не в его характере было оставаться в стороне от больших дел.

Всем собравшимся на КП было предложено небольшими группами выдвинуться на наблюдательный пункт.

В половине первого Степанов отдал боевой приказ на наступление, организовал взаимодействие, дал указание по боевому обеспечению. Командиры вернулись в свои подразделения.

В 16 часов 30 минут работа по подготовке наступления закончилась. Гвардейцы были готовы обрушить на врага всю мощь своего оружия.

6

Все ждали сигнала. И вот ровно в 17 часов над лесом взметнулись зеленые ракеты. От грохота орудий заложило уши. Над лесом, где рвались снаряды, за клубился черный дым.

Шквал артиллерийского огня нарастал. Вспучилось от взрывов минное поле.

Над лесом взвились ярко-красные ракеты. Огонь орудий и минометов переместился в глубину вражеской обороны. В грохот боя влилось мощное «ура!».

Фашисты, ошеломленные внезапным артиллерийским ударом, в первые минуты огня не открывали. На это и рассчитывал комбат. Гвардейцы, ведя огонь на ходу, быстро проскочили стометровку нейтральной полосы, преодолели вражеские заграждения. Гитлеровцы, не выдержав напора, отступили.

Однако вскоре враг пришел в себя. Из дзотов второй линии застучали пулеметы, посыпались вражеские мины и снаряды. Соппротивление фашистов с каждой минутой нарастало.

Минут через тридцать после начала атаки к медпункту

батальона потянулись первые раненые. С течением времени их становилось все больше. Многие шли сами. Некоторых вели под руки или несли на носилках.

Я решил проверить, как обстоят дела на медпункте. Там уже находилось более двадцати раненых. Военфельдшер Оксана Петухова быстро осматривала прибывавших с передовой. Работа так и кипела в ее руках.

Убедившись, что дела здесь идут нормально, я возвратился на командный пункт. И как раз вовремя. Зажужжал зуммер полевого телефона, связист сержант Плитин передал мне трубку. «Организуй поднос боеприпасов в роты, а сам приходи на наблюдательный пункт. Федоров ранен», — услышал голос Степанова.

Побежал на пункт боепитания, нашел командира взвода гвардии старшину Амосова.

— Есть здесь подносчики боеприпасов из рот?

— Пока еще не приходили.

— А где ваши бойцы?

— В укрытии.

— Быстрее их сюда!

Пришли двое. С ними много не унесешь. И вдруг увидел: ротные санитары пронесли на медпункт раненого.

— Вот что, Амосов. Срочно зовите сюда санитаров с носилками!

Амосов, высокий, худой и на вид нескладный, службу свою нес исправно. Ящики с патронами и гранатами у него были заранее подготовлены, уложены в специальные ровики.

Прибежали санитары, загрузили носилки гранатами. Солдаты из взвода Амосова наполнили патронными упаковками вещевые мешки.

— Быстрей, быстрей грузитесь! — озабоченно торопил я их. — Взять еще по ящику гранат в руки!

Команда подносчиков двинулась на передовую. Расстояние до нее было небольшим, но на нашем пути лежала открытая, как неглубокая тарелка, заболоченная низина, которая простреливалась со стороны деревни Рыкалово. Вскоре над головами послышался свист пуль. Однако бой не ждал. Там, впереди, гранаты и патроны решали все. А значит, бегом ли во весь рост, ползком ли, но надо двигаться вперед.

Опасная зона осталась позади. На опушке леса перевели дух. Распорядился доставить боеприпасы в роты, а сам поспешил к командиру батальона.

Опять стали встречаться раненные. Несколько глубже, в лесу, наткнулся на группу человек из десяти. Некоторые из них могли передвигаться сами, но не знали пути, поджидали санитаров. Да, маловато времени было на подготовку. Даже указатели не успели поставить.

Недалеко от наблюдательного пункта увидел двух санитаров с носилками. На них лежал адъютант старший гвардии старший лейтенант Федоров. Он обрадовался встрече.

— Как себя чувствуете, Александр Афанасьевич? — спросил я.

— Ногу вот задело осколком мины. Кажется, кость повредило. Но ничего, я еще вернусь...

7

У степановского блиндажа находилось много людей: ординарцы, пешие посыльные, связисты с телефонными аппаратами и радиостанциями.

— Сокол! Сокол! Я — Беркут! Как меня слышишь? — проверяли радисты устойчивость связи...

Доложил комбату о доставленных боеприпасах.

— Хорошо! — удовлетворенно сказал комбат. — А теперь свяжись с командирами стрелковых рот, передай им мое приказание: боеприпасы быстрее распределить между бойцами и быть в готовности возобновить наступление.

Я сел за телефон, а Степанов обратился к артиллеристам:

— Подавить, а лучше уничтожить фланкирующий пулемет у опушки леса, минометную батарею на восточной окраине Рыкалово, артиллерийскую — юго-восточнее Васильевщины... — твердо звучал его голос. — Воспретить гитлеровцам накапливать резервы в районе изгиба дороги Большие Дубовицы — Васильевщина...

Настало время артиллерийского налета. В небо с шипением поднялась сигнальная ракета. Воздух и болотистая земля вновь начали содрогаться от разрывов мин и снарядов.

Командиры стрелковых рот повели своих бойцов в атаку. Степанов приказал мне быть у телефонов, а сам вышел понаблюдать за полем боя в стереотрубу.

Оставшись в укрытии, я мог судить о ходе боя по все усиливающемуся грохоту орудий, частой, с захлебом, трескотне пулеметов. Фашисты бешено сопротивлялись. Но трудно было уже остановить гвардейцев.

Зазуммерил ротный телефон.

— Ну, что там у вас? — нетерпеливо бросаю вопрос в трубку. — Ипатов ушел далеко вперед, говоришь? Лады. Разрешаю идти за ним.

Увлекаемые своим командиром, бойцы 1-й роты с ходу овладели дзотами второго рубежа обороны противника и, расчищая себе дорогу огнем, устремились в глубину, к третьей, последней, позиции вражеских укреплений.

Укрываясь за камышами, бойцам Ипатова удалось обойти немцев справа и ударить по ним с фланга. Враг не выдержал, побежал. Овладев тремя дзотами, рота вскоре вышла на опушку леса. Свою боевую задачу она выполнила.

У 2-й роты, наступавшей на левом фланге батальона, дела развивались менее успешно. Это очень беспокоило комбата. Степанов хорошо знал, к чему может привести потеря темпа в наступлении. Обычно спокойный в бою, на этот раз он раздраженно выхватил телефонную трубку у связиста.

— Лейтенант Щербаков? В чем дело? Почему медлишь, не выходишь на опушку леса? Ипатов уже давно там, а ты все за ухом поскребываешь!

— Фрицы чешут по роте из трех дзотов, товарищ старший лейтенант!

— Какие дзоты? Они же подавлены артиллерией!

— Никак нет. Уцелели. Их защищают крупные деревья. Снаряды рвутся в кронах, а осколки накатник не берут.

...День был на исходе. В блиндаже комбата зачадили самодельные светильники. Степанов сидел у телефона: на связи был командир полка гвардии майор М. Белоусов. Закончив разговор, комбат обвел взглядом сидевших рядом командиров.

— Майор Белоусов у меня спрашивает: доколь мы будем топтаться на месте? Что скажете, «боги войны»? Можете ли вы наконец разрушить те злосчастные дзоты, которые мешают нам выполнить боевую задачу? Прошу высказываться.

Ближе к комбату с картой в руке придвинулся командир артиллерийского дивизиона гвардии старший лейтенант Парасочка.

— Мне кажется, эти дзоты нужно давить общими усилиями, так сказать, сосредоточенным, массированным ударом артиллерии и минометов всех калибров.

Его поддержал заместитель командира минометной батареи полка по политической части старший политрук В. Егоров.

— А я предлагаю выкатить на прямую наводку взвод семидесятишестимиллиметровых полковых пушек батареи Чистякова, — сказал начальник артиллерии полка гвардии капитан Н. Шинкаренко.

Из дальнего угла поднялся командир минбата полка В. С. Соболев.

— Наблюдательные пункты, с которых мы осуществляем корректировку огня, находятся на прежних местах, а пехота продвинулась вперед. Видимость ухудшилась. Надо бы их переместить ближе к переднему краю.

— Правильно, Василий Сергеевич. Но кто мешает вам это сделать?

— Никто, нужно только время.

— Времени для оборудования новых НП у нас нет. Сами видите, до наступления темноты осталось не более часа. Посадите на ель грамотного минометчика с биноклем и телефонным аппаратом, вот вам и будет НП. Корректируйте огонь с него... Есть еще предложения? Нет?

Степанов встал, на минуту задумался, а потом произнес:

— Ну что ж, предложения дельные, их надо принять. На том и порешим: нанесем огневой удар на узком участке фронта и повторим атаку, нарастив ее силу вводом в бой третьей роты.

Во 2-ю роту ушли комиссар батальона старший политрук А. Л. Горбунов и секретарь партийного бюро полка батальонный комиссар А. Д. Левашов. В 3-ю роту комбат послал своего заместителя гвардии лейтенанта К. А. Делиболтояна. Там же уже находились инструктор пропаганды полка батальонный комиссар И. А. Докучаев и секретарь бюро ВЛКСМ политрук С. К. Куркин.

Артиллерия, минометы, винтовки и пулеметы вновь наполнили грохотом вечерний лес.

«Ду-ду-ду...» — зачастили взахлеб «максимы».

— По крайнему левому! По среднему! По три снаряда! Ог-гонь! — скомандовал расчетам двух 76-миллиметровых орудий, стоявших на прямой наводке, командир взвода гвардии младший лейтенант С. Д. Шепелев.

Вражеские дзоты заволкло дымом. Однако Шепелев успел заметить, как из них начали выскакивать гитлеровцы.

— Жарко стало, гады? Забегали? Три снаряда! Осколочным! Огонь!

Вступила в бой 3-я рота. Одновременно поднялась в атаку и 2-я. Ее возглавил сам командир — Щербаков.

Фашисты, видимо, ожидали атаку. С каждой минутой стрельба с их стороны усиливалась. Стрекотали автоматы, трижды проскрипел шестиствольный миномет.

Осколком вражеской мины на глазах у бойцов убило гвардии лейтенанта Щербакова. Но не остановились гвардейцы. Таков закон атаки. Командование ротой принял на себя заместитель командира, кандидат в члены ВКП(б) гвардии младший лейтенант А. В. Бабий.

Гитлеровцы не выдержали стремительного натиска, побежали. Бабий открыл по ним огонь из автомата, двоих сразил наповал. Однако и у самого подкосились ноги, он упал. К Бабию подбежал санитар, чтобы перевязать рану.

Не прошло и нескольких минут, как впереди цепи появился комиссар батальона А. Л. Горбунов.

До ближайшего дзота оставались считанные метры. Ох, как трудны они, эти последние метры под огнем! Вдруг дзот замолчал. Но зато справа, за ним, появились два серо-зеленых бугорка. Они рывками начали выплескивать огненные трассы. Горбунов присел за деревом, приготовил гранату. Затем, поднявшись во весь рост, с силой бросил ее, устремился вперед. Но тут же с разбегу упал. Между тем вражеские автоматы продолжали хлестать огнем. Горбунов вскочил и, сделав несколько шагов, крикнул:

— Встать! Вперед, гвард...

Желто-красная струя огнемёта, молнией полоснувшая из амбразуры замолчавшего было дзота, оборвала призывный клич комиссара. С еще большей яростью обрушились гвардейцы на врага...

Комиссар 2-го батальона
старший политрук
А. Л. Горбунов

Минут двадцать спустя после начала атаки Степанов решил узнать, как идут дела в 3-й роте. Но связь с ней оборвалась. Наконец в блиндаж буквально ввалился связной.

— Товарищ старший лейтенант! Красноармеец Курбан Мадолеев прибыл с донесением от командира роты!

Степанов взял конверт. Нагнувшись к светильнику, сделанному из гильзы снаряда, стал молча читать.

— Гагаринский пишет, — произнес наконец глухим голосом комбат, — атака началась успешно. Однако на подступах к вражеским дзотам рота попала под плотный огонь минометов. Есть потери... Ранен Делиболтоян...

Степанов повернулся ко мне.

— Не хотелось посылать тебя в бой, пока не обвыкнешь. Но обстановка вынуждает... Ступай в третью роту и передай Гагаринскому мой приказ: занять весь южный мыс леса, простирающийся вдоль болота. Проследи за выполнением этого приказа. При закреплении рубежа организуешь локтевую связь его роты с левым флангом первой. Учти, здесь возможна контратака гитлеровцев. О ходе боя докладывай...

9

И вот иду в роту. Вместе со мной — Мадолеев. Бой в самом разгаре. Но связной смело ведет меня вперед. Спустя некоторое время достигли рубежа, по которому проходил передний край вражеской обороны. Внезапно начавшийся артиллерийский налет заставил нас заскочить в блиндаж, недавно отбитый у немцев.

Осмотрелись. Вокруг беспорядочно валялись солдатские каски, подсумки, упаковки из-под патронов, зубная паста, стеариновые свечи, порнографические открытки...

Переждав огневой налет, двинулись дальше. Вскоре вышли к наблюдательному пункту роты. Гагаринский заметил нас еще издали, помахал рукой.

Обстановка в роте оказалась сложной. Правофланговый взвод уже вышел на опушку леса, выполнил свою задачу и залег. 2-й и 3-й взводы также залегли, но им предстояло преодолеть еще 200—250 метров. Опушка углом уходила в сторону вражеской обороны. На этом лоскутке изрыгали огонь четыре мощных дзота: три — впереди, в

линию, и один — в глубине. Как поднять бойцов и выбить оттуда врага?

Заработала связь с комбатом. Доложил Степанову обстановку. По врагу был организован еще один мощный артиллерийско-минометный налет.

Как только начали рваться первые снаряды, гвардии лейтенант, оставив меня у телефона, пополз к бойцам. Пронеслась команда: «На пятьдесят метров вперед, ползком, марш!»

В тот момент, когда артналет уже заканчивался, командир роты поднялся во весь рост. Приготовились к броску бойцы.

Только бы успеть к дзотам до того, как враг откроет из них огонь! Огрызнулись фашистские минометы. Первые мины упали позади боевого порядка роты. Однако гитлеровцы быстро скорректировали свой удар. Но поздно. В жарком ближнем бою гвардейцы захватили три дзота. Остался четвертый — последний. Как потом выяснилось, он был хорошо укрепленным, подготовленным к обороне с нескольких направлений и мало пострадал от артналета. Все подступы к нему простреливались.

Гвардии сержант Кеньжин из взвода Н. А. Газетова со своим отделением по болотистой низине, поросшей мелким кустарником, обошел дзот с левого фланга. Дерзким был удар смельчаков. Гранатами и в рукопашном бою они уничтожили более десятка гитлеровцев, в том числе двух офицеров. Гвардейцы захватили три пулемета «машинговер», несколько автоматов, большое количество боеприпасов. Позднее все бойцы этого отделения получили медаль «За отвагу».

Фашисты обрушили на рощу шквал артиллерийского огня. Но воины 1-го батальона прочно закрепились на опушке.

К полуночи наступило относительное затишье. Несмотря

Командир взвода 45-мм
пушек 89-го гвардейско-
го стрелкового полка
А. А. Зайцев

ря на усталость, гвардейцы все, как один, от рядового до командира, занялись укреплением обороны. Оборудовали огневые позиции для пулеметов; там, где позволял грунт, отрывали окопы. На болотах и в низине сооружали насыпи и деревоземляные укрытия.

Нанеся на карту рубеж, который занял батальон, и указав места, где расставлены пулеметы, я возвратился на наблюдательный пункт.

10

А на рассвете на опушке леса возле деревни Черный Ручей гвардейцы хоронили погибших товарищей.

Прозвучал троекратный залп. Над могилой вырос холмик, увенчанный невысоким обелиском с пятиконечной звездой...

Отдав последние почести убитым в бою, мы со Степановым возвратились на КНП батальона. Надо было составлять итоговое боевое донесение. Найдя удобное место у штабного шалаша, комбат присел, задумался. Я разместился рядом, из полевой сумки извлек помятый блокнот, карандаш.

— Готов? Тогда начнем, пиши. Командиру восемьдесят девятого гвардейского стрелкового полка... В проведенном наступлении батальон боевую задачу выполнил полностью... Бой позволил вскрыть принципы построения вражеской обороны в условиях лесисто-болотистой местности, ее сильные и слабые стороны. Оборона врага состоит из опорных пунктов, в которые входят дзоты легкого и тяжелого типа, жилые блиндажи, оборудованные амбразурами для ведения боя, огневые позиции артиллерии и минометов. В опорных пунктах дзоты располагаются в шахматном порядке, способствующем надежному огневому взаимодействию. В болотистых местах, возле деревоземляных сооружений, созданы насыпные брустверы и жердевые настилы. Боевые действия показали, что гитлеровцы на участке Рыкалово — Васильевщина имеют сильную минометную группу, включающую шестиствольные минометы. Наиболее прицельный, губительный огонь минометов бывает в светлое время суток...

Степанов замолк, снова задумался. Потом, как бы оторвавшись от донимавших его мыслей, продолжил диктовать:

— Это главные выводы боя. Возможно, старшее коман-

дование учтет их при планировании и организации нового наступления. И тогда в какой-то мере окупятся те потери, которые мы понесли. Ну, а теперь о другом, не менее важном...

Назвав отличившихся в бою, комбат заключил:

— И последнее. Бойцы, командиры и политработники приобрели определенный опыт, закалились морально. Этот бой для каждого из нас явился суровой, но полезной школой. Все! Подписи: командир батальона — Степанов, адъютант старший — Вязанкин.

— Иван Петрович, но я ведь не адъютант старший? Нужно ли так?

— Нужно! Мне воевать вместе с тобой. Будешь и старшим! А сейчас на всякий случай поставь «за» или просто черточку...

Глава IV

НИ ШАГУ НАЗАД!

1

Новый приказ командира полка требовал ночной атакой овладеть участком дороги Большие Дубовицы — Васильевщина и прочно закрепить его за собой.

Степанов изучал обстановку, прикидывал разные варианты атаки. Этой ночью будет наступать не один его батальон, а весь полк. В стык между 1-м и 2-м батальонами вводится 3-й. Полоса наступления батальона несколько сужается. Но ему меньше, чем в предыдущем бою, выделили средств усиления: только одну минометную роту и взвод 76-миллиметровых пушек. Атаке будет предшествовать короткая артиллерийская подготовка.

Атака! В каком же построении лучше всего ее осуществить? Цепью? От нее, конечно, никуда не уйдешь. А вот усилить ее особыми, скажем, штурмовыми, группами не мешало бы. Что происходило раньше? В момент, когда пехота после артподготовки завязывала бой с дзотами первой линии, гитлеровцы, располагающиеся в глубине обороны, успевали подготовиться к отражению атаки наших подразделений. Напрашивается вывод: основные усилия атакующей цепи должны быть направлены не на дзоты,

а на промежутки между ними. А дзотами, если их не удастся подавить с ходу, должны заниматься штурмовые группы. Хорошо бы их усилить саперами с зарядами взрывчатки или ранцевыми огнеметами! Но поскольку в батальоне ни тех ни других нет, надо подготовить связки гранат. В финской кампании на Карельском перешейке штурмовым группам приходилось брать железобетонные укрепления, не чета этим — деревоземляным.

Возвратившись из рот, я как раз застал комбата в глубоком раздумье.

— Заготовка угольников для огневых точек налажена. С наступлением темноты они будут установлены на переднем крае, — доложил ему. — Вот только как бы фрицы не обнаружили эти наши работы...

— Фрицы обнаружат наши работы, говоришь? — переспросил Степанов. В хитроватом прищуре его глаз появились озорные светлячки. — Ну и пусть обнаруживают. Это даже к лучшему. Пусть считают, что мы собираемся обороняться.

— Как так? Разве мы уже получили другую задачу?

— Да! Пока ты ходил в подразделения, я получил распоряжение на подготовку наступления. Теперь пойдем вперед всем полком!

В батальон пришел Андрей Петрович Афанасьев. Степанов, как всегда, встретил его по-братски. Афанасьев был в приподнятом настроении. Еще бы — он только что возглавил батальон, в котором воевал.

— Вдвоем остались? — спросил у Степанова Афанасьев, кивая головой в мою сторону.

— Да, пока вдвоем...

Афанасьев высказал искреннее сожаление по поводу гибели Горбунова, затем спросил:

— А что вы, друзья, думаете о боевой задаче полка?

— Трудно предугадать замыслы старшего командования, — глубоко вздохнув, произнес Иван Петрович. — Думаю, что мы сейчас ведем бои местного значения. Улучшаем свои исходные позиции для большого наступления. Лето-то поворачивает на зиму. Пора бы и Северо-Западному фронту сказать свое слово, помочь нашим войскам, сражающимся на юге. Так я разумею это дело.

Афанасьев с присущей ему живостью подхватил:

— Хорошо, если бы в общее наступление перешли сразу и наш Северо-Западный, и Калининский, и Волховский! Совместными усилиями окружить и разгромить демянскую

группировку противника, освободить Новгород и мой родной город Чудово! Отсюда до него рукой подать!

Затем они перешли к деловым вопросам. Степанов рассказал Афанасьеву о своих задумках на предстоящий бой. Комбаты договорились о порядке взаимодействия.

Афанасьев наконец встал, поправил пилотку, картинно подбоченясь, посмотрел на меня.

— Что невесел, неразговорчив? О комиссаре небось все печалишься? Слов нет, хороший был человек! — И, крепко пожимая мне руку, закончил: — Однако война — вещь серьезная. На ней, случается, и убивают...

Мне нравился капитан, подвижный, всегда веселый, неунывающий. Улыбнувшись, я ответил ему:

— Случается...

Сгустились сумерки. Степанов ждал Афанасьева с его батальоном. Задержка друга беспокоила Ивана Петровича.

Но вот вдали показалась колонна солдат. У Степанова отлегло было от сердца. Но почему батальон ведет не Афанасьев, а какой-то другой командир?

— Где ваш комбат?

— Нет больше комбата. Убит. Прямое попадание вражеского снаряда...

В глазах у Степанова потемнело. Сколько военных дорог прошел Андрей Петрович, сколько раз ходил в атаку... И на тебе — гибнет так нелепо! Да, война — жестокая штука! На ней, случается, и убивают...

2

Наступление началось в полночь. Хлопнуло, как плетью, рядом, и в темное небо взмыла ракета. Вверху она разъединилась на три красные звездочки, которые, описав дугу, быстро пошли вниз. Ночная тишина взорвалась.

Степанов, сидя у телефона, посмотрел на наручные часы, взял трубку.

— Заря-один, два, три! Я — Туман-один! — вызвал он командиров рот. — Выдвигайтесь ползком вперед на самую короткую дистанцию!

Трассирующие пули исполосовали небо разноцветными строчками. Гитлеровцы огрызались пулеметным огнем.

— Та-та-та... А-а-а! — слышалось с переднего края смешанное и протяжное.

— По фашистскому дзоту фугасным! Три снаряда! Ог-гонь! — разносился по лесу голос командира взвода 76-миллиметровых пушек гвардии младшего лейтенанта Шепелева.

Отделение из 3-й роты под командованием гвардии сержанта А. М. Сергеева, составлявшее штурмовую группу, блокировало крупный двухамбразурный дзот. Ручные пулеметы били по нему короткими очередями. А в это время основные силы роты, ведомые политруком Хамидулиным, проникали в промежутки между изрыгающими огонь дзотами.

Первым в траншею врага ворвалось отделение гвардии сержанта Д. Ф. Тимакова. Броском гранаты он уничтожил пулеметный расчет и смело повел своих бойцов в глубь обороны.

Замысел комбата удался: удар гвардейцев оказался ошеломляющим для гитлеровцев. Не помогли им и их шестиствольные минометы, снаряды которых начали грохотать уже за боевыми порядками стрелковой роты. Большинство немцев, оборонявшихся в первых траншеях и дзотах, было уничтожено.

Впереди задача более сложная — овладеть полосой леса и дорогой, пролежавшей по открытому взгорку. Над полем боя продолжал бесноваться огненный смерч, пахло порохом, горелым мясом и обожженной землей.

— Гагаринский, в чем дело? Почему топчетесь на месте? — требовательно спрашивал командира роты комбат Степанов.

— Мешает огонь дзотов, которые на взгорке.

— Не тяните время, блокируйте и обходите их...

— Слушаюсь!

К Гагаринскому прибыл командир минометной роты гвардии лейтенант Александров, чтобы подготовить огонь по вражеским целям, указанным командиром стрелковой роты. И как только мины стали рваться в расположении противника, Гагаринский сам ринулся в цепь бойцов. До дороги оставалось каких-нибудь 100—130 метров. С возгласом «ура!» бойцы устремились вперед.

Гитлеровцы подожгли лес на участке наступления роты. Огонь, едкий дым затрудняли продвижение гвардейцев.

Наконец рота выбежала на поляну. Впереди, совсем близко, темнел завал, сделанный из поваленных деревьев.

За ним укрывались гитлеровцы. Завязался рукопашный бой. Часам к двум все стихло. Задача, поставленная батальону, была выполнена — дорогу удалось перерезать. Поутихли звуки боя и справа, где наступали два других батальона полка.

3

Три часа ночи. Легкий ветерок разносил по перелеску запахи гари, пороха и взрывчатки. По лесу и полю сновали движущиеся фигурки. Наиболее расторопные старшины рот с наполненными термосами уже шагали к своим бойцам. Пользуясь темнотой, санитары выносили раненых, трофейные команды собирали оружие погибших, хозяйственники подвозили и подносили боеприпасы.

В 1-й роте я не задержался. Ее рубеж проходил по лесу, и опытный командир гвардии лейтенант Ипатов закрепил его по всем правилам тактики и инженерного искусства. В центре боевого порядка батальона находилась 3-я рота гвардии лейтенанта Гагаринского. Правым флангом она оседлала дорогу. На открытом участке местности траншеи отрыты еще не были, и мне не раз пришлось прижиматься к земле, ползти по-пластунски от окопа к окопу, от солдата к солдату, которые, сидя на корточках в своих солдатских крепостях, алюминиевыми ложками работали в котелках: уплетали за обе щеки пшенку, сдобренную мясными консервами.

Наиболее ответственным являлся левый фланг батальона. Там действовала 2-я стрелковая рота, которую после гибели гвардии лейтенанта Щербакова возглавил гвардии младший лейтенант Газетов. В ходе ночного боя рота отбила у врага выгодную в тактическом отношении возвышенность. Здесь, на левом фланге, располагались и 1-я пулеметная рота гвардии лейтенанта Мельникова, взвод роты противотанковых ружей гвардии старшего лейтенанта Стельмаха, одно орудие из батареи 76-миллиметровых пушек гвардии капитана Чистякова.

К четырем часам утра, закончив изучение переднего края обороны на левом фланге, я возвратился на наблюдательный пункт 2-й роты. Газетова нашел в глубоком окопе, уже накрытом двумя накатами толстых бревен. Устроившись возле командира роты, вспомнил про письма, которые мне вручил батальонный почтальон.

Весточек из дома я не получал уже давно. И вот те-

перь, держа в руках желанные треугольники, несказанно радовался им. Молча подвинув к себе стеариновую свечу, начал читать. Одно письмо было из родного села Тольский Майдан, одно из Горького, а на третьем стоял номер полевой почты.

Немного подумав, первым открыл письмо из дома. Узнал почерк сестры Евдокии.

«...Добрый день или вечер!.. Сообщаю, что живем мы по-прежнему. Правда, дома нас осталось только отец с матерью, я, Пелагея и Петр. Татьяна проживает в Ревде, недалеко от Свердловска. Она работает в тамошнем госпитале, лечит раненых. Мария уехала в Балахну, на торфоразработки. Александр служит в Уфимском военном училище. Ну а я, Пелагея и Петр работаем в колхозе. Петр-то возится все время с лошадьми как настоящий мужик, хотя этим летом ему исполнилось только четырнадцать годков. Отца нашего мобилизовали. Он теперь работает с географами, носит ихнюю треногу от тедалита какого-то. Ты, Иван, знаешь, что ему уже под семьдесят, а ноша эта тяжелая. Но он говорит, что своим делом помогает снимать местность для военных карт, которые нужны будут для фронта. Гордится старик своей работой. Мать наша домоседничает; караулит моих и Полиных детей и кур да помаленьку вяжет носки для солдат. Все бы ничего, да вот с едой плохо. Но скоро и с этим наладится. Подрастает зелень. Уже из листьев свеклы варим щи. А теперь пропишу про свое горе. Я получила похоронку на мужа Федора. В ней так и прописано: «...Федор Григорьевич Крылов, 1904 года рождения, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, убит 5 февраля 1942 года. Похоронен у деревни Быково». А воевал он во 2-м батальоне 27-й отдельной стрелковой бригады.

Егорка Васячев, который вернулся с фронта раненый, сказывал, что Федю убило на Северо-Западном фронте, под Старой Руссой...»

«Где-то недалеко от мест, где мы сейчас находимся, — отметил я для себя, — правда, в то время меня тут еще не было».

«...Ты, Иван, — продолжал я читать письмо, — из нашей семьи теперь один на фронте, один и можешь увидеть живого немца. Все мы порешили просить тебя: отомсти скаженным фашистам за моего мужа Федю! Об этом тебя просят и мои сиротки Таня, Шурик и Валентин. На сем до

свидания. Остаемся живы и здоровы, того и вам желаем. Твоя сестра Евдокия».

Второе письмо было коротким.

«...С отличием закончил Уфимское пехотное училище. На петлицах теперь у меня так же, как и у тебя, два кубаря. Но вот беда: просился на фронт — не послали. Оставили здесь, в училище, на должности командира учебного взвода. Нам говорят, что, обучая курсантов, мы тоже вносим вклад в разгром врага... Возможно, все это и так, но я хочу своими руками бить захватчиков, мстить за Федора, который, ты, наверное, уже знаешь, погиб смертью храбрых. Иван! Не сможешь ли ты через свое начальство вызвать меня к себе в часть? Вместе-то сподручнее было бы бить захватчиков. А еще напиши, как воюешь. Боевой опыт нам нужен как воздух... Александр».

«И здесь просьба, — подумалось мне. — Не всемогущ я, дорогой братишка, не смогу вызвать тебя на фронт. Не в моей это власти. Служи там, где приказывают. Таков закон армии!».

Лишь третье письмо — от любимой девушки, бывшей одноклассницы — принесло небольшое облегчение.

«Дорогой и любимый... Сейчас я живу в Горьком, работаю в оперном театре, высылаю тебе фото. На нем я в гриме цыганки из оперетты «Цыганский барон». Как находишь? Я о тебе много думаю. Ты не выходишь из моего сердца даже тогда, когда я пою на сцене... Жду от тебя приветов, как соловей лета! Смелее и крепче громи фашистов и скорей возвращайся домой с Победой! Обнимаю и целую. Твоя Мария».

Спасибо тебе, Машенька, за весточку, за теплые душевные слова! Девушка ты что надо, но слишком бедовая. Дождешься ли?

4

В половине пятого, как только начала рассеиваться утренняя дымка, враг обрушил на участок обороны 2-й роты шквал огня. Прилетела партия вражеских самолетов. Свой груз они сбросили на артиллерийские позиции.

Не успели скрыться бомбардировщики, как орудия противника вновь открыли огонь. Вскоре появилась вторая партия самолетов — Ю-87. Они разделились на две группы. Одна опять пошла на огневые позиции артиллерии и минометов, другая развернулась и, образовав круг,

Начальник артиллерий-
ского снабжения дивизии
А. М. Гутман

начала бомбить и обстреливать пулеметным огнем первую траншею обороны.

Блиндаж, в который мне удалось заскочить, дрожал, словно пароход в жестокую бурю. Однако самолеты вскоре улетели. Бойцы начали подниматься с земли. Не успели мы оглядеться, как вражеские стервятники опять тут как тут.

Взрыв, второй, третий... целая серия. Наверху, совсем рядом, что-то загорелось. Самое неприятное в этом крошечном аду — ощущение собственной беспомощности и незащищенности. Воздушная волна идет по траншее, врывается с силой в крытый блиндаж и прижимает всех к земле. И вдруг вновь все стихает...

Третий заход вражеских самолетов оказался наиболее ожесточенным. На крышу блиндажа грохнулась вырванная с корнем ель, сверху посыпалась земля, упоры наката покосились, но все-таки выстояли, не завалились. Казалось, ничего живого не останется на этом пятачке земли.

А события между тем развивались стремительно. Послышалось нарастающее с каждой минутой гудение танков. Я вскинул бинокль к глазам, прильнул к смотровой щели: четыре бронированных полосатых чудовища поползали из-за кустарника. За ними, пригибаясь, бежала пехота.

Но вот по контратакующим ударила наша артиллерия. Боевой порядок фашистов расстроился. Однако наиболее отчаянные продолжали лезть вперед.

Газетов подал команду на открытие огня. Первыми ударили бронебойщики, они били по танкам. Затем заработали ручные и станковые пулеметы, захлопали ружейные выстрелы. Но и это не остановило гитлеровцев.

— Завтракали, наверное, с усиленной дозой шнапса, вот и прут напролом, — предположил Газетов.

Вдруг танк, надвигавшийся на левый фланг роты, дрог-

нул, закрутился на месте. «Мина сработала», — догадался я.

Три других танка начали маневрировать. Залегла и пехота, следовавшая за ними. Завязался огневой бой.

Спустя некоторое время вражеская артиллерия вновь активизировала свои действия. Опять словно смола забурлила в котле. Султаны земли поднимались впереди и позади, сея повсюду смерть. Гитлеровцы под прикрытием танков вновь перешли в атаку.

Приказываю командиру роты противотанковых ружей Стельмаху открыть огонь. Бронебойщику Борхану Булахову удалось со второго выстрела поджечь один танк. Однако большая группа пехоты при поддержке двух других танков прорвалась на стыке 2-й и 3-й рот. Создалась сложная обстановка. Фашисты стремились отрезать 2-ю роту, располагавшуюся восточнее дороги, окружить и уничтожить ее. До взвода вражеской пехоты с танком двинулось на наблюдательный пункт роты.

— Стельмах! Стельмах! Бронебойщиков, бронебойщиков выдвигай навстречу танку! — кричу командиру роты противотанковых ружей.

Стельмах сам бьет по танку, но пуля не берет его лобовую броню. «В борт, в борт надо», — мелькает мысль.

А тем временем заместитель командира роты гвардии младший лейтенант Беляев по приказанию Газетова выдвинул вперед резервное отделение с ручным пулеметом. Бойцы открыли отсечный огонь по вражеской пехоте, бежавшей за танками.

За ходом боя внимательно следил и Степанов.

— Держитесь! Командир полка высылает подмогу, — подбадривал он меня по телефону.

По указанию комбата гвардии лейтенант Александров начал из своих минометов обстреливать вражескую пехоту. Я не мог усидеть в укрытии, выбрался из-под накатника.

Несмотря на сильный минометный огонь, фашисты продолжали наступать в глубь обороны, явно намереваясь расчленив роту, большую часть ее прижать к болоту и уничтожить. Один танк устремился на наблюдательный пункт, другой повернул в сторону роты Гагаринского, расширяя прорыв. Вражеские группы хотя и поределели, но огонь вели плотный. На моих глазах от разорвавшегося снаряда, выпущенного немецким танком, погиб гвардеец из взвода Беляева.

— Газетов! Всех, кто здесь есть с карабинами, автоматами, гранатами, быстро вперед, в окопы! — кричу сразу сорвавшимся до хрипоты голосом.

Вынимая из кобуры пистолет, смотрю на телефониста, сиротливо прильнувшего к стенке траншеи, ловлю в его взгляде вопрос: что делать ему, связисту?

— Оставайся здесь и держи связь с комбатом.

Затем, увидев ствол трофейного автомата, зажатого между острыми коленями связиста, спрашиваю:

— Твой?

— Угу.

— Патроны есть?

— Три магазина. Вот — в чехле!

— Давай сюда.

Газетов, политрук роты гвардии младший лейтенант Мухин и еще около десяти человек, связанных и пеших посыльных, развернулись в цепь, изготовились к бою. Присоединился к ним и я.

А в это время на правом фланге роты, там, где фашисты стремились расширить свой прорыв, завязалась ожесточенная схватка. Здесь всем верховодил командир стрелкового взвода гвардии младший лейтенант В. Петров. Ему удалось отрезать вражескую пехоту от танка, прижать ее к земле. Мы видели, как группа гитлеровцев повернула туда, на помощь. Однако немало фашистов, пригнувшись, надвигалось и на НП роты.

Казалось, что и танк, и пехота движутся прямо на меня. Разорвавшиеся вблизи снаряды быстро вывели из оцепенения. Почти не целясь, дал две рассеивающие очереди. Затем, поймав в прицел громадного, как мне показалось, гитлеровца, еще раз нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало.

Сменив магазин, снова поймал на мушку «своего» здоровяка, выстрелил. Гитлеровец мешком рухнул на землю.

— Подготовить гранаты! — раздалась команда Газетова.

Неожиданно слева подал знакомый голос «максим» — это открыл огонь расчет станкового пулемета из левофлангового взвода младшего лейтенанта Подунова, занимавшего огневую позицию в глубине обороны. Короткие кинжальные очереди косили гитлеровцев наповал. Остановился и танк, начал отползать назад, разворачиваться. Этого-то момента и ждал Стельмах. Выстрел — и танк

задымил. Невольный вздох облегчения вырвался у меня из груди.

В это время справа, из расположения 3-й роты, пришла помощь. Оттуда зазвучало радостное «ура!». Это вступила в бой рота автоматчиков полка.

Ищу глазами командира роты:

— Поднимай людей, Газетов!

Командир и политрук выпрыгнули из окопа одновременно.

— Гвардейцы! За мной, вперед!

Газетов призывно взмахнул рукой.

Гитлеровцы не выдержали стремительного натиска советских воинов — начали откатываться назад. Я вскинул автомат, остановился, послал вслед убежавшим длинную очередь. Увидел, как огненная трасса, выплеснувшаяся из ствола, прошла сначала сразу двоих, потом еще одного. Вставив в автомат последний магазин, разгоряченный боем, опустошил его одной очередью.

Фронт обороны роты был восстановлен. На поле боя осталось лежать более трех десятков гитлеровцев. Чадили гарью два танка. Но немалые потери понесли и гвардейцы.

Теперь, немного поостыв, неожиданно почувствовал тупую боль в правой ноге. Мухин помог мне снять сапог. Портянка оказалась пропитанной кровью. Вражеская пуля навывлет пробила голенище, касательно рассекла вену чуть повыше щиколотки. Перевязав рану, двинулся на командно-наблюдательный пункт батальона.

По дороге мне встретилась военфельдшер Оксана Петухова. Она решила заново перевязать мою рану. Снимая бинт, Оксана тихо и грустно сказала:

— А Андрюшу на рассвете похоронили. Возле Горбунова. Сходи...

— Схожу, Оксана, обязательно схожу...

Обработав рану, она выпрямилась. Две крупные слезинки, блеснув, скатились по бледным щекам на гимнастерку.

— Спасибо, Оксана, — поблагодарил я военфельдшера, а про себя подумал: «А ведь она любила Андрея Афанасьева».

...Следующей ночью наступала вся 28-я гвардейская стрелковая дивизия. Батальон Степанова в упорном бою понес новые потери, но задачи своей так и не выполнил. Безрезультатным было и наступление всей дивизии в целом.

Гитлеровцы, усилив свою оборону свежими силами, дополнительными огневыми средствами, укрепив ее в инженерном отношении, успешно отбивались.

Утром 30 июля поступил приказ перейти к жесткой обороне.

5

На фронте, в непрерывных боях, часто приходится переживать горечь потерь. Но давать волю чувствам, долго сокрушаться нельзя. Надо бить врага. Память — дело будущего. Должно пройти какое-то время, чтобы осмыслить происходящее. Тогда обо всем и вспомнится...

Старался следовать этой фронтовой мудрости и я. Так уж устроена военная жизнь — солдаты не истязают себя длительными переживаниями. Война их многому учит, в том числе и мириться с потерей друзей.

Служебные обязанности доставляли мне множество всяческих хлопот. На вечерней заре, когда обычно бой затихал, я ходил по переднему краю обороны, помогал командирам рот заново создавать систему огня — людей-то и оружия становилось все меньше и меньше, — организовывал поднос боеприпасов, эвакуацию убитых и раненых, собирал сведения о численном составе подразделений. А с наступлением утра составлял схему обороны, писал боевое донесение в полк...

Еще раньше командир полка гвардии майор Белоусов советовал Степанову расформировать 3-ю стрелковую роту, усилив за ее счет другие. Но тогда для этого не было времени: готовили наступление. Сейчас же, когда перешли к обороне, можно было заняться этим вплотную.

...Укрывшись от прямых лучей июльского солнца под раскидистой елью, мы со Степановым взвешивали все «за» и «против».

— Так как же будем прикрывать участок обороны, который занимает сейчас рота Гагаринского? — спросил Степанов.

— Рота располагается в середине района обороны батальона, — поспешил я высказать свои соображения. — Самое простое, что можно здесь сделать, — это фронт третьей роты разделить пополам, а фланги первой и второй растянуть, соединить — и делу конец...

Комбат посмотрел на меня. В прищуре его глаз можно было прочесть: «Парень ты в целом хороший, грамотный

и смелый, но стратег еще неважнецкий, зеленый». Сказал же комбат другое:

— В принципе правильно говоришь, лейтенант. Однако вопрос этот надо решать немного по-другому. Смотри сюда, на карту. Если фронт обороны третьей роты мы разделим пополам, то дорога и вся открытая танкоопасная местность отойдут ко второй роте, а лесисто-болотистая — к первой. После того как мы распределим людей Гагаринского по ротам Ипатов и Газетова поровну, их сила будет примерно одинакова. Так?

— Конечно!

— Ну, а если фрицы по открытой местности пустят танки, кому будет труднее: Газетову или Ипатову?

— Само собой разумеется, Газетову!

— То-то и оно! Следовательно, танкоопасное направление мы должны как-то укрепить. А поскольку наши роты по своему составу будут равными, то это надо сделать за счет сужения участка обороны роты Газетова. Сосредоточить там, так сказать, основные усилия батальона. Понятно?

— Вполне!

— Вот и хорошо. Дорогу, значит, поручим оборонять не Газетову, а Ипатову. Сил для этого у него будет достаточно.

— А что будет делать Гагаринский, когда расформируем роту?

— Очевидно, пойдет в резерв командного состава полка.

— А нельзя его оставить на должности замкомбата? Командир он грамотный, и храбрости ему не занимать.

— Мне самому не хочется отпускать его из батальона. Но не все зависит от меня...

Закончить фразу Степанов не успел.

— Здесь находится командир батальона? — неожиданно произнес чей-то немного хриловатый голос.

— Здесь, здесь!

Иван Петрович выбрался из-под низких ветвей ели. Последовал за ним и я.

— Гвардии политрук Беляев Виктор Иванович. Назначен на должность комиссара к вам в батальон, — отрекомендовался приземистый, с тремя кубиками в петлицах военный, протягивая руку Степанову. Ему было около тридцати, но выглядел он старше.

«Где-то я раньше видел его», — подумалось мне. А по-

том вспомнил: в саперном батальоне дивизии. Еще служа помощником начальника штаба полка по учету, бывал в этом батальоне. Там-то Беляева и встречал. Запомнилась тогда его улыбка, обнажавшая большую щербину в ряду белых, крепких верхних зубов...

— А еще вот что, — услышал я слова Беляева. — В восемнадцать часов сегодня на КП полка состоится совещание. Будет изучаться важный директивный документ. Приглашают нас троих.

6

На командный пункт полка мы прибыли раньше назначенного срока. У каждого нашлись здесь свои дела.

Я, например, заглянул в строевую часть. Застал там заведующего делопроизводством Петра Личагина, писарей Бориса Коновца и Сергея Агеева. Встреча наша была теплой и радостной.

— Как идут дела на новой работе? Как воюется? — забрасывали меня вопросами прежние помощники.

Еле отбившись от них, успел заглянуть и к начальнику штаба полка Орлову.

— А, лейтенант Вязанкин! Здравствуй, дорогой, здравствуй! Садись, рассказывай! Есть, кстати, для тебя новость. Хочу сразу и обрадовать. Хорошо воюешь! Командир и комиссар полка это заметили. Ты утвержден на должность адъютанта старшего. Сердечно поздравляю! Такие вот дела!

— Большое спасибо вам, Константин Алексеевич, — смущенно поблагодарил я. Удивительно даже: как быстро меня повысили в должности! — Позвольте и вас поздравить с присвоением звания капитана!

Еще при входе в землянку я увидел в петлицах гимнастерки Орлова вместо трех кубиков шпалу. Однако начштаба тему разговора не поддержал.

— Времени у нас мало, поговорим о делах. В районе обороны первого батальона работают полковые и дивизионные саперы. В утреннем донесении вы не сообщили, что ими сделано, а эти сведения нас весьма и весьма интересуют. Мы должны знать, как совершенствуется оборона.

Я попытался объяснить. Но Орлов, прервав меня, продолжил:

— О работе саперов подробно сообщите в вечернем итоговом донесении. И еще вот что: уделите большее вни-

мание левому флангу, изучению противника. Если заметите что-то новое в его поведении — немедленно докладывайте мне. Вот, пожалуй, и все. Вопросы есть?

— Нет.

— Тогда — на совещание.

7

На продолговатой площадке под развесистыми кронами деревьев собрались командиры, политработники, начальники различных служб. Разбившись на группы, они вели неторопливый разговор. Подошел к той, где находился Степанов.

— Сегодня утром войска Калининского фронта из района Ржева и Западного фронта из-под Гжатска перешли в наступление, — сообщил всегда во всем осведомленный инструктор по пропаганде и агитации полка Докучаев.

— А на юго-западе какая обстановка? — спросил кто-то из командиров.

— На юго-западе сейчас тяжело. Вы, наверное, уже слышали: гитлеровцы полностью заняли Крым, а вчера наши войска вели ожесточенные оборонительные бои в районах юго-западнее Клетской, Цимлянской, Батайска, Азова и на подступах к Сталинграду.

Ровно в 18 часов из блиндажа, у которого стоял часовой, вышла группа командиров: впереди — командир дивизии гвардии генерал-майор И. И. Миссан и комиссар дивизии полковой комиссар В. В. Бабицкий, за ними — командир полка М. И. Белоусов и комиссар Я. П. Царакаев.

Бабицкий не спеша развернул красную папку, начал читать:

— Приказ народного комиссара обороны... номер двести двадцать семь...

Не шелохнувшись, молча, слушали собравшиеся суровые и грозные, как сама война, слова приказа: «Пора кончать отступление... Отступить дальше — значит, загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад...»

Приказ обязывал упорно защищать каждую позицию, каждый метр родной земли, отстаивать его до последней возможности.

...С наступлением сумерек в батальоне состоялось делегатское партийное собрание. Коммунисты и комсомольцы, затаив дыхание, внимали комиссару полка Царакаеву,

разъяснявшему приказ НКО № 227. Жгучая ненависть к оккупантам рождалась в сердцах гвардейцев, еще крепче сжимали они винтовки и автоматы.

Выступавшие на собрании от имени своих сослуживцев и себя лично клялись не дрогнуть в бою и бороться с врагом до полного его уничтожения.

— Я, казах, — заявил гвардии красноармеец Жинабаев, — даю слово, что буду драться с врагом до последнего дыхания. Приказ буду разъяснять остальным казахам, которые плохо знают русский язык...

— Враг хочет захватить богатства юга, — сказал гвардии красноармеец Золоторев. — Судьба Родины находится в руках всех нас. Мы должны на северо-западе нанести удар по врагу!.. Это и будет наша помощь защитникам юга. Это будет шаг к быстрейшему разгрому немецко-фашистской армии в тысяча девятьсот сорок втором году. Вперед на врага! Ни шагу назад!

Глава V

ИЗ ОБОРОНЫ — В НАСТУПЛЕНИЕ

1

Начало августа радовало яркими, теплыми днями. Уроженец сельской местности, я любил это время года. В родных краях, наверное, полным ходом идет уборка: жнут и обмолачивают рожь, косят, пока не переспели, овес и горох, роют ранний картофель, в садах снимают малину, смородину, крыжовник... Щедр, обилен и хлопотлив август — пора зрелого лета!

На переднем крае наступило затишье, однако работы у командиров не убавлялось. Вот и сейчас Степанов и Беляев возвратились на КП батальона с рекогносцировки, проводимой командиром полка. Вид у них был усталый, но настроение приподнятое. Степанов подошел ко мне, снял с плеча изрядно поношенную полевую сумку, бросил ее на траву, присел. К нам присоединился и заместитель командира батальона гвардии старший лейтенант М. С. Чегринцев, недавно назначенный на эту должность.

Мы узнали от комбата, что 11-я армия переходит в большое наступление. 89-му гвардейскому полку с придан-

ным ему 3-м батальоном 86-го гвардейского стрелкового полка при поддержке 31-го гвардейского минометного дивизиона и 61-го гвардейского артиллерийского полка дивизии поставлена задача — уничтожить противника в лесу юго-западнее Васильевщины и выйти на северный берег реки Старовская Робья на фронте Тачково — до болота Круглое, что в 300 метрах севернее Здоровец.

— Ну, а нашему батальону, — продолжал Степанов, — предстоит сдать часть боевого участка подразделениям сто двадцать шестой отдельной стрелковой бригады и, уплотнив свой боевой порядок, наступать в южном направлении

вдоль безымянного ручья. Поддерживать нас будут прежние средства: первая минометная рота минометного батальона полка и первый дивизион шестьдесят первого гвардейского артиллерийского полка дивизии. Следовательно, можно сделать вывод, что мы будем действовать на левом фланге, на направлении главного удара полка. А это повышает нашу ответственность. От действий батальона будет во многом зависеть общий успех...

Степанов умолк, посмотрел на худощавого, до черноты загоревшего Чегринца.

— Сменой второй роты займетесь вы, Михаил Самуилович. Подумайте, как лучше это сделать.

— Слушаюсь, — четко ответил Чегринец. Затем добавил: — Маловато силенок у нас для выполнения такой боевой задачи...

— Ну, это как сказать! Нечего нам прибедняться! Вот с кого надо брать пример. — Комбат протянул нам листок бумаги. Мы развернули его.

«Тебе, артиллерист, наши орудия!» — прочитали вверху письма, присланного, как оказалось, из Перми.

«Заканчивается год напряженного труда. Как и вся страна, завод наш живет одной мыслью, одним стремле-

Заместитель командира
2-го стрелкового батальона
гвардии старший лейте-
нант М. С. Чегринец

нием — сделать все, что можно, для разгрома немецких захватчиков.

Чем завод помог нашим славным артиллеристам в истекшем году?

Прежде всего, значительным увеличением выпуска продукции. На протяжении года производство пушек выросло более чем вдвое. Из месяца в месяц расширяя производство, завод в ноябре 1941 года выпустил пушек в десять раз больше, чем до войны.

В то же время передовая техническая мысль завода непрерывно стремилась к усовершенствованию нашей боевой техники. К 1942 году мы оснастили артиллерию орудиями разных калибров, освоили противотанковую пушку и испытали некоторые новые виды артиллерийского оружия. Благодаря целому ряду усовершенствований орудия будут сейчас изготавливаться значительно скорее.

Орудие, вышедшее из ворот завода, должно быть безукоризненного качества, действовать безотказно и в любой обстановке. И фронт не жалуется на качество наших изделий. Многочисленные письма из артиллерийских частей полны хороших отзывов о заводской продукции. «Спасибо вам, дорогие товарищи, за ваше качественное и безотказное в работе оружие», — пишут, например, из 1-го гвардейского Краснознаменного арtpолка. Благодарность фронтовиков — лучшая награда за напряженный труд.

У орудий, сделанных нашими руками, там, на передовой, становятся наши братья и сыновья. Нам дорог каждый из них. Заботясь о сохранении жизней бойцов и командиров, наши конструкторы и рационализаторы придумали ряд улучшений и усовершенствований. На орудия ставится сейчас утолщенный броневой щит. Установлены защитные щитки уравнивающего механизма. Приспособлено освещение на прицеле. Все это облегчает труд артиллериста.

Общими усилиями коллектива завод добился немалой экономии. Себестоимость машин за год снизилась от 25 до 40 процентов. А ведь каждый процент экономии — это дополнительные батареи орудий и партии снарядов.

За всеми этими цифрами скрывается огромная работа тысяч людей, массовый трудовой героизм, неиссякаемая творческая инициатива стахановцев и инженеров, талантливая организаторская деятельность командиров.

Война показала, что коллектив уральских пушкарей способен решать самые сложные задачи. Завод вот уже

четыре месяца подряд держит знамя ЦК ВКП(б). Это зовет нас к еще более самоотверженному труду.

Артиллеристы могут быть уверены в уральских пушках. Фронт получит от нас столько оружия, сколько потребуется для окончательного разгрома ненавистного врага.

А. Быховский, Герой Социалистического Труда, директор артиллерийского завода».

...Впрочем, озабоченность Чегринца была не напрасной, и Степанов в душе наверняка разделял его беспокойство. В районе Васильевщины оборонялись отборные войска противника. К тому же за последние дни они сильно укрепили свои позиции. Из показаний пленных было известно, что демьянской группировке Гитлер придавал большое значение. Он намеревался использовать ее в новом наступлении на этом направлении. Командование 16-й немецкой армии укрепляло «стенки» рамушевского коридора свежими силами, чтобы не допустить его ликвидации.

— Когда же начнем? Не сказали? — продолжал уточнять обстановку Чегринец.

— Как же, сказали: готовность — к двадцати четырем часам сегодня. Начало наступления назначено на утро одиннадцатого августа. О времени «Ч» сообщат дополнительно. Так что в нашем распоряжении еще целая ночь. Перегруппировку подразделений начнем, как стемнеет.

— Все сделаем как надо, — угрюмо произнес Чегринец.

Степанов изучающе посмотрел на своего нового заместителя. В глазах комбата вдруг засветился веселый огонек.

— А знаете, товарищи, какая сила ударит завтра по врагу? Дивизии придали целый гаубичный полк! А какая силища будет ее поддерживать: два пушечных полка, две батареи большой мощности, минометный полк и полк гвардейских минометов, ночная, дневная бомбардировочная и штурмовая авиация!

Этим сообщением Степанов достиг цели: лица у меня и Чегринца повеселели.

— Гвардейские минометы — это что, «катюши»? — уточнил Чегринец.

— Да, это и есть «катюши». Говорили там и о каких-то новых реактивных снарядах. «Ванюши» их называют.

— А танки будут? — удалось наконец, вклинить мне со своим вопросом.

— О танках слышно не было. Да и где их здесь применять-то? Кругом болота...

— Что верно, то верно. Местность тут для танков неважная, — вздохнул Чегринец. — Но все равно мы беремся из проклятого болота!

— Обязательно выберемся! — согласился с ним комбат.

Степанов встал. Поднялись и мы.

— Ну, а теперь за дело!

...Наступившая ночь была тихой и теплой. Лишь изредка огненные всполохи освещали небо.

До меня донесся монотонный стрекот ночных бомбардировщиков. С каждой минутой он становился все отчетливее.

Со стороны противника непрерывными строчками поползли вверх разноцветные трассы, дробно захлопали зенитные пулеметы. Но поздно! Почти одновременно начали раздаваться взрывы бомб, сброшенных на передний край.

Всматриваюсь в небо, стараясь найти глазами машины тех смельчаков, которые бомбили гитлеровцев. Наконец мне повезло. Вот он — силуэт знаменитого По-2! Биплан мастерски лавировал между огненными пунктирами, настойчиво выискивая нужные цели. Сумеет ли авиация разрушить хорошо укрепленные и замаскированные огневые позиции врага? Поможет ли выполнить нам боевую задачу? Должна!

...Перед рассветом на наблюдательном пункте батальона собрались командиры подразделений, средств усиления и поддержки. Степанов поставил им боевые задачи, дал указания по взаимодействию и боевому обеспечению, сообщил сигналы. Начало атаки было назначено на 7 часов 10 минут.

Я решил проверить пункты боепитания. Это не заняло много времени: боеприпасов была норма, личный состав свои обязанности знал. На обратном пути на опушке леса остановился. Прямо на земле под определенным углом наклона рядками стояли какие-то металлические чушки в дощатых упаковках. Не те ли это «ванюши», о которых говорил комбат?

Подхожу к штабной землянке. Возле нее под деревом в накинута на плечи плащ-палатке стоит какой-то командир.

— Майор Иванов Иван Михайлович, — представился он.

Здороваясь, чувствую сильное, энергичное пожатие руки. Зайдя в землянку, мы сели за наспех сколоченный стол. Майор снял пилотку и плащ-палатку, устало вздохнул.

— Теперь для ваших героев путь расчищен. Не один десяток мин сняли за ночь наши саперы. Были там и противотанковые, и противопехотные. Лежат теперь в куче возле траншей.

— Вы, Иван Михайлович, за тем и пришли в батальон, чтобы о проделанных проходах рассказывать?

— Не только, — улыбнувшись, ответил инженер. — Хотелось вот повидаться с Виктором Ивановичем, комиссарил ведь он у меня. Как он тут у вас? Прижился?

— Трудно сказать. Я его мало знаю: боя-то еще настоящего не было.

— Беляев — политработник опытный. С людьми работать умеет. Приживется. Хочешь расскажу о нем?

Мне не оставалось ничего другого, как согласиться.

— Сейчас-то положение на нашем участке фронта куда прочнее, чем было примерно год тому назад. Тогда у нас порой складывалось отчаянное положение. Припоминаю один случай. Было это в августе сорок первого. Я командовал тогда саперной ротой, а Беляев был у меня комиссаром.

Фашист, несмотря на героическое сопротивление наших арьергардных частей, рвался к Старой Руссе и Новгороду. Части дивизии вынуждены были отходить. Саперам приходилось почти под огнем врага строить переправы через многочисленные реки и речки, гатить дороги по болотам, ставить минные поля, проволочные заграждения, различные завалы, вместе со стрелковыми подразделениями вести оборонительные бои.

Однажды командир дивизии полковник Миссан на угрожаемое направление выдвинул из второго эшелона первый батальон девяносто второго гвардейского стрелкового полка. Наша саперная рота

тридцать третьего гвардейского саперного батальона получила задачу — заминировать танкоопасный участок местности и тем самым прикрыть правый фланг обороны дивизии.

Минное поле ставили ночью. Подбросили нам и несколько ящиков бутылок с зажигательной смесью. Они тоже саперам иногда были нужны. А надо сказать, что незадолго до этого в роту прибыла группа красноармейцев из пополнения. Зеленень пузатая, короче говоря. И вот подходит к Беляеву ездовой, высокий молодой боец, держит в каждой руке по бутылке: «Рядовой Сопрыкин! Товарищ политрук, разрешите задать вопрос?» Комиссар кивнул. «В моей повозке два ящика с бутылками: в одном из них они темные и с этикетками, в другом — разного цвета, но все с палочками и небольшими терками, резинками, прикрепленными к посудинам. На деревянной палочке один конец осеренный. Никак не могу понять, зачем они?»

Беляев посмотрел на длинношеего красноармейца, улынулся: «Давно у нас воюете?» — «Никак нет! Прибыл с недавним пополнением, потому, видимо, меня и назначили ездовым. Мы четвером с Урала, из колхоза «Светлый путь». — «А сами-то вы как думаете, что это?» — «Не знаю, наш старшина сказал, что это против танков. Надо, говорит, танк противника остановить, разбить о него бутылку и поджечь, тогда он сгорит... Сметется! У нас по деревне тоже ходила побасенка о том, как надо вести борьбу с клопами: поймать клопа, открыть ему рот, влить в него клопиного яда». — «Да, подшутил над вами старшина. А ведь эти бутылки, между прочим, представляют грозное оружие против вражеских танков. Подайте-ка мне вон ту, с привязанной палочкой».

Красноармеец быстро исполнил просьбу Беляева, отступил назад. А тот, глядя на так называемую зажигалку, начал пояснять: «Смотри сюда: эта стеклянная посудина наполнена керосином или другой горючей жидкостью. Вот палочка, осеренная с одного конца. Когда ее чиркнешь вот этой маленькой теркой, как простую спичку, то сера горит обильно и не гаснет на ветру. Горит столько,

сколько нужно времени, чтобы бутылка, брошенная в танк, долетела до него, разбилась о металл и разлившийся по танку керосин вспыхнул от этой «спички». Если керосин проникнет к двигателю, где много масла, считай, танк не пригоден для ведения боя. В производстве этого оружия нет ничего сложного. Наши рабочие делают его кустарным способом на спичечных фабриках или в простых мастерских. А вот другая бутылка. Она изготавливается на химических заводах и наполняется жидкостью, самовоспламеняющейся на воздухе. При горении дает высокую температуру. Ее называют жидкостью «КС», о чем говорит бумажная наклейка. Применяют ее в бою так: бросают на жалюзи танка, через которые в двигатель поступает воздух. Они находятся в верхней части, позади башни. Туда и надо метить при броске. Когда бутылка разбивается, горящая жидкость проникает внутрь танка, двигатель его вспыхивает, как и весь танк, факелом и выходит из строя».

Закончив объяснение, Беляев вновь посмотрел на молодого солдата: «Понял теперь, товарищ Сопрыкин, что это за бутылки?» — «Дошло, товарищ политрук. Их надо быстрее раздать нашим минарам, мало ли что?» — «Правильно думаешь, товарищ красноармеец. Минер должен иметь при себе такое оружие».

На востоке засерело. Наступал рассвет. И вдруг с запада послышался отдаленный гул. Стоявшие рядом воины поглядывали на темное небо. Мощный утробный гул приближался, а самолетов видно не было.

Беляев оглянулся вокруг, затем крикнул: «Красноармеец Сопрыкин, слушайте меня внимательно: поручите свою упряжку кому-нибудь другому, а сами берите две бутылки «КС» и идите сюда! Сегодня ездовой тоже боец. Будете меня вместе с ординарцем прикрывать. Как раз и посмотрите, как в бою действуют бутылки с зажигательной смесью. Конечно, если нам представится случай».

Не успел еще ездовой выполнить команду, как прибежал запыхавшийся связной: «Метрах в шестистах-семистах к западу от нашего минного поля сосредотачиваются фрицевские танки». — «Уста-

новку мин закончили?» — «Еще не везде. Но саперы свою работу продолжают». — «Хорошо, действуйте дальше. Ну, а если вражеские танки подойдут раньше, чем мы ожидаем, стоять насмерть! Бутылки «КС» имеются?» — «Да, но только по нескольку штук». — «Скоро поднесут еще. Так и доложите своему командиру».

Политрук Беляев, захватив ординарца и Сопрыкина, скрылся в бурьяне, обильно росшем на поле...

Майор замолчал, наступила длинная пауза.

— Ну, а что было дальше? — спросил я.

— С Беляевым? После отражения атаки все трое возвратились в расположение штаба батальона. Потом Беляев рассказывал нам, как все произошло.

...Они добрались до передовых позиций, встретили саперов. Комиссар выбрал удобную позицию на незаминированном участке местности и вместе со своими бойцами стал поджидать вражеские танки.

И вот враг перешел в атаку, направляя свой удар во фланг дивизии. Танки поднимали за собой хвосты серой пыли. За ними на небольшом удалении цепью трусила гитлеровская пехота...

Неожиданно вражеский танк, идущий впереди других, вспыхнул огнем, повалили клубы черного дыма. Все понятно: нарвался на мину.

Полыхнул огнем, дрогнул и остановился еще один танк, который шел слева. Это артиллеристы, взаимодействуя со стрелковыми подразделениями, подбили его. Однако остальные машины быстро приближались к траншеям. Уже хорошо видны траки их гусениц, стволы пушек, черные, с белой окантовкой кресты на броне.

Беляев, напрягшись, ждал приближения танка, который шел прямо на него. В последний момент по какой-то причине фашист свернул вправо. Политрук мгновенно привстал из своего укрытия, чиркнул теркой по «спичке», прикрепленной к бутылке, и с силой швырнул ее в танк. Однако зажигалка угодила в гусеницу. Катки танка загорелись, но стальная машина продолжала свое движение. Тогда Беляев бросил бутылку «КС». Она разбилась как раз позади башни, над жалюзи. Танк

сразу же обволокло огнем и черным дымом. Он остановился. Из открывшегося люка на землю посыпались гитлеровцы. Политрук видел, как Сопрыкин выстрелом из винтовки сразил бегущего фашиста. Еще двоих почти в упор уничтожил из автомата ординарец Костя. Но тут же сам зажал плечо рукой.

Было подбито еще два танка врага. Атака противника сорвалась.

Я посмотрел на наручные часы:

— Скоро начнется артподготовка. Мне пора к комбату. Там же, на наблюдательном пункте, наверное, и замполит. Может, вместе пойдем?

— Как-нибудь в другой раз.

Мы разошлись каждый по своим делам.

3

Раздался первый залп «катюш». Вслед за реактивной артиллерией загрохотали сотни орудий. Канонада с каждой минутой все нарастала.

— Смотрите, смотрите! — вдруг закричали сразу несколько бойцов, сидевших возле блиндажа.

Задрав голову, мы увидели потрясающее зрелище: длинные огненно-красные линии от реактивных снарядов исчертили небо.

Неожиданно вражеский снаряд разорвался метрах в тридцати левее блиндажа. Ударная волна разбросала всех в разные стороны. Убитых, к счастью, не оказалось. Спасла болотистая почва. Снаряд разорвался на большой глубине...

А тем временем темп артиллерийско-минометного огня все усиливался. По-прежнему стоял такой оглушительный грохот, что трудно было разговаривать даже с рядом стоящим человеком. Вот раздался новый залп «катюш». За скрипели и немецкие шестиствольные минометы.

Командир 1-го артиллерийского дивизиона гвардии старший лейтенант Парасочка взял трубку телефона:

— Комета! Комета! Я — Метеор! Засеките огневые позиции фрицевских шестистволок. Срочно!

— Космос! Космос! Я — Метеор! — вновь командует Парасочка. — По квадрату... батареей, огонь!

Приближается время атаки. Степанов садится за ротные телефоны.

— Сосна! Сосна! Я — Дуб! К аппарату — тридцать второго, — вызывает он командира 1-й роты Ипатова. — Доложите о готовности. Готовы? А все ли сделано «огуречниками»? Нет? Не подавлен пулеметный дзот у ориентира три?

Не кладя трубку, Степанов распоряжается:

— Лейтенант Александров! Ваш объект у ориентира три еще не уничтожен. Ударьте по нему!

Пока подается команда минометчикам, комбат уже разговаривает с гвардии младшим лейтенантом Газетовым. Обстановка в его роте примерно такая же: уточняются координаты неподавленных целей, подаются необходимые команды...

4

Над лесом взлетела серия зеленых ракет — сигнал на перенос огня и одновременно начала атаки. Комбат передает в роты сигнал: «Шторм». Убедившись, что он принят, выходит из блиндажа, чтобы подняться на наблюдательную вышку, устроенную на дереве. Меня комбат оставляет у телефонов. С переднего края доносится дружное «урал!», — это гвардейцы поднялись в атаку.

Через некоторое время телефонист получает сообщение, что Сосна отключается, уходит за командиром. Вскоре такое же известие приходит и от Ели. Хорошо! Значит, роты продвигаются вперед. На душе сразу становится веселее. Отправляюсь к комбату, чтобы самому взглянуть на поле боя.

— Ни черта не видно, — ворчит Степанов. — Вязанкин, я иду вперед, а вы оставайтесь здесь до моего приказа. Доложите в штаб полка о начале атаки.

НП сразу опустел. Грохот боя хотя и удалялся, но не утихал.

Возвращаюсь в блиндаж. Телефонист отрицательно качает головой: связи с ротами пока нет. Молчит и полковой телефон. Но вот долгожданный писк зуммера.

— Кто подключился?

— Первая рота.

Беру трубку. Мне отвечает дежурный телефонист.

— Позовите тридцать первого, — приказываю ему.

— Тридцать первый впереди, с людьми.

— А вы почему не с ним?

— Он приказал быть здесь...

В трубке слышатся дробь вражеского пулемета и уханье разрывов. Конечно, командиру роты сейчас не до докладов.

Восстановилась связь со 2-й ротой. Не оказалось возле телефона и Газетова. Выясняю обстановку у связиста роты. Из переговоров с ним стало ясно, что гвардейцы сбили боевое охранение, захватили дзоты первой и второй линий обороны врага, но завязли в болоте...

Резкий звонок полкового телефона заставляет меня вздрогнуть. На проводе был Орлов. Он проинформировал меня о положении соседей. Оно оказалось примерно таким же, как и в нашем батальоне. Правда, все же несколько лучше у соседа слева: подразделения 127-й стрелковой бригады продвинулись почти на километр. Орлов сообщил также и о том, что в 9 часов 15 минут по обороне противника будет нанесен удар авиацией.

Я тут же связался с комбатом, доложил ему о разговоре с начальником штаба полка.

— Выйди сам на соседа слева. Узнай, когда он начнет повторную атаку! Организуй также пополнение роты боеприпасами и перемещайся ко мне! — распорядился Степанов.

Выполнив приказания комбата, направляюсь на новый НП. Хотя напряжение боя спало, отдельные пулеметные очереди все еще разрывают тишину леса, пули секут ветви деревьев. Последние метры пришлось преодолевать по-пластунски. До переднего края оставалось всего ничего.

Наконец вполз в блиндаж. Степанов как раз разговаривал с командиром полка.

— Докладываю, товарищ Первый! Перед батальоном сейчас не отдельные дзоты и блиндажи, а целая крепостная стена с амбразурами через каждые семь-десять метров... Так точно... Чистяковцы работают, но я считаю, что этого недостаточно. Необходимо подключить два «инструмента» от Парасочки. Прошу вашего разрешения.

— Слушаюсь, использовать удар нашей авиации...

Ни на кого не глядя, комбат достал из кармана расшитый кисет — подарок шефов из Перми, — свернул «козью ножку», прикурил от трофейной зажигалки, несколько раз глубоко затянулся. Развернул на коленях топографическую карту.

— Александр Иванович, — обратился наконец комбат к командиру батареи 76-миллиметровых полковых пу-

шек, — ваша задача — проделать брешь перед взводом первой роты, вот здесь... — Конец тонко отточенного карандаша остановился на синей линии болота.

— Понял, Иван Петрович. — Голос у Чистякова ровный, спокойный. — Обе пушки подтянем...

— А вам, Иван Зиновьевич, — поворачивается Степанов к Парасочке, — предстоит пробить брешь перед второй ротой. Для этого надо будет, очевидно, выдвинуть на прямую наводку тоже пару пушек.

— Постараемся! Правда, подтянуть орудия будет трудновато. Уж больно хорошая видимость с фрицевской стороны. Прямо как на ладони...

— Знаю, знаю об этом, — соглашается с Парасочкой Степанов. — Надо что-то придумать, к примеру, дымзавесу поставить. Что вы на это скажете?

— Было бы здорово, — обрадовался артиллерист.

— Есть у нас дымовые средства? — спросил Степанов у меня.

— Да, и дымовые шашки, и гранаты.

— Вот и организуйте дымзавесу минут на пятнадцать-двадцать. Достаточно будет, Иван Зиновьевич?

— Вполне!

— Так и сделаем! Ну, а минометчикам задача прежняя: в ходе артиллерийского налета подавить выявленные огневые точки врага, прежде всего в отдельных дзотах. В наступлении действовать по указаниям командиров стрелковых рот.

— Задача понятна, — произнес гвардии лейтенант Александров.

— Атака назначается на девять часов двадцать пять минут...

Время перевалило за девять. Вскоре послышался гул самолетов. Группа краснозвездных «илов» пересекла передний край и с бреющего полета из пушек и пулеметов, «эрэсами», начала бить по избранным целям вражеской обороны. Заухали бомбы.

Из батареи Чистякова на прямую наводку был поставлен взвод 76-миллиметровых пушек гвардии лейтенанта Шепелева — опытного командира, мастера ведения огня этим способом. Наибольшего успеха достиг расчет орудия из огневого взвода гвардии младшего лейтенанта П. М. Колычева, которым командовал гвардии сержант Василенко. С первого выстрела был уничтожен вражеский пулемет. Теперь расчет продолжал крошить насыпь. От частых раз-

рывов снарядов ее заволокло дымом, и артиллеристам стало трудно вести прицельный огонь. Этим воспользовались вражеские пулеметчики. Разрывные пули заокали по щиту орудия. Упал подносчик гвардии красноармеец Кокунов. Пушка на минуту умолкла.

— Что растерялись? Леонтьев, заменить Кокунова! — командует Шепелев.

— Товарищ лейтенант, разрешите пару снарядов по фланкирующему пулемету? — просит Василенко у своего командира.

— Отставить! Выполняйте основную задачу!

Однако вражеский пулемет успел заметить командир минометного расчета гвардии старший сержант Пономаренко из приданной батальону минометной роты. По его команде и была подавлена эта огневая точка. Артиллеристы снова заработали в полную силу.

— Наводи под основание! Двумя снарядами — огонь! — командует Шепелев обоим расчетам.

Наступило время атаки. Пехота поднялась дружно. Стрелковые взвода гвардии лейтенанта Хлона и гвардии младшего лейтенанта Филимонова устремились в брешь, проделанную артиллеристами Шепелева. На них обрушился сильный огонь гитлеровцев. Появились убитые и раненые. Бойцы залегли. Но пехотинцам опять помог Шепелев.

Ударом артиллерии воспользовалось отделение гвардии старшего сержанта Ванеева. Пять карабинов и три автомата заработали почти одновременно. Отделение начало продвигаться вперед.

Двух гитлеровцев Ванеев сразил лично, еще около десятка — его подчиненные. Когда же был ранен Хлон, Ванеев взял командование взводом на себя.

На участке 1-й роты фашисты перешли в контратаку. Бойцы Ипатова вновь залегли.

Приказав Парасочке огнем артиллерии накрыть противника, Степанов взял автомат и побежал вперед. За ним последовал и помощник начальника штаба полка по оперативной части гвардии капитан Фомичев. Вскоре им удалось поднять бойцов. Но не успела цепь пробежать и ста метров, как был смертельно ранен Фомичев. Получил касательное ранение и Степанов. Атака опять застопорилась.

До исхода дня под руководством Степанова было отражено еще три сильных натиска гитлеровцев, уничто-

жено более трех десятков вражеских солдат и офицеров. Но и роты несли потери. Развить наступление у них уже не было сил. Не добились существенных успехов и соседи. С наступлением темноты бой постепенно затих.

5

Выхожу из блиндажа и сразу же оказываюсь в непроглядной тьме. Чтобы привыкнуть к ней, решаю немного постоять. Накрапывает мелкий дождик, навевая лирическое настроение. Вдруг почти рядом раздается хрипловатый голос:

— Товарищ командир, разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — говорю, еще не видя человека.

Из ночного мрака вынырнул высокий, широкоплечий боец.

— Товарищ лейтенант, прикажите вернуть мне мои сапоги, поясной ремень, пилотку, автомат и противогаз.

Всмотревшись, увидел, что боец действительно выглядит, мягко говоря, странно.

— А кто вы такой?

— Гвардии рядовой Мокров из хоззвода первого артиллерийского дивизиона.

— И кто же у вас, рядовой Мокров, отнял оружие и снаряжение?

— Не знаю.

Я сначала опешил. Однако из дальнейших расспросов выяснилось, что с парнем произошел исключительно редкий, почти невероятный случай.

...Утром старшина хоззвода из дивизиона Парасочки приказал Мокрову доставить завтрак связистам и разведчикам, находившимся с командиром на наблюдательном пункте 2-го батальона. Солдат попал под обстрел. Ударной волной от одного из снарядов его отбросило метров на пять в кусты. Мокров потерял сознание. В суматохе его не заметили, а с началом наступления и вовсе забыли, считая, что он возвратился в свое подразделение. Так весь день Мокров и пролежал в кустах. Его подобрала похоронная команда, приняв за погибшего. Раздела, вынесла на тропу. Начавшийся дождь привел Мокрова в чувство. И вот он передо мной. Пришлось найти и вернуть родившемуся в рубашке все его имущество. На войне всякое случается...

Уладив все дела с незадачливым артиллеристом, пошел в стрелковые роты.

Ипатова нашел в добротном блиндаже, захваченном днем у гитлеровцев. Его успели уже переоборудовать: вместо двери сделали амбразуру, в противоположной стороне — лаз.

— Хорошее убежище досталось вам для наблюдательного пункта. Только вот, говорят, гитлеровцы свои блиндажи обозначают на картах и, когда они оказываются в руках противника, разрушают прицельным огнем.

— Слышал я об этом. Да только прецедентов не было, — уверенно ответил мне командир роты. — Вон сколько их мы отбили у фашистов в прошлых боях! И все они стоят целехонькие.

Уточнив численный состав 1-й роты, рубеж, которого она достигла в ходе боя, и расстановку огневых средств, я направился в роту Газетова. Ипатов выделил мне бойца, знающего дорогу. Несмотря на то что связной не раз проходил по этому пути днем, сейчас, ночью, мы шли, как говорится, на ощупь. Впрочем, до НП добрались благополучно, если не считать нескольких падений в воронки, наполненные водой. В некоторых из них плавали трупы гитлеровцев.

Изучая схему обороны роты Газетова, сразу же отметил для себя, что боевых стыков и оружия здесь значительно меньше, чем в 1-й роте. Фронт же обороны был примерно одинаков. Такое положение вызывало беспокойство.

— Есть ли у вас локтевая связь с соседом слева и чем прикрывается стык с ним?

— Локтевой связи нет, а фланг прикрывается огнем станкового пулемета.

«Жидковато», — подумалось мне. Решил лично изучить левый фланг батальона. Сопровождал меня сам комроты. Газетов вел уверенно. Чувствовалось: он хорошо знает свой район обороны. Мы быстро преодолели заболоченную низину и выбрались на твердую почву. Газетов показал мне передний край. Он проходил в 40—50 метрах от нас.

— Вон там заканчивается сплошной деревоземляной вал, — показывая в сторону противника, сказал командир роты. — Далее идет возвышенность, где у фрицев открыты траншеи. Это как раз середина района обороны роты. Перед насыпью сейчас находится первый взвод, а второй в количестве одиннадцати человек с двумя пулеметами, ручным и станковым из пульроты батальона, — перед тран-

Командир 2-й стрелковой
роты гвардии младший лей-
тенант Н. А. Газетов

шеями врага. Эти силы и прикрывают левый фланг батальона.

— Далеко ли отсюда правый фланг соседа слева?

— Предполагаю, что в ста пятидесяти-двухстах метрах влево и несколько впереди. Выслал на связь разведку. Как только она возвратится — доложу.

— Да, направление ваше опасное...

Мы прошли дальше. Вскоре оказались у пулемета. Огневая позиция располагалась небольшим уступом, была хорошо замаскирована.

— Как гитлеровцы себя ведут? — спросил я у командира расчета.

— Непосредственно перед фронтом тихо. Видимо, отдыхают после дневной встряски, — ответил сержант. — А вот метрах в стах левее — дежурный пулемет. Из него периодически постреливают. Там и ракеты бросают, а здесь молчат.

— Достаточно ли имеете боеприпасов?

— Старшина роты подбросил целый комплект. С этим делом — полный порядок.

Бодрые ответы пулеметчика несколько успокоили меня. Если враг прочесывает перед собой местность и освещает ее ракетами, то он, по опыту известно, сам побаивается тебя и активных действий предпринимать не будет. Однако было ясно и то, что надо изыскивать силы и средства для укрепления левого фланга. В противном случае, если с утра фашист вздумает перейти в контрнаступление, роте придется туго.

Было уже около полуночи. Отдав от имени комбата приказание Газетову усилить наблюдение и бдительность на стыке с соседом слева, я поспешил на КНП батальона.

Однако не успел пройти и 50 метров, как справа от меня молния трассирующих пуль прошла темноту. От неожиданности бросился в сторону. Пробежав несколько метров, упал. Руки коснулись чего-то мягкого. Присмотр-

ревшись, увидел, что это труп фашиста со срезанным, очевидно осколком снаряда, затылком. Гитлеровец лежал вниз лицом, уткнувшись в бруствер окопа. Я вскочил и вновь чуть было не упал. Нога за что-то задела. Этим «что-то» оказалась металлическая цепь, один конец которой был прибит к дереву, а другой прикреплен к ноге фашиста. Смертник!

Захватив в качестве трофея пулемет, я двинулся дальше. Прибыв на КНП, доложил Степанову и Беляеву сложившуюся обстановку. Было принято решение еще до наступления рассвета усилить левый фланг батальона, переместив туда большую часть 2-й роты.

О положении на переднем крае батальона был поставлен в известность и начальник штаба полка. Орлов сообщил, что связь с соседом слева установлена, а на стык с ним, кроме роты ПТР, выслана группа из взвода пешей разведки полка.

6

К 3 часам утра 11 августа был получен приказ о возобновлении наступления с прежней задачей. А в 8 часов артиллерия вновь обрушила на врага всю мощь своего огня. Больше часа продолжалась артподготовка. Не одна тысяча снарядов была выпущена в сторону противника. Но как только гвардейцы поднимались в атаку, немцы открывали губительный пулеметный и минометный огонь. Уничтожить их огневые точки, укрытые в прочных инженерных сооружениях, было очень трудно.

Тем не менее за два дня боевых действий воины нашего 89-го гвардейского стрелкового полка во взаимодействии с артиллеристами и минометчиками захватили около двадцати дзотов и девять отдельных пулеметных точек, подавили три минометные батареи (одну из них — шестиствольную), взяли значительные трофеи, уничтожили более семидесяти вражеских солдат и офицеров. Добрая треть этих дел пришлось на долю батальона Степанова и поддерживающих его подразделений.

Наступательные бои продолжались еще два дня. Четверо суток люди были без сна и отдыха, а враг бросал в схватку все новые и новые подразделения. Кроме того, 13 и 14 августа боевые порядки и командные пункты подверглись сильным ударам вражеской авиации. Временами казалось: этому аду не будет конца.

Поступил приказ перейти к проведению малых операций. Учитывая малочисленность подразделений, старшее командование предполагало для «прогрызания» обороны противника использовать специально созданные штурмовые группы.

89-му гвардейскому стрелковому полку ввиду большого некомплекта в личном составе необходимо было создать одну такую группу. Ее состав: два отделения автоматчиков, два расчета ручных пулеметов, два отделения саперов с инженерным имуществом (два миноискателя, ножницы для резания проволочного заграждения, комплект ВВ, дымовых шашек и гранат), отделение ампулометчиков. Всего 30 человек. Командиром группы был назначен бывший командир роты гвардии лейтенант Гагаринский, его заместителем — специалист-химик гвардии младший лейтенант Селивестров.

— Ну и силища! — хмыкнул Чегринец. — Такими «зубами» рамушевский перешеек мы не перегрызем до нового всемирного потопа...

— Не спеши, не спеши, Михаил Самуилович, — одернул Чегринца Степанов. — Не все так просто, как кажется.

— И что же здесь такого непростого?

— А вот что! Действиям штурмовых групп будут предшествовать сильный артиллерийский налет, огонь из стрелкового оружия по всему переднему краю. Противник, приняв все это за продолжение общего наступления, вынужден будет держать на перешейке крупные силы, которые мог бы использовать на других направлениях. Мы же эти силы будем перемалывать не в открытом бою, как это было раньше, а огнем артиллерии и минометов. Если же вражина не окажет сопротивления, а снимет свои войска с нашего направления, то не исключено, что для перехвата перешейка окажется достаточно и тех возможностей, которые мы имеем.

— Ну, а какова же роль нашего батальона? Штурмовая группа-то — полковая единица!

— Сказано в приказе и о нашей задаче. Полковая группа на фронте обороны нашего батальона начнет действовать 21 августа. Мы должны в подготовительный период определить объект атаки и уничтожить систему огня противника в этом районе; помочь артиллеристам и минометчикам засечь вражеские огневые точки, расчистить

секторы обстрела для орудий прямой наводки; отрыть дополнительные траншеи и ходы сообщения, а где нужно — создать маскирующие завалы. В период действий штурмовой группы необходимо поддержать ее огнем стрелкового оружия, быть готовыми к закреплению захваченного объекта. В случае успеха — перейти в наступление всеми имеющимися силами.

8

В 10 часов 30 минут 21 августа приильменские леса наполнились сплошным гулом. Артиллерия и минометы били по всей глубине вражеской обороны. Орудия, поставленные на прямую наводку, разрушали избранный для атаки дзот. Саперы проделывали проходы в минных полях противника, в его проволочном заграждении, ампулометчики поджигали блиндаж, химики готовились к постановке дымовой завесы. В последние минуты артиллерийской подготовки включились в работу пулеметчики и стрелки.

Бойцы штурмовых групп пошли в атаку. Успех сопутствовал им. Вражеский дзот, находившийся на левом фланге, был взят с ходу. Опомнившись, гитлеровцы контратакой попытались вернуть его. Однако, понеся потери, отступили. С наступлением ночи 2-я рота прочно закрепилась на отвоеванной у врага местности.

Бой показал, что активные действия штурмовых групп себя оправдали. На участке батальона был захвачен важный в тактическом отношении пункт, обеспечивающий хорошее наблюдение за дорогой Васильевщина — Бяково и важными объектами в глубине обороны противника.

Подобные действия были проведены и 24 августа. Наиболее значительных успехов добился соседний, 92-й гвардейский стрелковый полк. Его воины отбили у гитлеровцев восемь дзотов, два блиндажа, захватили много оружия.

Однако так продолжалось недолго. Враг изучил тактику действий штурмовых групп: во время артиллерийского налета пехоту стал укрывать в подготовленные «лисы норы», а перед передним краем заранее готовить сильный отсечный огонь.

Командование дивизии тоже начало хитрить. К примеру, в ночь на 29 августа под шум артиллерийской канонады, усиленный специальными звуковыми установками, воины штурмовых групп вплотную подобрались к объекту атаки, затаились. К рассвету огонь артиллерии прекра-

тился, из чего противник заключил, что ему удалось сорвать ночное наступление. Через час, однако, артиллерийский налет повторился. Вслед за ним штурмовые группы стремительной атакой захватили все намеченные объекты, причем с минимальными потерями. Так и действовали воины полка и всей дивизии до конца августа — начала сентября, поддерживая активность обороны.

В начале сентября 2-й и 3-й батальоны 89-го гвардейского стрелкового полка ввиду их малочисленности были объединены в один батальон, который стал именоваться 1-м. Командиром его был назначен гвардии капитан Иван Емельянович Маслюков, прибывший с курсов переподготовки. Батальон Степанова стал 2-м.

9

Тропа, по которой ранним погожим утром я шел на передний край, была наиболее безопасной. Вражеский пулеметный огонь здесь не страшен. На фронте такие стежки прокладываются, как правило, ночью, когда по полету трассирующих пуль, выплескиваемых «машинговерами», можно определить так называемые мертвые, или не простреливаемые, зоны. Вдруг на повороте, между двух сосен-красавиц, увидел лежащего вниз лицом прямо на тропе солдата с термосом за плечами. Около него темнела лужица крови. «Снайпер поработал, — мелькнуло в голове. — Так можно и самому угодить в оптический прицел фашиста». Я бросился с тропы в сторону. До наблюдательного пункта роты добирался с большой осторожностью.

— Это ваши остались без завтрака? — был мой первый вопрос Газетову.

— Нет, у нас завтрак прошел нормально, — ответил командир роты. — А что, жалобы на питание поступили?

— Нет, я не о том... По дороге к вам наткнулся на убитого бойца с термосом.

Позвонили Ипатову. Погибший оказался из его роты.

— Да, вражеские снайперы на фронте все равно что моль в квартире, — сказал Газетов. — Сама не улетит, выводить надо. Как говорится, клин клином вышибают.

— Правильно говоришь, Газетов. Давай вместе и поразмыслим над этим. Есть у вас в роте хорошие, меткие стрелки?

— Есть, конечно!

— Тогда поручите двум-трем бойцам уничтожить этого фашиста, а то он доставит нам массу неприятностей.

Газетов запустил пятерню в свои русые волосы, потер виски ладонями, потом сказал:

— Организуем... Только есть одна загвоздка: одного снимем — другой появится. Надо снайперское дело нам поставить на солидную основу. А для этого уметь хорошо стрелять маловато. Надо, чтобы снайпер отлично знал свое оружие, баллистику, умел выбирать и маскировать позицию, распознавать повадки врага и многое другое.

— Одним словом, нужны снайперские курсы?

— А почему бы и не открыть их? К примеру, человек на десять?

— Хорошая идея! — Я с интересом посмотрел на Газетова. — Откуда знаешь снайперское дело?

Он улыбнулся.

— Я ведь до войны, как и многие юноши, был ворошиловским стрелком, занимался в Осоавиахиме. Затем изучал снайперскую науку на фронтовых курсах усовершенствования комсостава.

О появлении на участке батальона вражеских снайперов было доложено Степанову и Беляеву. Спустя некоторое время во всей дивизии развернулось движение сверхметких стрелков. В полку была создана команда снайперов во главе с гвардии младшим лейтенантом Н. А. Газетовым. Ее укомплектовали добровольцами. Их набралось порядочно, но зачислялись лучшие из лучших.

— Из оставшихся добровольцев создайте батальонную группу, — приказал мне Степанов.

— Хорошо, Иван Петрович. Люди-то есть, но им нужен командир.

— Поговорите с командиром отделения, который снял недавно гитлеровца. Того, охотившегося на нашей дороге. Он, кажется, смысленный парень.

И вот гвардии сержант Фоменко на командно-наблюдательном пункте батальона.

— Командиром снайперской группы собираемся вас утвердить, товарищ сержант, — сказал я.

Фоменко откашлялся, начал говорить, заметно растягивая слова:

— Снайперское дело, товарищ гвардии лейтенант, конечно, интересное, и я его люблю. Только вот времени будет маловато на обучение и тренировку. У меня же стрелковое отделение.

— Все это поправимо. Назначим нового командира отделения.

— Коли так, я согласен!

— Вот и лады. А с работой вы справитесь! Я в этом уверен! Вот как быстро того фрица угрохали!

— Двое суток за ним охотились. Хитрый, бестия, попался...

— Как же вам все-таки удалось его перехитрить?

— Сняли-то мы его быстро. Выслеживали долго. Нельзя же было рисковать людьми. Пришлось чучело мастерить, ставить его на специальные салазки и протаскивать между сосен. Ключнул фашист на нашу приманку, обнаружил себя. На разлапистой ели сидел. Потом все было просто...

Занятия с добровольцами начались без промедления. Комиссар батальона политрук Беляев в политотделе дивизии раздобыл наглядные пособия по огневой подготовке: таблицы баллистических характеристик отечественного и трофейного оружия, правила пристрелки оружия, памятки его сбережения. Будущие снайперы учились определять расстояние до цели, пользоваться оптическим прицелом. Они вырабатывали в себе спокойствие и выдержку, сметку, терпение и хитрость. Особое внимание уделялось правильному выбору огневой позиции, тщательной маскировке. Для овладения этим искусством был создан специальный мини-полигон, изготовлены чучела и макеты.

Учебу сочетали с практикой на переднем крае. Здесь каждому снайперу определяли сектор наблюдения, помогали выбрать огневую позицию. Результаты проделанной работы сказались незамедлительно. В первый же день боевой охоты 28 августа было уничтожено три немецких снайпера — их снял сам Фоменко — и около десятка солдат. А за сентябрь снайперы дивизии уничтожили 1240 вражеских солдат и офицеров...

10

Лето 1942 года уступало место осени. На фронте воцарилось временное затишье.

Длительное пребывание на одном месте позволило войнам настолько обжиться на переднем крае, что методические обстрелы вражеской артиллерии и минометов не представляли для них большой опасности. Гвардейцы хорошо изучили участки местности, которые больше всего

подвергались обстрелу. Знали они и режим ведения огня врагом. В опасных местах были установлены дощечки с предупреждающими надписями.

15 сентября во второй половине дня в штабе полка состоялось торжественное собрание, посвященное второй годовщине со дня основания полка и дивизии. Собрались командиры и политработники, сержанты и красноармейцы — делегаты от подразделений.

Позади стола, накрытого красным сукном, колыхались полотнища двух знамен: боевого и шефского. Все находилось в веселом, приподнятом настроении. И это закономерно. Ведь многие друзья встретились здесь после более чем месячной разлуки.

Но вот все расселись. Белоусов, Царакаев, Орлов и другие командиры заняли места в президиуме. Наступила тишина. Торжественное собрание открыл комиссар полка Я. П. Царакаев. С докладом выступил командир гвардии майор И. М. Белоусов.

— Героически сражались в полку и пали смертью храбрых командир полка майор Марочкин, капитан Афанасьев, капитан Фомин, старший политрук Горбунов и многие другие воины. Поклянемся же, товарищи командиры, политработники и красноармейцы, своей честью и совестью отомстить врагу в последующих боях за боевых друзей!..

Белоусов выразил уверенность, что воины 89-го гвардейского стрелкового полка высоко пронесут свои гвардейское и шефское знамена сквозь грядущие бои с захватчиками.

Начальник штаба гвардии капитан Орлов зачитал праздничный приказ по полку. Всему личному составу объявлялась благодарность.

Затем был концерт художественной самодеятельности. Особенно много аплодисментов сорвал молодой боец с копной огненно-рыжих волос, проникновенно продекламировавший поэму Матусовского «Гвардейцы-миссановцы».

Впрочем, иначе, наверное, и быть не могло. Ведь эта поэма про нас, про боевые дела всей славной дивизии, командир которой генерал Миссан недавно возглавил стрелковый корпус.

Обгоревшие печи торчали,
Укрепленья и рвы без конца...
Мы бойца на пути повстречали,
Мы с волнением спросили бойца:

— Кто прошел сквозь бои и тревоги?
На свирепом морозе продрог?
Прорубая пути и дороги
Там, где не было раньше дорог?

Кто прошел через пламя и воду,
Сквозь промозглый морозный туман?
Кто дерется за честь и свободу? —
И боец нам ответил: Миссан!

По большому, как степь, горизонту
Орудийные шли облака.
Мы проехали дальше по фронту
До командного пункта полка.

Там уральские пушки рычали,
И строчил пулемет без конца.
Мы бойца на пути повстречали,
Мы спросили опять у бойца:

— Кто встречает противника лавой,
Сокрушительной силой огня?
Кто отмечен военной славой?
Перед кем отступает броня?

Кто в любую идет непогоду
На ощеренный вражеский стан?
Кто дерется за честь и свободу? —
И боец нам ответил: Миссан!

Не забыть нам леса и поляны
И тревожные ночи Пола,
Как гремели боицы Миссана,
Как сражались гвардейцы-орлы.

И, любые преграды ломая,
Мы на запад с весною пойдем.
Вместе с первыми птицами мая,
Вместе с первым весенним дождем.

Непреклонно, всегда неустанно,
Продвигаясь со склона на склон,
Наступайте, бойцы Миссана,
Под сиянье гвардейских знамен!

...Долго еще не утихали веселье, смех, шутки, песни под баян. На командный пункт мы со Степановым и Беляевым вернулись лишь поздно вечером. Чегринiec доложил об обстановке на переднем крае. Она оставалась спокойной. Повар приготовил праздничный ужин. За стол сели вчетвером. Поговорили о делах, вспомнили тех, кого уже нет в живых.

Через три дня пришел приказ о присвоении очередных

воинских званий. Я получил третий кубарек, а еще спустя два дня убыл из батальона на курсы усовершенствования состава.

Боевые друзья взяли с меня клятву: после учебы обязательно вернуться в родной полк. Да и как же иначе? Ведь здесь я получил свое боевое крещение.

Глава VI

НА УЧЕБУ В ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

1

В ночь, когда я прибыл в Вышний Волочек, бушевал ураган. Под окнами приземистого здания, в котором мы, будущие курсанты, разместились на отдых, скрипели, стонали деревья.

Под утро сильный порыв ветра стеганул опавшими листьями по окнам казармы, разбудив некоторых ее обитателей. Я перевернулся на спину. Подложив руки под голову, стал смотреть в темный проем ближайшего окна. Каков он, этот старинный город Вышний Волочек, где мне предстояло учиться на курсах? Из памяти всплывало: Вышний Волочек вырос на небольшой возвышенности — волоке, соединявшем реку Мсту, вливавшую свои воды в Ильмень-озеро, с рекой Тверцой, впадающей в Волгу. Эти реки в далеком прошлом служили удобным путем сообщения Севера с Югом и Юго-Востоком...

Громкий выкрик дневального: «Подъем!» — прервал мои размышления. Побегав вместо физзарядки по двору, мы скопом окружили длинное жестяное корыто. Поочередно стали нажимать на медные рукомошные краны. Наполнив пригоршни ледяной водой, с громким фырканием оплескивали ею лица. Наиболее закаленные обливались, а затем растирались полотенцем. Особенно ловко это делал мой сосед по койке Куприян Кудрявцев — высокий, широкоплечий сибиряк.

После этого ватага курсантов двинулась в столовую. На завтрак были пшенная каша, галеты, чай. Разноголосоца быстро утихла, все принялись дружно опустошать тарелки. Но вот послышалась команда дежурного по столовой:

— Суши ложки, выходи строиться!

— Дежурный-то наш, видимо, из моряков, — сделал вывод Петр Мироненко, уроженец Сумской области, второй мой сосед.

Путь до массивного здания, похожего на складское помещение, куда двинулась колонна, оказался недолгим. Не успел кто-то из марширующих выкрикнуть: «Запевай!», — как раздалась команда: «Стой! Справа по два в помещение марш!»

Сняв головные уборы, мы вошли в обширный зал, уселись на скамейки. Вскоре появились три командира. Один из них, не садясь, размеренно заговорил:

— Вы, товарищи командиры, прибыли на курсы усовершенствования командного состава для нужд фронта. Мы имеем хорошую учебную базу: классы тактики, стрелкового оружия и огневой подготовки, инженерного дела, связи, противохимической защиты, стрельбище... Плановые занятия будут продолжаться десять-двенадцать часов в день, плюс три-четыре часа самоподготовки...

После выступления начальника курсов прибывших командиров разделили на группы. Мы с Кудрявцевым и Мироненко попали в одну группу — штабных работников полкового звена.

2

Первые недели изучали новейшие образцы стрелкового оружия, артиллерийские системы, танки, табельные инженерные средства, средства связи и противохимической защиты.

Занятия начинались рано утром и заканчивались поздно вечером. Даже часть времени, отпущенного на сон, особенно перед зачетами, уходила на заучивание тактико-технических данных различного оружия.

— Какова скорострельность ППШ? — шепотом спрашивал Петр Мироненко.

— Тысяча сто выстрелов в минуту!

— А какова дальность прямого выстрела противотанкового ружья Симонова и в чем его отличие от противотанкового ружья Дегтярева?

— Да уgomонитесь же! — не выдержал я. — Отбой уже давно! Лучше положите свои тетради под подушку. За ночь все тактико-технические данные и переползут в ваши головы...

Но вот зачеты по вооружению сданы. В субботний вечер, когда мы с Петром Мироненко из учебной аудитории собирались идти в казарму, к нам подошел Куприян Кудрявцев.

— Друзья! Завтра, в воскресенье, будет выходной день, и нам разрешат выйти за ворота!

— Вот это здорово! Куда же двинем? В театр, может быть? — высказал я свое предположение.

— Трудно сказать, есть ли он в этом городишке, — засомневался Мироненко. — А вот базар наверняка имеется. Предлагаю туда и нагряться!

— Что мы там будем делать?

— Как что? Молочка попьем, на молодич посмотрим...

— Не будем, друзья, спорить, — заключил Кудрявцев. — Рынок так рынок... Утро вечера мудренее, как говорили в старину.

3

Ясное утро бодрило легким морозцем. Из проходной военного городка мы вышли начищенными, отутюженными, подтянутыми.

К рынку вела неширокая улица. Ее обступали двух-трехэтажные здания, видимо, промышленного назначения, сверху донизу вымазанные черно-серой краской, с окнами, заклеенными крест-накрест полосами газетной бумаги, а также деревянные домики, с обшарпанными, сикось-накось наклонившимися заборами, сброшенными с петель дверями. От увиденного больно сжималось сердце.

Рынок, вопреки ожиданиям, кишел народом. У коновязи стояло несколько крестьянских подвод. На дощатых столах под покосившимися навесами торговых рядов были разложены овощи, различная зелень.

Мы с Куприяном послушно шагали за Петром. Вскоре он заметил закутанную в поношенную шаль тетку, бойко разливавшую молоко. Мироненко ускорил шаг. Не успели мы оглянуться, как Петр уже стоял в очереди.

— Пропустите, бабоньки, этого молодца. Разве не видите: фронтовичок соскучился по парному молочку, — подала голос молодая разбитная женщина, бросив на Петра лукавый взгляд.

— Подождет! — возразила ей другая. — Поди, не малые дети на печи сидят у него.

— Не о молочке он соскучился, а об удалой молочни-

це, — добавила дородная красавица, громко засмеявшись. Пропустив все эти колкости мимо ушей, Петр опрокинул в рот содержимое стакана, расплатился, повернулся к кхотунье.

— Не мешало бы посмотреть и на молочницу. Да ведь не знаю, где они водятся...

— Так уж и не знаешь! Приходи в клуб нашей фабрики вечером. Молочниц, может, и не найдешь, а молодлиц — сколько угодно!

Вдоволь посмеялись мы над курсантским донжуаном.

4

В двадцатых числах ноября 1942 года весь мир с напряжением следил за тем, что происходило на берегах Волги. И мы, курсанты-фронтовики, тоже отлично понимали, что исход войны в большой степени зависит от результатов битвы под Сталинградом. Об этом говорили и утром до занятий, и в перерывах между ними, и вечером в часы самоподготовки, и перед сном. Сводки Совинформбюро слушали жадно, с тревогой и надеждой. Огромную радость доставило нам сообщение о том, что 23 ноября войска Юго-Западного фронта в районе Советской соединились с войсками Сталинградского фронта и тем самым замкнули кольцо окружения вокруг 330-тысячной армии Паулюса.

Вскоре стало известно о переходе в наступление войск Калининского и Западного фронтов. В конце ноября с новой силой развернулись бои с целью уничтожения демянской группировки противника. Доходившие до нас сведения из-под Старой Руссы были не очень утешительными. Однако радовало то, что и на Северо-Западном фронте имеются силы для активных действий. Мы понимали, что это только начало, что враг еще силен, впереди будет еще много боев.

...Шли дни. Наступил новый, 1943 год. Программа обучения завершилась контрольными полевыми занятиями.

5

Выпуск состоялся в первой половине января. Не было традиционных длинных речей: объявили только итоги. За высокие показатели в учебе и успешное окончание курсов многим выпускникам было присвоено очередное воинское

звание. Мы с Мироненко стали капитанами, Кудрявцев — майором.

Затем вручались правительственные награды тем, кто по какой-то причине не успел получить их в своей части. В заключение состоялся небольшой концерт художественной самодеятельности.

На следующий день я прощался со своими друзьями Кудрявцевым и Мироненко. Выпускники разъезжались по частям, из которых они прибыли на курсы. Фронтовые дороги больше не свели нас вместе.

Глава VII

ЛЮТОЙ ЗИМОЙ

1

Полуторка прошла по заснеженной дороге несколько километров, поднялась на небольшой пригорок, остановилась. Сидевший в кузове старшина легко выпрыгнул на обочину, показал рукой на простиравшийся впереди овраг.

— Там вон штаб вашего полка и найдете!

Через несколько минут я уже входил в расположение командного пункта 89-го гвардейского стрелкового полка. А еще чуть погода стоял перед начальником штаба.

Накрывшись полушубком и плащ-палаткой, Орлов лежал на нешироком топчане, устроенном у боковой стены блиндажа.

— А, «академик» возвратился! Здравствуй, дорогой, здравствуй!

— Здравия желаю, товарищ гвардии майор! Гвардии капитан Вязанкин прибыл для прохождения дальнейшей службы на должность вашего помощника по оперативной части!

Я хотел было пожать Орлову руку, но он остановил меня.

— Нет, нет, не подходи! Гриппую, брат, гриппую. Присаживайся вон на тот стульчик.

Я сел.

— Капитана Павлова отзывают на учебу, — начал Орлов, — вот мы и попросили кадровиков назначить тебя на это место.

Командир 28-й гвардейской дивизии гвардии генерал-майор
Г. И. Чурмаев вместе с комкором Кузнецовым на команд-
ном пункте

— Большое спасибо вам, Константин Алексеевич, за доверие.

— Ладно, ладно! Мы знаем тебя и уверены, что ты с этой работой справишься. Ну, а теперь докладывай: как постигал «науку побеждать», что нового в тылах?

Я рассказал Орлову о курсах. В свою очередь узнал от начштаба о действиях полка за последние четыре месяца.

...В ноябре полк получил значительное пополнение в личном составе и боевой технике, что позволило доукомплектовать его подразделения. В ночь на 13 декабря он сдал свой участок обороны под Васильевщиной 87-й отдельной стрелковой бригаде и к утру следующего дня вместе с другими частями 28-й гвардейской дивизии сосредоточился в районе станции Беглово.

23 декабря 11-я армия вновь перешла в наступление с целью ликвидации рамушевского коридора. 28-я гвардейская стрелковая дивизия действовала на направлении главного удара армии. Находясь в первом эшелоне, гвардейцы 89-го полка прорвали вражескую оборону, продвинулись на глубину до 4 километров и овладели опорным

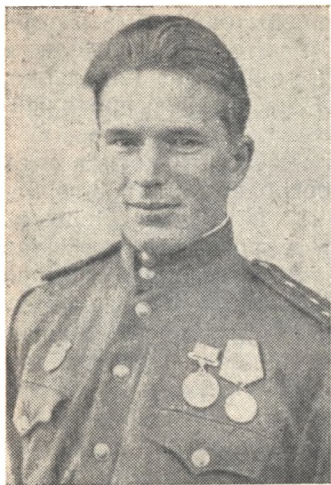
пунктом Обжино. Врагу были нанесены ощутимые потери в живой силе и боевой технике. Значительно поредели и ряды гвардейцев. В полку осталось только два батальона, которые занимали теперь оборону на фронте протяженностью 6 километров.

Гибли солдаты, гибли командиры. Смерть косила всех подряд, без разбора. 24 декабря погиб командир 3-го батальона гвардии капитан Михаил Исакович Федерко. Получил ранение и командир 2-го гвардии капитан Иван Петрович Степанов. Его место занял гвардии старший лейтенант Чегринцев. Но недолго Михаилу Самуиловичу довелось хозяйничать в батальоне. 28 декабря на участке одной из рот создалась тяжелая обстановка. Чегринцев сам повел гвардейцев в бой и был сражен вражеской миной. Пали геройской смертью замполит 1-го батальона Иван Петрович Латунин, заместитель командира по политической части полковой батареи 76-миллиметровых пушек Николай Андреевич Макейчик. В этих же боях были ранены замполит 2-го батальона Алексей Николаевич Рубцов, помощник начальника штаба полка по разведке Иван Никифорович Шикун, начальник артиллерии полка Николай Николаевич Шинкаренко, военфельдшер Оксана Петухова...

Произошли изменения и в руководстве полком. Бывший его командир гвардии майор И. М. Белоусов получил повышение. На его место был назначен гвардии подполковник Михаил Васильевич Козлов, быстро завоевавший симпатии личного состава. За требовательное, но справедливое отношение к людям и черную бороду, которую он носил, бойцы заслуженно называли его батей. Впрочем, возглавлял он полк непродолжительное время. В бою под Обжино получил тяжелое ранение. С начала января в командование полком вступил гвардии подполковник Павел Иванович Воробьев, грамотный, как о нем говорили, офицер и большой души человек.

Не оказалось теперь в полку и Царакаева. На его место прибыл гвардии майор Александр Дмитриевич Синягин. Заместителем командира полка по строевой части был назначен бывший командир 1-го батальона гвардии капитан Иван Емельянович Маслюков, а помощником по тылу стал гвардии капитан Петр Васильевич Спиров...

Разговор утомил Орлова. Приподнявшись на локте, он по телефону доложил командиру полка о моем прибытии. Затем поговорил еще с кем-то и, кладя трубку, сказал:

Начальник связи полка
В. С. Знаменский

— Сейчас придет помощник по оперативной части капитан Павлов. Он и проводит тебя к командиру.

Вскоре в блиндаж вошел среднего роста, крепко сбитый, краснолицый капитан.

— Знакомьтесь! — сказал Орлов, когда Павлов доложил ему о своем прибытии.

Мы обменялись рукопожатием.

— Ну, а теперь, Петр Павлович, покажите Вязанкину его жилье и идите к командиру. Уже время!

Оставив вещмешок в землянке полкового разведчика гвардии старшего лейтенанта Манцевича, назначенного на эту должность после ранения Шкунова, мы с Павловым

пошли к командиру полка.

Павел Иванович Воробьев предложил нам сесть. Мне пришлось повторить то, что я уже рассказывал о курсах Орлову.

— Вот и хорошо! — внимательно выслушав меня, сказал командир полка. — Принимайте дела у Павлова. Поскольку Орлов болен, беритесь за работу энергичнее. Дел же у нас много. В полку недавно работала дивизионная комиссия — проверяла состояние обороны и несение боевой службы. Изучите детальнее акт проверки. А с наступлением темноты вместе с Павловым наведаетесь в батальоны. Познакомьтесь, так сказать, лично с обороной. О результатах доложите завтра утром.

Около двух часов пополудни мы возвратились в свой блиндаж. Манцевич уже обедал. Присоединились к нему и мы. Не прошло и четверти часа, как посуда уже была убрана, на столе появилась груда папок с документами. Развернув схему обороны полка и бегло ознакомившись с ней, я стал изучать акт проверки. И только тут до конца осознал все значение слов «беритесь за работу энергичнее», сказанных командиром полка. Неотложных дел, вхо-

дивших в обязанности помощника начальника штаба полка по оперативной части, было непочатый край.

2

До наступления темноты оставалось еще около часа, когда в блиндаж вошел заместитель командира полка гвардии капитан И. Е. Маслюков. Мы с ним знали друг друга еще до моего отъезда на курсы. Иван Емельянович командовал тогда 1-м батальоном. Уроженец Могилевской области, он был кадровым военным (еще перед войной окончил Московское военное училище имени ВЦИК), умевшим располагать людей к себе. Этим и поглянулся мне. Мы по-фронтовому крепко дружили.

Маслюков детально обрисовал мне сложившуюся обстановку. Непрерывные, ожесточенные бои в течение двадцати дней обескровили полк. В пятнадцатых числах января испортилась погода. Разразилась сильная пурга, бушевавшая четыре дня. В это время командование 11-й армии вывело из боя соседнюю дивизию. Ее полосу было приказано занять 28-й гвардейской стрелковой дивизии, а точнее — нашему 89-му полку. Личного состава хватило на прикрытие только отдельных направлений, и то — редкой цепочкой. Кроме того, о смене выводимой из обороны соседней дивизии в полку стало известно только к вечеру. На тщательную рекогносцировку участка обороны времени не оставалось. Поэтому огневые средства, в частности пулеметы, устанавливались там, где стояли пулеметы предшественников. Естественно, огневых средств в сменяемой дивизии было больше, чем в полку. В результате на стыках стрелковых рот и батальонов образовались промежутки в 200—300 метров, не прикрытые огнем. Не успели здесь поставить и минные поля.

— Ознакомлены ли с актом дивизионной проверки командиры подразделений? — уточнил я, когда Маслюков окончил свой рассказ.

— Безусловно! Все они были приглашены на разбор результатов. Кроме того, по окончании работы комиссии командир полка на совещании дал конкретные указания о порядке устранения недостатков. Этой ночью нам с тобой и предстоит проверить их исполнение.

— Я так и понял. Какие будут распоряжения на этот счет? Прикажешь сопровождать тебя?

— Нет, нет. Мы должны посмотреть оборону всего

полка, а это сделать одной группой за ночь трудно. Поэтому разобьемся на две: ты и Павлов пойдете во второй батальон, а я с Манцевичем — в первый. Встречаемся здесь, в блиндаже, за завтраком...

3

Плотно поужинав, мы с Павловым и его ординарец Василий Кузнецов облачились в белые маскхалаты и двинулись в путь. Ночь была темной. По небу плыли плотные свинцовые облака.

Шли молча. Впереди Павлов, за ним я. Цепочку замыкал Кузнецов. Окрик часового: «Стой, кто идет? Пропуск!», — останавливает нас у блиндажа командира батальона.

Навстречу вышел сам комбат — гвардии старший лейтенант Петр Михайлович Татаренко. Рост у него выше среднего, осанка уверенная. Павлов представил меня комбату, объяснил цель нашего посещения. На стол, за которым мы разместились, легла карта с нанесенной схемой обороны батальона.

Наступила непродолжительная пауза. Меня вдруг охватила неожиданная грусть. Это ведь батальон, в котором я воевал, мой родной дом, моя боевая семья, где я вместе с друзьями делил радости и печали, кусок хлеба и постель... И вот спустя немногим более четырех месяцев я вернулся, а от батальона остался один только номер. Командование — все новое. Не велико же «долголетие-долгожитие» командиров батальонного звена!

Неловкое молчание нарушил Татаренко.

— Слышал, что вы, товарищ гвардии капитан, служили в батальоне? — как бы угадав мои невеселые мысли, спросил он.

— Было... Только не осталось здесь никого из моих друзей... Ну да ладно. Перейдем к делу.

Схема обороны батальона состояла из отдельных взводных опорных пунктов, объединенных в ротные. Промежутки между взводами и ротами были прикрыты минными полями, косопримельным огнем пулеметов и отсечным — минометов. Но глубина была небольшой. Ее создавали в основном огневые позиции минометов. В этом не было вины комбата. Фронт обороны батальона значительный, а людей в нем — только половина положенного по штату.

— Петр Михайлович! — обратился я к Татаренко. — Хотелось бы увидеть все на местности. Выделите нам прожегатого.

Вскоре явился адъютант старший батальона гвардии старший лейтенант Федор Иванович Марчук. Комбат дал ему необходимые указания, и мы вышли из блиндажа.

— С какого фланга начнем осмотр? — спросил у меня Марчук.

— Да с любого. Проведите нас по всему переднему краю обороны батальона.

Быстро миновав небольшую рощицу, где располагался КНП батальона, мы вышли на открытую ровную местность. Вскоре у своего блиндажа нас встретил командир 5-й роты гвардии старший лейтенант Пижанов. Он был невысокий, но крепкий, в белом полушубке и в шапке-ушанке.

— Покажите нам передовую, — попросил ротного Павлов.

На фронте стояла относительная тишина. Противник огня не вел, только изредка пускал осветительные ракеты.

По неглубокому ходу сообщения Пижанов вывел проверяющих в первую траншею и остановился. Правее в траншее работало несколько групп солдат. Кирками и ломками они долбили мерзлый грунт. Комья серой земли, перемешанной со снегом, выбрасывали на бруствер. От крайней группы отделился невысокий человек, доложил:

— Второй взвод занимается несением боевой службы и совершенствованием обороны. Командир взвода гвардии лейтенант Копейкин!

— Проведите нас по своему району обороны, — приказал ему Пижанов.

Лейтенант распорядился продолжать работу, а нас пригласил следовать за ним. Подошли к пулемету на правом фланге. Около него стояли сержант и красноармеец.

— Какую имеете задачу? — спросил Павлов.

— Командир расчета гвардии сержант Юшкин! Имеем задачу наблюдать за врагом и уничтожать его: перед передним краем в секторе ориентиров пять и шесть, на стыке с соседом справа — в секторе ориентиров шесть и семь!

— Когда последний раз вели огонь из пулемета? — поинтересовался я.

— Утром, по живым целям. Фрицы, видимо, завтрак подносили...

— Каков результат?
— Не знаем, фрицы скрылись в сторону правее ориентира пять.

— Почему сейчас не ведете огня?

— Целей не видно, да и запрещено. Взвод проводит окопные работы, люди не укрыты. Фашист же на наш пулеметный огонь отвечает минометным...

— Значит, воюем по принципу: «Не тронь меня, и я тебя не трону». Так, что ли?

Сержант не нашелся, что ответить.

— А это оружие зачем у вас? — не унимался я, увидев ручной пулемет, прислоненный к стенке окопа.

— Этот пулемет — запасной. Мы его используем как кочующую огневую точку на стыке с соседом справа.

— Почему на стыке, а не здесь?

— Чтобы не раскрывать систему огня.

— Хорошо! А кто из него стреляет?

— Я! Гвардии красноармеец Гамбаев! — хрипловатым голосом отозвался боец.

— Сможете показать, как это делается?

— Гамбаев! Отойдите метров на пятьдесят вправо и откройте огонь по врагу, — приказал Копейкин.

— Слушаюсь!

Взяв ручной пулемет, красноармеец ушел. Спустя несколько минут вместо ожидаемой очереди раздалось лишь два одиночных выстрела. Вскоре пулеметчик возвратился.

— Что случилось?

— Не стреляет очередью. Опять утыкание патрона. Попытка устранить неисправность — не получилось.

Выявили мы и другие недостатки. Поручив Пижанову навести порядок, направились в 3-ю роту. Командир взвода гвардии младший лейтенант Касымбеков по ходу сообщения провел нас на правую огневую точку. Здесь все было устроено как-то по-другому, более основательно. На огневой позиции станкового пулемета ничего лишнего. «Максим» поставлен на небольшой внутренний земляной выступ, обеспечивающий ведение огня в широком секторе. Возле пулемета прикреплена стрелковая карточка с указанием ориентиров, целей между ними и расстояний до них. Кожух и стальной щит «максима» окрашены в белый цвет, а над самим пулеметом — козырек из плетеного хвороста, запорошенный снегом. С правой стороны в подбруственной нише аккуратно разложены пять или шесть коробок со снаряженными пулеметными лентами, несколь-

ко ручных гранат, бутылок с керосином и смазочной жидкостью, запасной ствол к пулемету и ремонтные инструменты в чехле.

— Кто из вас командир этого пулемета? — обратился я к бойцам расчета.

— Я, гвардии сержант Вакулев! — откозыряв, четко доложил гвардеец, невысокий, однако подвижный и энергичный.

— На позиции у вас, сержант, порядок. Молодцы, гвардейцы! Благодарю за службу!

— Служим Советскому Союзу! — хором ответили бойцы дружного расчета.

— Пулемет работает?

— Так точно!

— Давно вели огонь?

— Вечером пристреливали новый ориентир перед стыком с соседом справа.

— А знаете, где находится пулемет соседа?

— Где-то метрах в стах отсюда...

— Что значит «где-то»?

Вакулев замаялся. Стало понятно, что взаимодействие с соседней ротой налажено не было. Неожиданно передо мной появился неизвестный командир.

— Командир третьей роты гвардии старший лейтенант Полищук, — представился он.

— Откуда узнали, что мы здесь?

— Как откуда? Из взвода сообщили!

— Связь работает?

— Стараемся!

— В обороне у вас надлежащий порядок, товарищ Полищук. За хорошую службу я объявил расчету благодарность. Только вот сержант Вакулев точно не знает, где находится левый фланг соседа справа.

— Как не знает? Должен знать!

— Я тоже считаю, что должен! Вот и позвоните Пижанову. Пусть его левофланговый пулемет произведет короткую очередь.

— Зачем звонить! Найдем другой способ, — ответил Полищук и приказал командиру взвода пустить зеленую ракету в сторону стыка с соседом.

Не прошло и минуты, как с левого фланга соседней роты длинная очередь прошла темноту ночи. Застрекотал и пулемет Вакулева, пронизывая ту же местность перекрестным огнем. Все ожидали ответных выстрелов со сто-

роны противника. Но их не последовало, лишь поднялось в воздух несколько осветительных ракет.

— Ну как, видел теперь, где сидит наш сосед? — спросил Полищук у Вакулева.

— Так точно!

— Вот и взаимодействуй с ним.

— А пулемет у сержанта работает четко, исправно! — сказал я командиру роты.

— Он у нас мастер своего дела. И свой пулемет содержит в образцовом порядке, и другим помогает.

Утром следующего дня мы уже докладывали обо всем увиденном на переднем крае командиру полка Воробьеву.

4

Вскоре в полк поступил приказ о выводе его из обороны. Начались организационные работы, связанные с подготовкой к маршу. Где-то в это время я встретился со своим другом-однокашником Алексеем Лазарчуком. Тот теперь стал старшим лейтенантом, исполнял обязанности командира роты связи полка. Лазарчук сообщил мне невеселую новость: наш общий друг Николай Газетов лежит в медсанбате дивизии. Я поинтересовался, при каких обстоятельствах Газетов получил ранение.

Лазарчук нахмурился, сел, начал рассказывать:

— В декабре прошлого года тут такое, брат, было! Полк перешел в наступление. И в первый же день продвинулся вперед на четыре километра, овладел селением Обжино. Вслед за стрелковыми батальонами потянулись и командные пункты батальона и полка, тыловые подразделения. К вечеру на западной окраине Обжино наступление застопорилось. Командир полка стал готовить ночную атаку. Начало темнеть, а тут, как назло, оборвалась связь с первым батальоном. Газетов выслал на линию связиста. Прошло более часа, а связи все нет. Начальник штаба полка Орлов вызвал меня, отчитал по первое число. Я этот неприятный разговор передал Газетову. А Николай, ты знаешь его, сгоряча приказал сержанту Кулакову и еще одному связисту захватить катушку с кабелем и идти с ним на обрыв.

К этому времени уже совсем стемнело. Вскоре где-то недалеко от НП полка мы услышали пере-

стрелку. Как раз в это время заработал и телефон. Оказалось, что это подключился своим аппаратом Газетов. Он сообщил, что фашисты вырезали большой кусок провода, устроили засаду. Позже выяснилось: группа Газетова укрылась от вражеского огня в воронке. Открыла ответный огонь. Вдруг в воронку упали две гранаты с длинными ручками. Газетов среагировал молниеносно. Одну вышвырнул из ямы, другую успел сильным броском послать обратно к хозяевам. Но граната взорвалась на взлете. Осколком ранило в плечо самого Николая.

Подоспевшая группа связистов помогла уничтожить фашистских разведчиков. С нашей стороны был убит один боец, и еще один, кроме Газетова, ранен.

5

Мороз неожиданно начал спадать. В землянке тоже стало тепло и уютно. За небольшим столом сидел Владимир Манцевич и составлял разведывательное донесение.

Я тоже было собрался засесть за писанину, но в это время меня вызвал к себе начальник штаба Орлов.

Начштаба начал без лишних предисловий:

— Получен приказ: в ночь на двадцать восьмое января, то есть сегодня ночью, полк должен сдать свой участок обороны, совершить непродолжительный марш и сосредоточиться в лесу, в пятистах метрах западнее Зарянки. По опыту можно предположить, что день перехода к новым наступательным боям не за горами...

— Вам, капитан, необходимо заняться вопросами сдачи обороны, — продолжал Орлов. — Маслюков будет возглавлять группу рекогносцировки маршрута и обеспечения марша вплоть до размещения полка на новом месте. В свою группу включите начинжа Рогалевича и своих помощников Ожередова и Кривопола. В группу Маслюкова войдут Манцевич, Матвейчук, начхим Павлов, старший врач Чунихин, старший ветврач Семенов и по одному представителю от батальонов... Вопросы есть?

— Все ясно!

— Раз ясно, действуйте!

С позиций снялись без малейшего шума. Примерно к первому часу ночи подтянулись к исходному пункту, на котором уже находился командир полка.

Идти было нелегко. Снег, начавший сыпать еще с вечера, повалил теперь сплошной стеной.

Но вот позади первые пять километров. Объявляется привал. Уставшие бойцы сразу же падают на мягкий снег. Однако командиры тут же поднимают их на ноги. Иначе нельзя: можно запросто подцепить простуду.

Проходим Кочаново, Круглышево. Часам к трем утра входим в Зарянку. Регулировщик направляет колонну в лес, к месту сосредоточения. Однако проторенной дороги здесь нет. Авангард по снежной целине с трудом втягивается в лес. За ним медленно движется длинная вереница людей и повозок. Наконец рекогносцировочная группа останавливает колонну...

По распоряжению Маслюкова подразделения разводятся по отведенным им местам. Штаб полка размещается в построенных кем-то блиндажах. Видимо, этот лесок был временным пристанищем и для других частей.

Получены сведения из подразделений, составлено, подписано и отправлено в штаб дивизии донесение. Теперь вроде бы самое время и отдохнуть. Но наступил рассвет, а с ним пришли и новые проблемы. Если приказа на наступление еще не поступило, нужно планировать боевую подготовку. А какие здесь возможности для оборудования учебного поля? Надо бы осмотреть район расположения. А мокрый снег продолжал валить как из крупного решета.

Пройдя метров семьсот на север, вышел на относительно большую поляну. С запада она прикрывалась крупным лесом, с востока — мелким кустарником, росшим вдоль дороги Зарядье — Гривка. Вот это, пожалуй, то, что надо! Лучшего места для учебного поля не сыскать!

Возвращаясь в штаб, удивился: вокруг не было никого. Где же отдыхают бойцы? Я переживал первую фронтową зиму, и мне трудно было поверить в то, что в январе можно спать вот так, прямо в снегу. Оказывается, можно. Солдат на выдумки горазд...

Из-под снега, словно по мановению волшебника, стали появляться люди.

Подхожу к двум бойцам, выбравшимся из своего «медвежьего логова». Небольшое углубление в снегу, на дне

лапник, накрытый плащ-палаткой. Это спальня на две-три персоны. Валенки, полушубок или фуфайка, стеганые ватные штаны, шапка-ушанка и одеяло — слоеный «пирог» из плащ-палатки, лапника и рыхлого снега — хорошо сохраняли тепло.

— Как спалось? — спрашиваю у бойцов.

— Отлично, товарищ гвардии капитан!

— Не холодно было?

— Никак нет! Даже теплее и приятнее, чем у тещи на печке: клопы не тревожат, — шутили раздумавшиеся на свежем воздухе воины.

Не успел возвратиться в штаб полка, как меня вызвал начальник.

— Вот, ознакомьтесь! — протянул он распоряжение штаба дивизии.

Полку предписывалось в течение 28 января привести в порядок личный состав и боевую технику, расчистить от снега пути подъезда, построить утепленное жилье. Боевую и политическую подготовку необходимо было начать с утра следующего дня. В приложении перечислялась знакомая мне тематика: материальная часть оружия, рукопашный бой в траншеях, отделение и взвод в наступлении зимой, наступление усиленной роты в лесисто-болотистой местности...

Вернувшись к себе в землянку, сел за планирование боевой подготовки, но зазвонил телефон.

— Только что сообщили из штаба дивизии, — прозвучал в трубке голос Орлова. — Над районом Туганово гитлеровцы подняли аэростат. Просматривают наше расположение. Они обстреливают Тополево, где расположено хозяйство Хрюкина. Есть потери... Срочно мобилизуйте людей штаба и проверьте маскировку. Всем, кто находится на открытой местности, даже если они занимают какие-либо работы, прикажите укрыться в лесу. В общем, наведите надлежащий порядок!

Командир 82-го гвардейского стрелкового полка
М. Г. Васильченко

— Слушаюсь, навести порядок! — произнес я, а сам с досадой подумал: «Не успели уйти с передовой, как сразу и бдительность потеряли. Забыли, что отсюда до врага всего каких-нибудь четыре километра».

Вечером в полк прибыло пополнение из Уральского военного округа. Ночь ушла на его распределение: укомплектовывались подразделения, создавались партийные и комсомольские организации. С утра 29 января началась обычная прифронтовая жизнь, наполненная заботами по подготовке к новым боям.

Наряду с учебой в полку проводилась большая рекогносцировочная работа. Не один десяток километров изъездили и исходили мы по заснеженным полям, глубоким оврагам, лесам и перелескам. За две недели пребывания в резерве было отрекогносцировано пять направлений вероятного ввода в бой полка и дивизии.

Однако в ночь на 15 февраля 2-я гвардейская стрелковая дивизия совершила маневр в район Беглово. Наступать ей пришлось совсем в другом направлении.

7

Я шел из батальонов: проверял их готовность к маршу. Направляясь в штаб полка, размышлял: почему наши полки наступают каждый раз почти на одном и том же месте и незначительными силами, при недостаточной огневой поддержке? Почему не сделать здесь так же, как под Сталинградом? Однако ответа на эти вопросы не находил. Удовлетворялся услышанным от кого-то: Северо-Западный фронт не относится к числу главных, поэтому и не имеет достаточных для успешного наступления сил. Ну что ж! Старшему командованию виднее!

— Добре! — сказал Орлов, когда я доложил ему об организации полевых караулов в батальонах. — А теперь вот что. Поступил приказ: ночью совершить обратный марш и сменить часть сил двадцать шестой стрелковой дивизии на рубеже ручья Объезжа, что в полутора километрах юго-западнее населенного пункта Стрельцы, в готовности наступать в направлении Росино...

— Зачем же нас сюда перебрасывали? — не удержался я от вопроса. — Мы же вчера были в двух часах ходьбы от этого пункта!

— Не задавайте, капитан, глупых вопросов. Не наша с вами забота. Стратегия, брат, дело тонкое! — философски

ответил Орлов. — Кстати, приказано в наступление идти при новых знаках различия — погонах!

8

Закончив все формальности, связанные с выходом на новые позиции, мы с Маслюковым явились к командиру полка. Воробьев, Орлов и Синягин изучали приказ на наступление. Иван Емельянович доложил командиру о проделанной работе. Воробьев, выслушав его, спросил:

— Так, говоришь, нашим предшественникам не удалось полностью вскрыть систему огня противника?

— Да. Вот на схеме, которую они нам передали, значатся только передний край и несколько пулеметов да минометных батарей...

— Чем же они объясняют такую беспомощность своей разведки?

— Тем, что в ходе двух дневных боев им удалось захватить только две траншеи и подобраться к третьей. Но контратаками врага они были отброшены вновь ко второй. А в последнюю ночь гитлеровцы возвели снежный вал, который скрыл глубину обороны, а следовательно, и систему огня...

— Неполное знание противника, конечно, создает для нас известные трудности, — глубоко вздохнув, сказал Воробьев. — Однако задача нам поставлена, приказ есть приказ! Его надлежит выполнять, другого не дано. По сведениям штадива, гитлеровцы выводят свои войска из-под Демянска по рамушевскому коридору. А это значит, что сохранить и удержать его «стены» жизненно необходимо для всей демянской группировки противника. Естественно, враг стремится использовать любую возможность для усиления обороны. Сил же у него для этого предостаточно. Поэтому если бы мы и получили от наших предшественников какие-либо сведения о системе огня гитлеровцев, то они все равно были бы неполными. За прошлую ночь, надо полагать, фашисты еще более укрепили ее... Надо нам самим вести тщательную разведку!

— Баранов со своими людьми уже работает.

— Вот и хорошо. Обстановка подсказывает, — продолжал Воробьев, — что главный удар следует нанести в центре боевого порядка, в направлении высоты с отметкой сорок пять и девять. Это в трех километрах юго-восточнее Росино. В резерв полка выделим шестую роту. На реког-

носцировке посмотрим, как выполнению этого замысла будет способствовать местность. Там же, на месте, определим и боевые задачи батальонам.

И вот командир полка с группой офицеров на наблюдательном пункте 1-го батальона. Высота с отметкой 45,9 — как на ладони. До нее не более километра. В 200 метрах от высоты вьется едва заметная сероватая стежка. Это и есть передний край вражеской обороны. А за ним, на самом гребне возвышенности, снежный вал, скрывающий деревню Росино.

Воробьев, изучив местность, вместе с командиром приданного артиллерийского дивизиона гвардии капитаном Парасочкой определил цели для артиллерии и минометов, поставил также боевые задачи командирам стрелковых батальонов. Руководить боем он решил с наблюдательного пункта 1-го батальона.

9

Наступление началось, как обычно, после артиллерийского налета. Однако и на этот раз огонь был не очень плотным. Правда, когда в дело вступила реактивная артиллерия, на вражеском переднем крае все почернело. Дым заволок не только первую траншею, но и гребень высоты, по которому тянулся вал.

Красные ракеты, взвившиеся над командно-наблюдательными пунктами батальонов, возвестили о начале атаки. Гвардейцы выскочили из траншей и с криком «ура!» ринулись вперед. Бежать было тяжело, ноги по колено увязали в снегу. Огонь артиллерии и минометов переместился в глубину.

До первой траншеи уже оставалось совсем немного, когда на атакующих обрушился ураган вражеских снарядов и мин. Гвардейцы вынуждены были залечь. Чтобы поднять их, нужен был повторный артиллерийский налет. На командном пункте обстановка накалилась до предела. В это время раздался звонок командира дивизии. Я видел, как напряглось лицо Воробьева.

— Атака не удалась, товарищ Первый. Люди залегли под губительным огнем врага. Считаю, что повторная атака бесполезна, огневая система гитлеровцев не подавлена...

Соседи справа и слева также не имели успеха. Огневой бой затянулся, и только через три часа была организована новая атака. В цепи 1-го батальона шел заместитель ко-

мандира по политической части гвардии старший лейтенант Семен Павлович Коваль.

Гитлеровцы, как и в первый раз, открыли по атакующим сильный минометный огонь. Но гвардейцев было уже не остановить. Отбив у гитлеровцев траншею, Коваль вместе с несколькими бойцами устремился к снежному валу. Но здесь прямо в гуще группы разорвалась вражеская мина. Коваль получил смертельное ранение. Бойцы вновь залегли.

Несколько лучше складывались дела во 2-м батальоне. 4-й роте, наступавшей на левом фланге, удалось выйти к снежному валу. Командир полка решил нарастить силу удара на этом направлении, введя в бой резерв — 6-ю роту. Но в это время гитлеровцы при поддержке сильного артиллерийского огня перешли в контратаку. Находившийся в эпицентре событий гвардии подполковник Воробьев был ранен осколком снаряда. Командование полком взял на себя гвардии майор Орлов. Огневой бой не утихал до вечера.

Наступление возобновилось на следующий день. Находившиеся на НП командиры видели, как после жиденькой артподготовки гвардейцы поднялись в атаку, но ураганный огонь врага заставил их прижаться к земле. В это утро был ранен командир 1-го батальона гвардии старший лейтенант Семен Иванович Лобанов.

10

Во второй половине дня на переднем крае наступило относительное затишье. Я возвратился в штаб для оформления отчетных документов. Чуть погода в землянку вошел майор, невысокого роста, в новой шинели, фуражке и хромовых сапогах, начищенных до блеска. Из-за отворота незастегнутой шинели поблескивал орден Красного Знамени.

— Это вы майор Орлов? — резко спросил гость у начальника штаба.

— Да, я. А вы кто и что вам здесь надо? — В голосе Константина Алексеевича явно сквозило недовольство.

— Я — майор Орехов! Назначен к вам командиром полка.

Поведение и тон Орехова не обещали ничего хорошего.

— Да? — вставая, произнес Орлов. По выражению его лица трудно было понять, как он воспринял это известие:

Командир 89-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор В. Р. Орехов

то ли с радостью, то ли с сожалением или даже опасением.

— Доложите, чем занимается полк, — потребовал Орехов.

— Полк с утра проводил наступление, но...

— Хватит! Мне все ясно и без вашего доклада, — отрезал новый комполка. — Боем никто не руководил и не руководит, наступление сорвано. Офицерского наблюдения за полем боя не организовано...

— Полк сейчас наступления не ведет, — попытался было возразить начштаба.

— Оно должно вестись, но было сорвано, — вновь оборвал Орлова Орехов. — А вы

сидите в блиндаже и неверно докладываете обстановку командиру дивизии.

Орлов опешил от такого обвинения.

— Товарищ майор! Наблюдение за противником ведется и сейчас. На НП находится заместитель командира полка капитан Маслюков с группой офицеров, — попытался я заступиться за Орлова.

— А вы кто такой и чем занимаетесь? — перекинул свой гнев Орехов на меня.

— Первый помощник начальника штаба полка гвардии капитан Вязанкин. Готовлю донесение в штаб дивизии.

— Отставить донесение!

Орехов начал звонить командиру дивизии. Доложив Чурмаеву о вступлении в должность, Орехов сообщил ему об обстановке на участке полка, какой она ему представлялась, и попросил отстранить Орлова от исполнения обязанностей начальника штаба.

Видимо, Чурмаев не поддержал Орехова. Я решил так, услышав последние слова командира полка:

— Слушаюсь, службе разобратся в обстановке!

Разговор с комдивом Орехова, очевидно, не удовлетворил. Положив телефонную трубку, он повернулся ко мне:

— Капитан Вязанкин! Ведите меня к войскам.

«К войскам! — усмехнулся я про себя. — Войск-то там с гулькин нос». Однако вслух ответил по-уставному:

— Слушаюсь!

11

Переобувшись в валенки и надев белые маскхалаты, мы вышли из землянки. По проторенной стежке направились на передний край. Вечерело... Видимость была небольшой. И как только лес, где располагался командный пункт, остался позади, Орехов притормозил.

— В какой батальон ведешь? — спросил он у меня.

— В первый, на правый фланг полка.

— Эта тропа ведет к его штабу?

— Так точно!

— Голубев, за мной! — приказал Орехов своему адъютанту и, отстранив меня, сам вышел вперед.

На небольшом взгорке мы попали под сильный минометный огонь. Орехов не упал в снег, как это делали в подобной обстановке многие. Он то рывком устремлялся вперед, то почти останавливался. Чувствовалось, что Орехов не новичок на передовой, знает, как вести себя в опасной зоне.

Но вот и КНП 1-го батальона. Здесь уже были в курсе того, что новый командир вышел на передовую, и успели навести порядок. Первым представился командиру полка гвардии капитан Маслюков. Командир батальона В. С. Нуждин по всей уставной форме доложил обстановку.

— Неплохо устроились! — осмотрев блиндаж, начал разнос Орехов. — Пригрелись здесь, как в крепости! Поля боя не видите, боевой задачи не выполняете!

Маслюков возразил майору. Иван Емельянович спокойно и уверенно показал командиру полка на схеме вскрытую группировку гитлеровцев, их огневую систему. Объяснил, что подавить ее не удастся из-за низкой плотности огня нашей артиллерии и минометов. Доводы Маслюкова подействовали на Орехова. А когда он узнал, что гвардии старший лейтенант Нуждин, сменивший раненого Лобанова, командует батальоном по существу только одни сутки, то и вовсе помягчел. Разговор принял деловой характер.

Ко мне подошел адъютант старший батальона гвардии старший лейтенант Николай Ничухрин. Он сообщил, что

звонил Орлов и просил передать Орехову: в штаб полка поступил боевой приказ на наступление. Улучив момент, докладываю об этом Орехову. Никак не отреагировав на полученное сообщение, командир полка продолжал засыпать комбата вопросами: сколько бойцов в батальоне, все ли раненные эвакуированы в тыл, накормлены ли люди? Выяснив наконец все, что его интересовало, сказал:

— Ну, а теперь пойдете на передовую, к бойцам!

Комбат Нуждин вывел Орехова и сопровождавших его офицеров в первую траншею. Здесь нам еще раз пришлось испытать вражеский артиллерийский налет. И теперь комполка вел себя смело. По окончании налета, осмотревшись, принял решение:

— Гвардейцам надо предоставить небольшой отдых. Завтра лучше будут воевать.

Он распорядился на занимаемом рубеже оставить только боевое охранение, а остальные силы отвести в места, более удобные для отдыха. Затем мы возвратились в штаб полка.

12

Согласно приказу наступление должно было возобновиться с утра 19 февраля на прежних направлениях. Главный удар дивизия наносила центром своего боевого порядка. Это означало, что 89-й и 92-й гвардейские полки, действовавшие в первом эшелоне, должны свои основные усилия сосредоточить на смежных флангах.

Изучив приказ, Орехов сказал:

— Большая нагрузка падает на правый фланг. Здесь у нас первый батальон. Дадим ему меньшую полосу наступления и больше средств усиления...

Командир полка выслушал соображения начальника артиллерии полка гвардии капитана Деканя и начинжа гвардии капитана Рогалевича. Приказал доложить свое мнение и мне. К Орлову командир с вопросами не обращался. По непонятным для всех причинам он явно игнорировал начштаба.

Сигнала о начале наступления долго ждать не пришлось. Он был подан серией зеленых ракет, продублирован по телефону. Все захохотало, зауhalo. Снежный покров, обновленный за ночь, вновь покрылся черными пятнами копоты.

Вопреки опасениям, схватка за передний край оказалась короткой. Вскоре отдельные бойцы 1-й правофланговой роты стали подбираться к снежному валу.

Бой развернулся по всему юго-восточному склону высоты. Но когда батальоны начали атаку снежного вала, сопротивление врага усилилось. Его снаряды и мины стали рваться и в районе наблюдательного пункта полка, и на огневых позициях нашей артиллерии. Однако наиболее плотный вражеский огонь приходился по боевым порядкам рот. Приготовили гитлеровцы гвардейцам и еще один сюрприз. Ночью, пользуясь близостью реки Пола, они облили снежный вал водой, и теперь он оказался ледяным.

Орехов непрерывно наблюдал за полем боя. От артиллеристов он потребовал разрушить ледяной вал. И они действовали. Каким-то чудом ухитрились катить орудия, увязавшие в глубоком снегу, вперед. «Богам войны» помогали пехотинцы. Сквозь грохот разрывов, свист осколков, стрекот пулеметов и автоматов то и дело было слышно: «Взяли!.. Раз!.. Еще раз!..»

И вот огневые позиции заняты. Я неотлучно находился на наблюдательном пункте и видел, как первым огонь прямой наводкой открыло 45-миллиметровое орудие гвардии старшины Вербицкого из противотанковой батареи полка. Наводчик его расчета уже немолодой гвардии красноармеец Касаев за короткое время уничтожил пять пулеметов, проделал в ледяном заграждении брешь. Не уступал ему в меткости и наводчик 76-миллиметровой полковой пушки гвардии старшины Ястребова гвардии сержант Пономаренко. Однако расчету Ястребова не повезло: сержанта ранило. Его заменил гвардии красноармеец Гусаров из Перми.

В брешь, проделанную этими орудиями, устремились

Командир взвода автоматчиков 92-го гвардейского стрелкового полка гвардии лейтенант И. А. Василенко

гвардейцы роты гвардии старшего лейтенанта Семена Полищука. Они вклинились в оборону гитлеровцев. Перед ними были уже Росино и река Пола. За стрелками потянулись и артиллеристы.

Фашисты ошалели от ярости. Они поливали поле боя огнем орудий, минометов и пулеметов. Но, к счастью гвардейцев, снаряды рвались далеко в тылу.

Неожиданно появились танки, окрашенные в белый цвет. Выстрелы из противотанковых ружей не дали нужного эффекта, машины продолжали идти вперед. Тогда Беляев, плюхнувшись в один из окопов рядом с пэтээровцами, крикнул:

— Приготовить противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью!

Гвардии младший лейтенант Каракумов и гвардии лейтенант Вербешкин бросили по бутылке «КС». Два танка загорелись, остановились. Третий начал сдавать назад. Фашистская пехота, шедшая за танками, однако, все еще продолжала напирать. Тогда командир роты Полищук приказал пулеметчикам гвардии младшего лейтенанта Пикулева остановить ее огнем. Сам тоже бросился к одному из ручных пулеметов, чтобы заменить убитого воина.

Артиллеристы между тем начали охоту за теми танками, которые еще продолжали наступать. Вскоре вспыхнул один, потом задымил и закружился на месте второй. Остальные попятились назад. Залегла и пехота. В этом бою наши стрелковые подразделения нанесли большой урон врагу.

Через некоторое время контратака противника повторилась. Когда фашисты подобрались почти вплотную, бойцы 4-й роты пустили в ход гранаты, пошли в штыковую. Как раз в это время им на помощь подоспела резервная группа под командованием гвардии сержанта Донетова. Не выдержав натиска гвардейцев, немцы отошли. Было уничтожено семь и захвачено в плен девять фашистов.

Узнав об успешных действиях группы Донетова, коммунист гвардии рядовой Михаил Суродин тут же написал листок-«молнию» и передал его по цепи. Рукописная листовка «Вперед!» сообщала об отличившихся в бою бойцах и сержантах.

Рядом с 4-й ротой наступала 5-я — гвардии старшего лейтенанта Пижанова. И здесь командир был примером для своих подчиненных. В критический момент Пижанов увидел замолчавший станковый пулемет. Возле него ле-

жали два погибших бойца. Пулемет оказался исправным и даже заправлен лентой. Из этого станкача Пижанов один уложил более десятка фашистов. Контратака противника была отбита. Впрочем, возобновить наступление нашим воинам уже не удалось. Аналогичная ситуация сложилась и на соседних участках.

Утром 23 февраля погиб заместитель командира полка гвардии капитан Иван Емельянович Маслюков. Когда началась атака, он находился на наблюдательном пункте 1-го батальона. Маслюкову показалось, что гвардейцы идут не в должном темпе, и он решил, как это делал уже не раз, личным примером воодушевить бойцов. Уверенный в своей неуязвимости, капитан по-юношески быстро догнал утопавших в снегу солдат и повел их за собой. Однако почти сразу же был сражен вражеской пулей. С глубокой скорбью восприняли гвардейцы эту горькую утрату.

13

В ночь на 24 февраля 28-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена из боя. Тремя ночными маршами она пересекла реки Пола, Ловать и Редья и сосредоточилась в лесу близ Крюково, что в 8 километрах к востоку от Старой Руссы. Здесь дивизия вошла в состав 27-й армии, получила небольшое пополнение и занялась боевой подготовкой.

3 марта в штабе нашего 89-го гвардейского полка произошли организационные изменения. Константин Алексеевич Орлов убыл в другую дивизию. Начальником штаба полка стал бывший помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии гвардии капитан Н. А. Шубин, молодой подтянутый офицер с огненной густой шевелюрой. Николай Андреевич незадолго до прибытия в дивизию прошел, как и Орехов, ускоренный курс Военной академии имени М. В. Фрунзе.

С первых дней работы в полку Шубин организовал штабную подготовку подчиненных ему офицеров. Под его руководством было проведено несколько штабных тренировок по отработке различной оперативно-боевой документации. Эта учеба в сочетании с выполнением задач боевой подготовки, выездами на рекогносцировку положительно сказалась на работе всего штабного коллектива: он стал сплоченнее, дружнее. Но передышка, как обычно, оказалась недолгой.

Глава VIII

ПРОЩАЙ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ!

1

Наступил март, а зима будто и с места не сдвинулась: все досаждала воинам морозами и поземкой. Однако в воздухе уже пахло весной. Раньше, до войны, я любил в такие дни, встав на лыжи, прогуляться по лесу. Однако сейчас иные заботы волновали: в ночь на 5 марта нужно было занять позиции на переднем крае. Хлопоты непродолжительного марша — и вот наши батальоны уже сменяют 123-й полк 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии, стоявшей в обороне в лесах юго-восточнее колхоза Пенна.

Докладывая Орехову о выходе на указанный рубеж, я, в частности, отметил, что передний край противника проходит от северной окраины Марфино по заболоченному лесу до реки Редья, что севернее Сычево. На участке, где будет наступать наш 89-й гвардейский полк, возведен зигзагообразный деревоземляной забор, за зиму наращенный обледеленным снегом, — внушительное сооружение в полтора метра шириной и до двух высотой. Подступы к нему прикрыты минным полем и проволочным заграждением на низких кольях. Это заграждение да еще густой лес надежно укрывают врага не только от ружейно-пулеметного, но и от артиллерийско-минометного огня.

— Фрицы и здесь прикрылись ледяным забором, говоришь? — переспросил Орехов.

— Так точно!

— И обороняются здесь старые знакомые?

— Да, двести девяностая пехотная дивизия.

— Враг, значит, опытный, коль сидит на одном месте более года. Так просто его отсюда не сковырнешь.

Орехов на минуту задумался. Затем продолжил:

— Бои под Росино показали: успеха в наступлении на такую оборону можно достичь только тогда, когда будет разрушен ледяной забор. А сделать это при наших огневых средствах нелегко. Навесным огнем артиллерии и минометов забор не разобьешь. Его надо крошить преимущественно орудиями, поставленными на прямую наводку, или мощными зарядами взрывчатки. Однако необходимым количеством взрывчатки полк не располагает. Значит, ос-

тается первое — ломать фрицевские барьеры огнем орудий на прямой наводке...

— А хватит ли наших артиллерийских средств? — спросил у Орехова начштаба Шубин, находившийся тут же.

— Вот и пошевелите об этом мозгами вместе с начальником артиллерии Деканем! Если окажется мало полковых орудий, выделим часть пушек из приданного артиллерийского дивизиона.

Детально проанализировав обстановку, Орехов принял решение проделать четыре бреши (по две на стрелковый батальон), для чего батарею 76-миллиметровых полковых пушек придать 1-му, а 45-миллиметровых противотанковых — 2-му батальону. Кроме того, для этих же целей каждому батальону выделялось по взводу орудий из приданной артиллерии.

— Вот так, капитан Шубин, и планируйте!

Внезапно в землянку ворвался командир батареи 120-миллиметровых минометов гвардии старший лейтенант Змитриченко.

— Товарищ гвардии майор, разрешите доложить?

— Что случилось?

— Неувязочка, товарищ гвардии майор! Произвожу пристрелку целей на переднем крае, а мины рвутся где-то в глубине обороны фрицев!

— Ну, так, наверное, напутал с прицелом или зарядом пороха?

Змитриченко уже начал успокаиваться и поэтому стал докладывать более связно:

— Товарищ гвардии майор, с прицелом и зарядом пороха я не напутал. Считаю, что первая траншея обороны немцев не там, где она нанесена у нас на картах. На местности вражеская первая траншея или этот ихний забор проходит примерно на один лесной квартал ближе к нам.

— Что за чертовщину несешь, старший лейтенант?

— Никак нет, прошу проверить, — настаивал на своем Змитриченко.

— Вязанкин, вы правильно скопировали обстановку у сменяемого полка?

— Да, правильно! Вот схема. Они сами ее исполнили и нам передали.

Орехов внимательно сличил схему с картой и разбушевался:

— Скоро начало артподготовки, а мы не «привязали» противника к карте! Выходит, наши артиллерия и мино-

Начальник артиллерии
дивизии гвардии под-
полковник А. Г. Му-
ралов

меты будут пахать пустое место! Так недалеко и до трибунала!

Комполка немедленно позвонил в штаб дивизии. Оттуда как на крыльях прилетел начальник артиллерии дивизии гвардии подполковник Муралов.

Были поставлены на ноги все разведчики, сделаны контрольные выстрелы из дивизионных пушек... Сообщение Змитриченка подтвердилось.

Вышли на рекогносцировку. Вместе с нами топтал снег со своими людьми и начарт дивизии Муралов. И только с рассветом выяснилось, что предшественники сдали оборону на 500—600 метров ближе, чем значилось в их отчетных

документах.

И все-таки наступление началось в 10 часов. Артиллерия стреляла с закрытых позиций. Сперва изредка, как бы еще раз проверяя прицелы, нащупывая цели. Потом загрохотало с нарастающей силой. Открыли огонь и орудия прямой наводки, звонкими выстрелами заглушая все вокруг.

Орехов, наблюдавший за работой артиллерии, давал указания то начарту Деканю, то командиру приданного артдивизиона. Вскоре стали видны результаты действий орудий, поставленных на прямую наводку: зачернели проломы в ледяном заборе. А вот и «у-р-а-а!» донеслось сквозь адский грохот канонады. Это гвардейцы двинулись в атаку.

Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Но их система огня была нарушена. Прорвавшись за ледяной вал, часть бойцов устремилась в глубину обороны, часть — вдоль внутренней стены забора, уничтожая огнем и гранатами вражеские огневые точки с тыла.

Продвинувшись вперед примерно на километр, гвардейцы встретили новый снежно-ледяной завал. Наступление задержалось.

Чтобы лучше видеть поле боя, Орехов решил выдвинуться ближе к боевым порядкам. Он приказал мне найти место для нового наблюдательного пункта. Много времени это не заняло. Сразу же за забором я отыскал небольшой взлобок, а на нем блиндаж, встроенный в ледяной вал. Отсюда как на ладони были видны боевые порядки: бойцы 1-го батальона лежали вблизи снежного барьера, 2-го, частью сил, — перед прогалиной.

Вскоре на новый НП прибыл командир полка со всей оперативной группой. Изучив создавшуюся обстановку, вздохнул:

— Штурмом барьер не преодолеть... Нужны новые бреши!

— Чтобы их проделать, потребуется много времени. А что, если попытаться ударить по той прогалине? Она, наверное, и не заминирована и не пристреляна? — предложил я.

— Пожалуй, можно рискнуть! — согласился комполка. Он приказал командиру 1-го батальона Нуждину большую часть сил сконцентрировать на левом фланге и вместе со 2-м батальоном после короткого артиллерийского налета двинуть в промежуток между стенами забора.

Замысел командира удался. Батальоны прорвались за второй вал и продвинулись вперед еще на километр. Однако фашисты подтянули свежие силы. Огневое сопротивление врага возросло во много раз. Гвардейцы были прижаты к земле.

В полдень огонь вражеских минометов и артиллерии усилился. В воздухе появилось до двух десятков «юнкеров». Разрывы бомб, свист осколков, завывание моторов самолетов слились в оглушающую какофонию. Однако чувствовалось, что основной удар вражеских стервятников пришелся по соседу справа.

— Не зря фрицы прилетели. Теперь надо ждать и контратаки, — сделал предположение Орехов.

Едва он это сказал — зазуммерил полевой телефон.

— Так и есть! — в сердцах вырвалось у Орехова, когда он услышал от Нуждина сообщение о сосредоточении гитлеровской пехоты. — Держитесь! Сейчас поможем огнем артиллерии.

Командир полка скомандовал:

— Всем по местам! Гитлеровцы контратакуют первый батальон!

Офицеры прильнули к окулярам биноклей. Вскоре на-

чальник артиллерии полка стал подавать команды на батареи.

Батальон Нуждина выстоял. Командование дивизии распорядилось быть в готовности к отражению новых контратак.

2

Во второй половине дня начальник штаба полка гвардии капитан Шубин приказал мне связаться с соседом слева:

— В наступлении он не участвовал. Вот и надо уточнить стык между нашими боевыми порядками, организовать взаимодействие.

По данным штаба дивизии, нашим соседом слева являлся 333-й отдельный пулеметный батальон укрепленного района. Правый фланг его находился где-то за заболоченным оврагом, протянувшимся узким рукавом в глубину участка обороны 89-го гвардейского стрелкового полка.

Я взял с собой ординарца Василия Кузнецова и двинулся в обход оврага. После небольшого блуждания в лесу по глубокому снегу мы вышли на наблюдательный пункт одной из рот пулеметного батальона. Ее командир капитан Фесенко провел меня на передний край обороны. Здесь были сооружены прочные блиндажи и дзоты. Я сделал нужные отметки на своей рабочей карте.

Изучая местность, нимаю удивился, увидев на противоположной стороне лежащего рядом болота три стройные сосны. Как раз возле таких же сосен расположился штаб нашего 89-го полка. Еще раз посмотрел на карту, сориентировал ее по компасу и окончательно убедился в том, что штаб полка находится перед нами. До него отсюда было не более километра. Своими мыслями поделился с командиром роты пулеметчиков.

— Не может этого быть! — запротестовал Фесенко. — Перед нами оборона врага, и там сидят гитлеровцы.

— Если там и были фашисты, то после утреннего наступления нашего полка и выхода его им в тыл, они, наверное, давно, смазав пятки, драпанули оттуда. — У меня вдруг возникло желание доказать соседям, что они сидят в обороне, перед которой нет противника. — Если вы, товарищ капитан, сомневаетесь в этом, то я вам докажу. К себе в полк мы будем возвращаться не тем путем, которым шли сюда, а по прямой, через ваш передний край.

Такое мое заявление, видимо, поколебало уверенность командира роты.

Между тем я, захватив ординарца, двинул вперед. Причем настолько был уверен в своей правоте, что и не думал об опасности. И вот мы с Кузнецовым уже перед двухметровым снежно-ледовым заграждением.

Встретив столь значительное препятствие, осмотрелись, увидели амбразуру, заглянули в нее и... отпрянули. Прямо на нас глядело темное круглое дуло крупнокалиберного пулемета. Возле него стоял здоровенный фашист.

— Кузнецов, гранату!

Но гранаты у ординарца не оказалось. Что же делать? Надо отходить, пока фашист не поднял тревогу или не скосил нас из пулемета.

«Вот сейчас полоснет, вот сейчас...» — билась лихорадочно мысль. Зацепившись за что-то, я упал. Стал высвобождать ногу — не получается: держит петля проволочного заграждения. На помощь пришел Кузнецов.

«Ну, теперь-то обязательно доберемся до своих», — мысленно подбадриваю себя. Но вслед за этой мыслью обжигает другая: «Раз есть проволочное заграждение, значит, должно быть и минное поле! Ведь это нейтральная полоса! Бежать нельзя: можно продавить снег и подорваться на mine! Только ползком, ползком, по-пластунски!»

Поползли параллельно своим следам. И в это время грозно зарокотал немецкий пулемет.

— Поближе к снегу, к снегу прижимайся, Вася! — кричу ординарцу. — И бери правее, за бугорок, там переждем!

Гитлеровец дал еще одну очередь. Небольшие фонтанчики снега поднялись в 10—15 метрах слева от нас. Все понятно: амбразура с толстыми стенами не позволяет фрицу вести прицельный огонь. Из этого пулемета ему нас не достать. Лишь бы фашисты не начали пальбу из другой огневой точки или из миномета.

Наконец, измученные донельзя, мы добрались до своих.

— Ну как, гвардия, вы и теперь будете меня уверять, что эти три сосны ваши и мы зря здесь сидим? — с издевкой спросил меня капитан Фесенко.

— Насчет второго беру свои слова обратно, а вот сосны действительно наши. В этом у меня сомнений нет!

Я достал топографическую карту и еще раз оценил обстановку на нашем левом фланге. Положение частей дивизии и противника было здесь наподобие слоеного пи-

**Группа ветеранов 28-й гвардейской стрелковой дивизии на
встрече в Москве**

рога. Утром в наступлении мы прорвали два фашистских оборонительных вала. За вторым фронт прорыва был расширен в левую сторону. Таким образом, в верхней прослойке «пирога» гвардейцы полка вышли на тыловые рубежи врага. В нижней же, то есть на первом оборонительном рубеже, гитлеровцы оставались на прежнем месте. Вот и получилось так, что часть вражеских войск оказалась за нашей спиной. На них-то мы и напоролись.

— Да-а... Сложная ситуация, — протянул Фесенко.

— Ничего сложного нет. Ночью здесь не останется ни одного фрица, — успокоил я его.

— Будем надеяться. А пока возвращаться в полк вам придется прежним окружным путем. На войне бывает и так, что не всякая прямая короче кривой, — подытожил беседу командир пулеметной роты.

3

Только в землянке начальника штаба я почувствовал сильную усталость: прошлую ночь мне не удалось поспать. Сказывалось и напряжение насыщенного событиями дня.

Шубин, испытующе посмотрев на меня, сказал:

— Вам, товарищ капитан, предстоит еще одно задание. Необходимо побывать в батальонах, помочь адъютантам старшим разобратся в обстановке. Определить и точно нанести на карту положение, которого достигли подразделения в ходе дневного наступления. Помните, — подчеркнул начальник, — в лесу ориентироваться трудно, а данные нужны достоверные! Если потребуется, загляните и в роты, пройдите на передний край... Понятно задание? Сведения нужны для утреннего донесения!

Наскоро перекусив, я надел маскхалат и отправился в путь.

В 1-м батальоне необходимые вопросы уточнил быстро и примерно в полночь прибыл во 2-й. Ни комбата, ни адъютанта старшего на командном пункте не оказалось.

— Все ушли на «передок», — пояснил всезнающий дежурный телефонист.

...Часа полтора спустя мы с Марчуком сидели в землянке командира роты и потягивали из эмалированных кружек горячий чай. Комариный писк зуммера прервал наш разговор. Трубку поднял Марчук. Выслушав кого-то на том конце провода, повернулся ко мне:

— Вас срочно вызывает командир полка.

Орехов встретил приветливо:

— Вот и хорошо, что прибыл. Как дела в батальонах? Я доложил.

— А теперь вот что: выкопировку с карты делать умеешь?

— Учили на курсах.

— На курсах, говоришь? Ну что ж, бери тогда лист чистой бумаги. Разлилуй ее на квадраты соответственно размерам, имеющимся на карте, нанеси населенные пункты, дороги, лес и положения подразделений полка. Укажи и соседей. Понятно?

— Так точно!

— Раз понятно, значит, садись и делай. А я немного вздремну. Как будет готово — буди. Напишем боевое донесение и приложим к нему схему.

«Вот и вторая ночь без сна», — мысленно прикинув объем работы, вздохнул я. Потом все-таки решился задать Орехову мучивший меня вопрос:

— Товарищ гвардии майор, а разве проект донесения не Шубин готовит? Он мне давал задание уточнить передний край и положение стрелковых рот.

— Готовит, да не так, как надо. Сидит он в своей конуре и ничего не видит, ни о чем не знает...

Стало понятно: дальнейшие расспросы неуместны. Если начальство между собой не ладит, достается от этого подчиненным.

К утру схема была готова. Когда я вышел из блиндажа, чтобы вручить посыльному боевое донесение, написанное под диктовку Орехова, восток уже озарился лучами восходящего солнца. Наступал очередной день войны...

4

Лес юго-восточнее колхоза Пенна был старый, густой. Ориентироваться в нем трудно. Вековые деревья, кроме того, снижали эффективность стрельбы с закрытых огневых позиций. Снаряды и мины, задевая за ветви, разрывались в основном в кронах. Все это определенным образом сказывалось на характере боевых действий. В последние пять дней события развивались медленно. По указанию командира дивизии, 89-й гвардейский полк несколько раз менял направления наступления, выискивая слабые места в обороне противника, но достичь значительного успеха так и не смог.

Начальник политотдела
дивизии гвардии пол-
ковник Г. М. Молчанов

Гитлеровцы, обладая преимущественно в живой силе и технике, особенно в огневых средствах, непрерывно обстреливали и бомбили боевые порядки полка. После любого, даже небольшого продвижения гвардейцев враг стремился восстановить положение. В отдельные дни он переходил в контратаки до десяти раз. Порой казалось, что в батальонах уже не осталось людей, способных держать оружие. Но как только фашисты пытались активизироваться, воины полка встречали их губительным, кинжальным огнем. Тяжелые бои рождали своих героев.

...Назревала четвертая контратака. Враг вел сильный огонь по левому флангу 2-го батальона. Наиболее плотно рвались снаряды в расположении 2-го взвода 5-й роты. Сюда прибежал заместитель командира роты по политической части гвардии лейтенант Хасамбеков. Невысокого роста, плотно сбитый, смуглый и скуластый, он всегда появлялся там, где грозила опасность. Смелыми, решительными действиями, ободряющим словом воодушевлял бойцов.

И на этот раз во 2-м взводе Хасамбеков оказался как раз вовремя. Осколком вражеской мины ранило командира. До сотни гитлеровцев уже шли в развернутой цепи. Хасамбеков не растерялся. Возглавить взвод он поручил коммунисту гвардии старшему сержанту Кошкареву, а сам ринулся на левый фланг — наиболее опасный участок.

Кошкарев приказал бойцам без его команды огня не открывать. Лишь когда гитлеровцы приблизились на расстояние прямого выстрела, он скомандовал:

— Взвод, залпом пли!

Вслед за стрелками открыли огонь и пулеметчики из взвода гвардии старшего сержанта Кудреватова. Многие гитлеровцы попадали на почерневший снег. Но остальные продолжали идти вперед. Они уже подошли почти вплот-

ную, и тут очень некстати замолчал станкач. Весь расчет его погиб.

Гвардии старший сержант Кошкарев сам лег за пулемет и открыл поседавашим гитлеровцам косопрительный огонь. Контратака была отбита. Потеряв более трех десятков солдат и офицеров, фашисты залегли. Однако вскоре под прикрытием минометного огня вновь поднялись.

Кошкарев был смертельно ранен. В этот критический момент у пулемета оказался замполит Хасамбеков. Снова заговорил «максим». А на другом фланге взвода из «ручника» громил фашистов гвардии красноармеец Мякишев. В секторе его огневой точки после насчитали шестнадцать убитых.

Непрерывные бои ослабляли и силы полка. 6 марта был ранен адъютант старший 1-го батальона гвардии старший лейтенант Николай Петрович Ничухрин, а на следующий день выбыл из строя гвардии старший лейтенант Федор Иосифович Марчук. У меня явно прибавилось работы. Приходилось то ходить по переднему краю, уточнять положение подразделений, то составлять проекты боевых донесений и других документов...

— Наш Иван в рубашке родился, — нередко можно было слышать и в штабе полка, и в батальонах. — Полушубок его спасает: все пули и осколки на себя принимает.

Я и сам уверовал в свое солдатское счастье. И основания для этого были серьезные. Еще под Росино, идя в одну из стрелковых рот, попал под артиллерийский налет. Спасаясь от него, бросился к оказавшемуся поблизости подбитому фашистскому танку. Вплотную прильнул к гусеницам, где уже укрывались связной роты и еще один солдат. Налет затянулся. Я по нужде отполз в сторону. И в это время крупный фугасный снаряд, выпущенный вражеской гаубицей, ударил под основание танка. Оба бойца погибли.

Был и другой случай. Вражеский снаряд разорвался в кроне сосны. Дождь из осколков осыпался на группу бойцов и командиров. Погиб начальник химической службы полка гвардии капитан Дмитрий Сергеевич Павлов, несколько человек получили ранения, а меня даже и не цапнуло.

Командование 27-й армии постоянно следило за состоянием своих войск и в случае необходимости предоставляло им отдых. Наступила очередь и 28-й гвардейской стрелковой дивизии. В ночь на 12 марта она была выведена во второй эшелон. 89-й гвардейский стрелковый полк сосредоточился в лесу, в 5 километрах к юго-западу от Старой Руссы. В первые два дня гвардейцы оборудовали свои жилища, чистили оружие, парились в сооруженных на скорую руку банях, писали письма домой, отсыпались.

Утром 15 марта меня вызвали к командиру полка. Когда я вошел в его блиндаж, то увидел Орехова лежащим на топчане под полушубком. Рядом сидел старший врач полка Алексей Петрович Чунихин.

— Садись, дорогой, будет серьезный разговор, — обратился Орехов ко мне.

Устраиваюсь напротив командира.

— Я вот приболел малость, доктор забирает в лазарет.

— Как так?

— А так! Рекомендует недельку полежать... Командование полком возлагаю на тебя, дорогой! Думаю, что не подведешь, справишься. Командир дивизии утвердил твою кандидатуру. Вон на столе лежит приказ. Прочти, распишись и доложи Чурмаеву. Приказ надо объявить всему личному составу.

Орехов сделал паузу, затем продолжил:

— Командиром второго батальона вместо ушедшего на курсы Александрова проси утвердить старшего лейтенанта Петра Зиновьевича Витюка. Это грамотный, смелый офицер. Адъютантом старшим к нему надо назначить старшего лейтенанта Ивана Ивановича Гришанова, а в первый батальон на ту же должность — капитана Виктора Ивановича Зыкова. Оба они — серьезные, исполнительные...

Решение Орехова было для меня столь неожиданным, что я даже не нашелся, что ответить ему. Впрочем, моего ответа и не требовалось.

17 марта в четвертом часу пополудни на командный пункт дивизии съехались командиры частей. Они собрались в блиндаже оперативной части штаба. Народа здесь

набилось много, все стояли. Мне впервые довелось присутствовать на таком ответственном совещании, и оттого чувствовал я себя несколько стеснительно, хотя держался с достоинством.

— Устраивайтесь, товарищи, — наконец подал голос комдив. — Командиров полков прошу сесть за стол и подготовить рабочие карты.

Во всей фигуре Чурмаева, в его движениях, в прищуре глаз угадывались острый ум и большая внутренняя сила.

Офицеры начали рассаживаться, раскладывать перед собой топографические карты. Постепенно блиндаж наполнился табачным дымом. Закурил и Чурмаев.

Выдержав небольшую паузу, командир дивизии обвел приглашенных внимательным взглядом.

— Я собрал вас, товарищи, затем, чтобы сообщить боевую задачу дивизии, поставленную командующим нашей армией.

Чурмаев повернулся к сидевшему справа от него начальнику штаба дивизии Кашееву:

— Товарищ полковник, доложите обстановку.

Кашеев встал. Среднего роста, коренастый, с двумя орденами Красного Знамени на груди, он склонился над разостланной на столе картой, заговорил ровным, немного хрипловатым голосом:

— В междуречье Порусьи и Редьи, где предстоит наступать дивизии, по-прежнему обороняются части двести девяностой пехотной дивизии. Передний край ее проходит по рубежу северных окраин селений Нагаткино и Сычевка.

— На том самом месте, до которого мы отбросили фрица несколько дней назад и где нас сменила сто восемьдесят вторая стрелковая дивизия? — уточнил командир 92-го стрелкового полка гвардии подполковник Зверев.

Командир 92-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник Г. Е. Зверев

— Да, к сожалению, все на том же рубеже, — ответил Кашеев.

— А что же сделала за неделю эта дивизия? — не выдержал командир 86-го стрелкового полка гвардии подполковник Хрюкин.

Чурмаев нахмурился:

— Какое ваше дело до других дивизий? Это не наша забота. Продолжайте, товарищ Кашеев. А вас, товарищи, прошу не перебивать и слушать внимательно.

— Оборона противника состоит из нескольких мощных дзотов, объединенных в опорные пункты. В основном они расположены в населенных пунктах и по опушке леса между ними. Нам предстоит иметь дело с опытным и сильным противником. Войска двадцать седьмой армии, очистив от противника за две недели изнурительных боев большую часть леса юго-восточнее колхоза Пенна и врезавшись клином в оборону врага, встретили на указанном рубеже сильное сопротивление. В результате выйти в район Ново-Свинухово не удалось. Наша дивизия имеет задачу в ночь на восемнадцатое марта совершить марш и к десяти часам утра сосредоточиться в районе сердцевидной поляны, что в двух километрах восточнее Нагаткино. Быть в готовности наступать в направлении Ожедово с задачей отрезать пути отхода сычевской группировки противника на Ново-Свинухово. Действовать придется в промежуток, образовавшемся между наступающими там дивизиями.

Кашеев умолк. Чурмаев своим глуховатым голосом пробасил:

— Противник и его оборона вам известны. Боевая задача ясна. А теперь давайте подумаем, как лучше ее выполнить.

Завязался оживленный разговор. Одни предлагали прорывать оборону мелкими группами ночью. Другие — организованным наступлением днем.

Но вот Чурмаев поднял руку.

— Все ясно! Будем бить по врагу, пока имеем свежие силы, днем, после артиллерийской подготовки.

— Маловато снарядов, — посетовал начальник артиллерии дивизии Муралов.

— Наступать будем в боевом порядке в два эшелона... — как бы не слыша его, продолжал Чурмаев.

Комдив изложил свой замысел, определил задачи полкам и направления их действий.

Совещание закончилось. Блиндаж опустел. Командиры разъехались по частям. Началась подготовка к маршу и наступлению.

В район сосредоточения 89-й гвардейский стрелковый полк прибыл точно в назначенный срок. Своевременно занял и исходное положение для наступления, которое было назначено на 15 часов 30 минут.

Все началось как обычно: сначала артиллерийская подготовка, а вслед за ней — атака. Забухала и вражеская артиллерия. По земле пополз тяжелый, густой дым.

Стреляя на ходу, гвардейцы все дальше и дальше углублялись в лес. И вот первый звонок телефона. Докладывает командир 1-го батальона капитан Нуждин:

— Атаковали успешно, продвинулись вперед на четыреста метров. Обошли дзот на просеке, но попали под фланговый огонь, залегли... Помогите огнем артиллерии!

— Где приданные вам полковые пушки? — спрашиваю комбата.

— Застрали в снегу, их тянут на руках.

— А лошади?

— Почти все убиты.

— Помогите «богам войны» своими людьми и ждите нового артиллерийского налета. А вслед за ним смелее атакуйте и выдвигайтесь на опушку леса.

Командир 2-го батальона Витюк молчит. Приходится самому вызывать его.

Положение во 2-м батальоне аналогичное. Роты залегли. Витюк сообщает: на просеке, идущей к отметке 35,9, скапливаются вражеская пехота и танки.

— Следите за противником и будьте готовы к повторной атаке. В случае если немцы попытаются контратаковать — ни шагу назад! — предупреждаю комбата, а сам распоряжаюсь подготовить перед 2-м батальоном огонь батареи 120-миллиметровых минометов...

И. А. Вязанкин с болгарской девочкой

— Товарищ капитан, возьмите трубку. Будете говорить с Первым Сокола, — докладывает телефонист.

Комдив недоволен действиями полка. Он требует выполнения боевой задачи...

А бой грохочет и справа и слева. Жарко, видимо, и у соседей. О разговоре с комдивом сообщаю заместителю командира полка по политической части Синягину, объявляю ему, что иду во 2-й батальон.

— Разрешите и мне с вами?

— Нет, Александр Дмитриевич, вам лучше отправиться в первый, к Нуждину. Помогите ему выдвинуть приданную артиллерию на прямую наводку.

Вместе со мной в батальон к Витюку идут Декань и Рогалевич. По дороге нас нагоняет завделопроизводством штаба Петр Личагин, обвешанный гранатами, с автоматом на груди.

— А ты куда? — спрашиваю у него.

— Товарищ капитан! Я ведь умею не только людей считать и бумаги подшивать! — с каким-то особым задором отвечает Личагин.

Идем быстро, почти бежим. Вот и КНП батальона. Витюк докладывает обстановку. Она неутешительная: роты продвинулись всего на полкилометра и залегли под огнем врага. Основное препятствие для пехоты — дзот на просеке. По нему не раз били минометы батальона, но он продолжает изрыгать непрерывный огонь.

Решаю лично изучить положение подразделений. Витюк повел нас в 5-ю роту. Командир роты гвардии старший лейтенант Пижанов показал дзот, который мешал продвижению его бойцов, и ту просеку, где он несколько минут назад наблюдал скопление пехоты и слышал шум танковых двигателей.

Подношу к глазам бинокль. Зловеще чернеют три амбразуры дзота. Между ним и бойцами роты простирается небольшое болотце, покрытое редкими кустиками и ровным слоем снега. Атакой с фронта его действительно не одолеть. Надо разрушать дзот огнем орудий прямой наводки и брать ударом слева.

— Капитан Декань! — окликаю начальника артиллерии полка. — Где твои «сорокапятки»?

— Справа, позади нас!

— Выкатывайте их сюда и прямой наводкой раз-

рушьте дзот, а Змитриченку прикажите подготовить огонь всей батареи двадцатимиллиметровых минометов по дзоту и просеке.

— Слушаюсь!

— Ну, а где же ваши гвардейцы? Что-то их не видно! — обращаюсь уже к командиру роты.

Пижанов показывает ориентиры, возле которых находятся его бойцы. Поднимаюсь над бруствером своего окопа. Прямо передо мной шагах в шестидесяти лежит боец с ручным пулеметом. Справа и слева от него — солдаты с винтовками и автоматами. На левом фланге — станковый пулемет. Всего насчитал более 30 человек. Не густо. В случае контратаки надо готовить подмогу из резерва.

В это время вытащили на прямую наводку «сорокапятки». Не успели артиллеристы сделать и по одному выстрелу, как фашисты обрушили на них бешеный огонь. Вражеские мины падали все плотней и плотней. Затарахтели и фашистские пулеметы.

Вновь беру в руки бинокль, смотрю на просеку. Из глубины леса медленно выдвигаются два танка. За ними в серо-зеленых шинелях идет пехота, силою до роты. Контратака!

Танки и пехота врага приближались, до них оставалось уже около двухсот метров. Заработал станковый пулемет гвардии старшего сержанта Игнатенко. Дружно открыли огонь и другие воины 5-й роты. Справа от меня заливался автомат Личагина.

Однако враг продолжал продвигаться вперед. Вот он уже вышел на середину поляны. И тут ударили полковые минометы и артиллерия. Выплюнули по снаряду «сорокапятки».

Один танк вздрогнул и закружился, второй остановился, окутался дымом.

Хорошо бы сейчас ударить свежими силами слева, во фланг расстроившихся боевых порядков противника. Но вводить в бой резерв можно только с разрешения комдива.

Ко мне подполз начальник связи полка Ожередов. Он доложил, что начальник направления дивизионной связи гвардии лейтенант Протасов в деревянном сарае неподалеку установил телефонный аппарат.

— Очень кстати, — обрадовался я.

С потерей танков остановилась, залегла и вражеская пехота. Но отдельные снаряды и мины продолжали рваться в расположении роты.

Когда я шел к сараю, чтобы по телефону доложить комдиву обстановку, одна из мин плюхнулась совсем рядом. Стоявшие за сараем кони встали на дыбы, норовя сорваться с привязи. Одному из них это удалось. Но не успел строптивый конь выбежать из укрытия, как тут же, вздрогнув, замер на месте. Ездовой привел его обратно. По шее коня текла кровь, а сам он мелко дрожал: холка сантиметров на пять ниже гривы была пробита крупным осколком. Входное отверстие было узеньким, а на выходе зияла широкая рана, болтался лоскут кожи. Из глаз раненого животного сочилась слеза.

Отругав нерасторопного ездового, приказал ему отвести всех лошадей глубже в лес, а ту, за которой он не углядел, — в ветеринарный лазарет.

С командиром дивизии связался быстро, доложил о контратаке, высказал и свое соображение: резервом полка нанести удар во фланг противнику, который сейчас залег на неподготовленном рубеже.

— Резерв берегите для более важного дела. А за то, что отбили контратаку, большое спасибо! Всем передайте мою благодарность. Да будьте бдительнее! Фашисты вновь могут пойти вперед. А скажи-ка, мил человек, — продолжал разговор Чурмаев, — где ты находишься и почему я тебя долго не мог найти?

— Нахожусь на наблюдательном пункте второго батальона, ранее был в пятой роте.

Комдив отчитал меня, напомнил, что место мое на НП полка, а не в роте. Затем, тяжело вздохнув, печально сказал:

— Несколько минут назад ранен командир девяносто второго полка гвардии подполковник Зверев, тоже большой непоседа...

Чтобы передать трубку телефонисту, мне пришлось наклониться. В этот момент сарай содрогнулся от удара страшной силы. Над головой что-то стремительно пролетело. В воздухе закружилась мелкая щепка, поднялось облако пыли. В стене появилась большая круглая дыра. Такая же пробоина светлела и в другой стене, противоположной. Спустя некоторое время опять тяжело грохнуло. Все находившиеся в сарае припали к мерзлой земле. Но выстрелов больше не повторилось.

— Наше счастье, что у немецкого артиллериста не было фугасных снарядов. Осталось бы от нас одно мокрое место! — сказал кто-то из связистов.

— Вот именно! Если бы да кабы, во рту выросли б грибы! — с иронией пробурчал Личагин.

Эти внезапные выстрелы обеспокоили меня. Я приказал начарту полка найти вражескую противотанковую пушку и уничтожить ее.

— Я видел, откуда вела огонь эта пушка! — неожиданно раздался голос за спиной.

Обернувшись, увидел высокого, смуглого офицера лет двадцати трех с живым веселым лицом.

— Старший лейтенант Сирик Николай Ефимович! Прибыл в полк на должность помощника начальника штаба по оперативной части!

«Вот как! Прислали нового человека на мою прежнюю должность! — с тревогой подумалось мне. — А что же буду делать я, когда вернется Орехов?»

Вслух же сказал:

— Хорошо, Николай Ефимович. Но прежде, чем знакомиться с делами, покажите-ка нашим артиллеристам эту злополучную пушку.

7

Спустя два дня, в ночь на 20 марта, 28-я гвардейская стрелковая дивизия вышла из боя. А на следующий день получила значительное пополнение: в нее влилась 22-я отдельная стрелковая бригада лыжников пермского формирования. 89-й полк получил целехонький лыжный батальон во главе с командиром капитаном Иваном Андреевичем Костенко и его заместителем старшим лейтенантом Владимиром Антоновичем Шишковцом. Этот батальон по рекомендации Чурмаева стал именоваться 1-м. Был восстановлен и 3-й батальон, который возглавил капитан Михаил Алексеевич Жиделев.

23 марта, уже на марше, в полк возвратился Василий Романович Орехов.

— Ну, рассказывай, как воевал, — потребовал он от меня.

— Как все, без видимых успехов...

— Не скромничай! Я был уже у комдива. Чурмаев о полку отзывается хорошо, да и о тебе тоже. Молодцы, гвардейцы! Не уронили чести своего командира.

— Старались... Чем же теперь мне заниматься, товарищ гвардии майор? — как бы между прочим, спросил

я. — За ваше отсутствие на мое прежнее место прислан старший лейтенант Сирик.

— Как чем? Будешь начальником штаба полка. Капитана Шубина отзывают в дивизию. Вот и берись за новое дело.

— Если так, благодарю за доверие. Постараюсь его оправдать!

— Вот и лады...

8

Боевые действия в составе Северо-Западного фронта для бойцов и офицеров 89-го гвардейского стрелкового полка, как и других частей 28-й гвардейской стрелковой дивизии, закончились. Круговерть весенней стратегической перегруппировки войск не оставит в стороне и нашу дивизию. 29 марта 1943 года, погрузившись на станции Любница в железнодорожные эшелоны, она будет переброшена на другой фронт большой войны.

Больше года наш 89-й гвардейский стрелковый полк вел боевые действия в лесах и болотах, расположенных вокруг города Старая Русса. Об этих упорных, ожесточенных боях в сводках Совинформбюро сообщалось весьма скупое, как о боях местного значения. Однако любая схватка с врагом — это всегда крайне тяжелое испытание, это предельное напряжение всех сил: и моральных, и физических.

Сказывались, конечно, и условия местности. Болота здесь проглатывали воинов до пояса. Повозки, пушки — все, что на колесах, — подчас увязали в трясине. Солдатам приходилось десятками дней лежать буквально в воде, подставляя под себя еловый лапник или просто хворост. Блиндажи и то вынужденно сооружались на зыбком болоте, забирались в них ползком.

Бойцы полка и дивизии видели варварскую бомбежку деревень, тихие, но полноводные, коричневого оттенка реки Пола, Ловать, Редья и Полисть, по течению которых нередко плыли трупы.

Время, проведенное гвардейцами на Северо-Западном фронте, стало временем их ратного возмужания. Они создавали, что общая большая победа складывается из част-

ных, пусть малых побед в боях за каждую конкретную высоту, траншею, водный рубеж, населенный пункт.

Гвардейцы покидали Северо-Западный фронт с чувством исполненного солдатского долга. Несмотря на все трудности, которые, казалось, могли подорвать у людей силу духа и стойкость, они выполнили приказ Родины и вместе с воинами других соединений фронта не позволили фашистам выйти на Валдайскую возвышенность, помогли защитникам Москвы и Ленинграда, оттянув на себя значительные силы врага, не допустили переброски частей противника на другие важные направления.

Воины 28-й гвардейской стрелковой не только стойко оборонялись, но и наступали.

Они были награждены шефским Красным знаменем трудящихся Пермской области, получили гвардейское знамя. Эта школа пригодилась дивизии в последующих боях, когда она принимала активное участие в контрнаступлении под Курском на Белгородско-Харьковском направлении. За успешные боевые действия и участие в освобождении Харькова 28-я гвардейская стрелковая дивизия будет удостоена почетного наименования Харьковской, а еще позднее станет Краснознаменной. Многие воины получают высокие правительственные награды. Гвардии младшие лейтенанты И. Мамедов, В. Горелов и гвардии сержант В. Тимошук станут Героями Советского Союза. У меня на груди рядом с орденом Красной Звезды, врученным за бои на Северо-Западном фронте, появится орден Красного Знамени, а потом и орден Отечественной войны I степени.

Дальнейший путь воинов нашего полка и всей дивизии будет лежать через жестокое сражение на Днепровском плацдарме, через бои за Кривой Рог, Вознесенск. Форсировав каскад рек Ингулец, Ингул, Южный Буг, Днестр,

И. А. Вязанкин, полковник в отставке, кандидат военных наук

Ветераны в гостях у пермяков. У почетного знамени гвардейской дивизии

Дунай, пройдя тысячи километров фронтовых дорог, они встретят победу в освобожденной Болгарии.

Завершая повествование, считаю нужным сказать, что здесь упомянуты далеко не все бои и их герои. Да и рассказать обо всех просто невозможно. Знаю только одно: и тот солдат, что был первым сражен в июне 1941 года, и тот, который выпустил последнюю победную очередь в пражское небо, одинаково достойны доброй памяти и благодарности потомков.

*Павшим и живым однополчанам
посвящается*

Г. И. ЦАУР

ИЗ БОЯ В БОЙ— СОЛДАТСКОЕ ЖИТЬЕ

В шести крупнейших стратегических операциях принимала участие 94-я гвардейская Краснознаменная ордена Суворова Звенигородско-Берлинская стрелковая дивизия, сформированная в 1942 году в Прикамье. Боевое крещение она получила в Сталинграде, а закончила войну в Берлине.

ШЕСТЬ ШАГОВ К ПОБЕДЕ

Идут годы, десятилетия, все дальше от нас во времени отдаляется священная война против фашизма, но пристальный, глубокий интерес к ней не ослабевает.

Чем это объяснить? Разве новые и новые впечатления нашей быстротекущей жизни не отодвигают события полувековой давности? Разве не естественно было бы предположить, что наша память должна освободить нас от всего горестного и страшного, что неизбежно несет с собой война?

Возможно, по законам формальной логики это и было бы естественно, однако жизнь человеческая бесконечно шире, многообразней, неожиданней. Нет, не утасает с годами общее для всех нас желание глубоко понять правду о войне. Не только не утасает, а побуждает снова и снова вспоминать.

На огромном фронте от Баренцева до Черного моря, протянувшемся на 4000 километров, заработала, перемалывая солдатские кости, кровавая «мясорубка» войны. Враг был остановлен, а затем отброшен за границы нашей Родины, изгнан с территорий европейских государств и окончательно разгромлен в своем логове.

Среди 187 частей и соединений, наиболее отличившихся при штурме вражеской столицы и получивших за это почетное наименование Берлинских, была и 94-я гвардейская Краснознаменная ордена Суворова Звенигородская стрелковая дивизия, сформированная в Пермской области в 1942 году.

Железнодорожной станции Теплая Гора и поселку с тем же названием; суждено было сыграть в жизни многих тысяч уральцев, да и не только уральцев, особую роль. В августе 1942 года здесь родилась стрелковая дивизия, покрывшая себя в боях с гитлеровскими захватчиками неувядаемой славой. На протяжении всего своего боевого пути

соединение не порывало кровной связи с пермской землей, черпая отсюда не только резервы, но и огромные духовные силы.

«Уралыцы бьются здорово» — эта оценка Верховного Главнокомандования Советской Армии стала определяющей для многих соединений, сформированных на Урале. Она подтверждалась и действиями 94-й дивизии.

94-я гвардейская стрелковая дивизия формировалась на базе Пермской 96-й и Саратовской 143-й (14-й) отдельных стрелковых бригад.

Обе эти бригады с октября 1942 года до 2 февраля 1943 года принимали участие в Сталинградской битве до полного разгрома 330-тысячной немецко-фашистской группировки. Они входили в состав 64-й армии генерала М. С. Шумилова, пленившей Паулюса и его штаб, и дрались плечом к плечу на одном участке фронта.

Потом была Курская битва. 94-я гвардейская стрелковая дивизия воевала здесь в составе Степного фронта (командующий И. С. Конев) на Белгородско-Харьковском направлении. За успешные действия личный состав дивизии трижды получал благодарность от Верховного Главнокомандующего. В боях под Белгородом в частях дивизии появились ее первые четыре Героя Советского Союза. В честь частей, освободивших этот город 5 августа 1943 года, в Москве впервые прозвучал салют.

Начало 1944 года ознаменовалось для дивизии участием в Корсунь-Шевченковской операции, в ходе которой гвардейцы вышли в район Звенигородки на соединение с войсками 1-го Украинского фронта. Приказом Верховного Главнокомандующего дивизии было присвоено почетное наименование Звенигородская, а всему личному составу объявлена благодарность.

Затем 94-я гвардейская принимала участие в Яско-Кишиневской операции. За взятие Кишинева и ликвидацию окруженной группировки противника юго-западнее столицы Молдавии 288-й гвардейский стрелковый полк получил наименование Кишиневский, а 283-й гвардейский стрелковый полк награжден орденом Богдана Хмельницкого II степени.

В Висло-Одерской операции дивизия наступала на главном направлении. Перед ней была поставлена задача: прорвать оборону противника в направлении Грабув — Пилица, с ходу форсировать Пилицу и обеспечить переправу танковой армии и ввод в прорыв механизированных частей

1-го Белорусского фронта. За успешные действия при прорыве обороны немцев на Магнушевском плацдарме 283, 286 и 288-й стрелковые полки дивизии были награждены орденом Красного Знамени, а батальон связи — орденом Красной Звезды. За успешное преследование немцев в междуречье Вислы и Одера 286-й гвардейский стрелковый и 199-й артиллерийский полки, а также 100-й отдельный самоходно-артиллерийский дивизион получили наименование Бранденбургских.

Были отмечены и подвиги отдельных бойцов и командиров. 19 воинов дивизии стали Героями Советского Союза.

Завершила свой путь дивизия в Берлине. Активные действия по прорыву обороны противника она начала 14 апреля и закончила 2 мая 1945 года. И опять уральцы показали себя с лучшей стороны. Дивизия и ее 283-й гвардейский стрелковый полк стали Берлинскими. 199-й гвардейский артполк был награжден орденом Красного Знамени, а 100-й отдельный самоходно-артиллерийский дивизион — орденом Александра Невского. Командующий нашей 5-й ударной армией Н. Э. Берзарин был назначен первым командантом Берлина.

Как-то мы подсчитали: оказалось, что войны дивизии с боями прошли 1519 километров. Прибавьте к ним примерно 1050 километров, пройденных при преследовании противника и передислокации, да еще более 2000 километров, которые гвардейцы проехали по железной дороге или другим транспортом. Впечатляющая цифра получается, не правда ли? Впрочем, можно считать и по-другому. Сталинградская битва, Орловско-Курская битва, Корсунь-Шевченковская, Ясско-Кишиневская, Висло-Одерская, Берлинская операции — вот наши шесть шагов к Победе. Шесть шагов, но каких трудных...

В этих воспоминаниях я не ставил перед собой цель проследить в подробностях и хронологической последовательности весь боевой путь родного мне соединения — да это и не под силу одному человеку, который в условиях фронта выполнял более чем скромные обязанности штабного работника.

В силу обстоятельств и по ряду причин я вел некоторые записи «для памяти». Буду считать свою задачу выполненной, если молодого читателя заинтересует все происшедшее в те сложные огненные годы с нами...

Большую помощь в работе над книгой оказал мой однополчанин Александр Иванович Замяткин, который собрал

большой фактический материал о нашей 96-й бригаде — 94-й гвардейской дивизии и любезно передал мне, за что и выражаю ему свою искреннюю признательность и благодарность.

Глава I

ОСЕНЬ В ТЕПЛОЙ ГОРЕ

Как таковой, горы в этом пристанционном поселке не было. Так нарекли железнодорожную станцию строители, прокладывающие магистраль на Горнозаводское направление.

Сюда в августе 1942 года стали прибывать эшелоны с людьми и боевой техникой.

Первоначально новое воинское формирование именовалось 96-й отдельной стрелковой бригадой. Соединение предназначалось для ввода в бой в составе резерва Ставки. Вот почему эшелоны прибывали непрерывно, разгружались без задержки, все делалось без суеты, но быстро.

Страна в те дни жила сообщениями из-под Сталинграда, где гитлеровские войска предпринимали одну атаку за другой, чтобы прорвать мощную оборону и захватить город. Мы, прибывшие на формирование из разных областей Урала, а также моряки Тихоокеанского флота, пограничники и бойцы войск НКВД, не знали еще своей дальнейшей судьбы, однако втайне мечтали попасть в Сталинград. Правда, те, кто возвращался в армию из госпиталей, побывавшие уже в боях, смотрели на нас, необстрелянных, не нюхавших пороха, не знавших окопной жизни, как на желторотых птенцов и откровенно жалели. Впрочем, стариками или дедами мы, новобранцы, не называли никого.

Бывалые солдаты проявляли к нам внимание, сочувствовали нам. Это только представить себе надо: сочувствовали. И каждый старался передать нам хоть какую-то крупницу своего опыта боевой жизни. Фронтовики жалели нас не потому, что нам скоро придется драться, а потому, что мы мало что умели.

Я и теперь вспоминаю первые дни на передовой с чувством огромной благодарности к тем опытным бойцам, которые, как старшие братья, прикрывали нас собой не только от ветра и дождя, но и от пуль и осколков.

Из Свердловска в Теплую Гору нас приехало человек

Г. И. Цаур

пятнадцать. До этого друг друга мы не знали, но здесь за каких-то день-два сошлись, познакомились и были уже неразлучны. Часто к нам в батальон, а затем и в комендантскую роту, куда меня определили в первый же день, заходили комбриг полковник Г. Артемьев, начальник штаба подполковник В. Минеев и начальник политотдела старший батальонный комиссар М. Поляков с батальонным комиссаром А. Фукиным, добрым, отзывчивым человеком, хотя и несколько мрачноватым с виду. Появлялись у нас и другие офицеры, поскольку именно в расположении

комендантской роты на первых порах были сосредоточены все средства управления. Мы были самыми осведомленными о делах бригады и страшно гордились этим.

Комбриг, начальник штаба и начальник политотдела выделялись из всей массы командиров. Еще бы, они были на фронте с первого дня войны, имели по несколько ранений и боевых наград. Последние нам, новобранцам, казались особенно недостижимыми. За каждым орденом, за каждой медалью виделся подвиг. Далеко не всякий из нас мог с полной уверенностью сказать, что готов в критической ситуации поступить так же, как наши командиры. Поэтому всякий раз, когда удавалось накоротке поговорить с кем-то из них, спрашивали прежде всего о том, как было на фронте. На что Георгий Николаевич Артемьев, образованнейший и весьма культурный человек, ответил однажды, осердясь:

— Если боитесь бесславно умереть, попроситесь в обоз. А вообще я советую не тратить времени зря, а больше заниматься стрелковой подготовкой. Даже в личное время.

Впрочем, как такового, личного времени в эти дни у нас не было вовсе. Наиболее расторопных бойцов, имеющих хорошую общеобразовательную подготовку (у меня, например, к тому времени был за плечами геологический техникум), посылали на сложные участки работы, где требовались распорядительность и знание инструкций. Вот мы по вечерам и штудировали их. А ночью, как правило, нас на-

правляли на помощь к тыловикам, у которых был в то время самый настоящий передний край. Утром же в обязательном порядке мы шли в составе своих взводов на занятия. И так каждый день.

Через неделю меня уже ноги не держали. Хотелось лечь спать — все равно куда: в канаву ли у станционного светофора, где складывались снарядные ящики, в сарай ли по соседству с домом, где располагался штаб бригады и где ни на час не затихала работа, или просто на скамейку у стола, где мне приходилось опять-таки в свободное от занятий время рисовать топографические карты для офицеров младшего звена. Бригада готовилась к предстоящим боям, и это накладывало особый отпечаток на всю нашу жизнь.

С картами вообще было до странности плохо. Их не хватало даже на руководящий состав, а уж об отделениях и говорить нечего. Самые шустрые из командиров находили пути к нашим сердцам и уговаривали сделать им в планшетку две-три карты-схемы из тех, что мы рисовали для руководства.

Уже много позже я узнал, что в первые часы войны почти вся картографическая служба страны была выведена из строя. Склады с картами, расположенные в приграничных округах, и даже те, что находились в центре страны, подверглись прицельной бомбежке и были в большинстве своем уничтожены. Армия оказалась без карт.

Что это значит, понятно, видимо, не каждому. В первые военные месяцы по своей родной земле приходилось ходить вслепую...

Формирование шло успешно. Каждое утро начальник оперативного отделения бригады капитан М. Аглицкий, высокий стройный брюнет, докладывал комбригу о проделан-

Командир 94-й отдельной стрелковой бригады (с момента формирования и до 18 ноября 1942 г.) полковник Г. Н. Артемьев

ном за истекшие сутки. Надо отдать должное капитану: он превосходно знал ситуацию в батальонах и ротах, старался самолично побывать в местах выгрузки боевой техники и в расположениях личного состава, сам оценивал степень деловитости командиров. Одновременно он знакомился с прибывающими из училищ офицерами. Это было важно именно сейчас, до начала боевых действий. Михаил Павлович каждому из них давал поразительно точные характеристики. Спустя время многие из этих, как мне тогда казалось, поверхностных, поспешных оценок получили подтверждение. Так, два комбата, названные капитаном Аглицким «сонными павлинами», вскоре были отстранены от должности за нераспорядительность и неспособность управлять личным составом.

К нам в бригаду почти каждый день приходили делегации от пермских предприятий и учреждений. Из штаба их отправляли с сопровождающими по подразделениям, где гостям были очень рады. Любая такая пусть мимолетная встреча приносила ощущение радости и домашнего тепла. Гости, как правило, приезжали с подарками. До сих пор храню маленькую деревянную табакерку с надписью на инкрустированной крышке: «На долгую память дорогому бойцу-защитнику. Люба Кострина, сентябрь 1942 года».

Я никогда не курил, но табакерка прошла со мной по дорогам войны, согревая теплом воспоминаний о тех днях, когда ночные осенние звезды на небе Прикамья казались большими, теплыми и очень близкими — протяни руку и дотронешься. Каждая звезда, по народному поверью, это человеческая душа. Упала звезда — кого-то не стало. И очень хотелось верить, что уж моя-то звездочка не упадет. Будет светить.

В те дни мы писали много писем, словно хотели наговориться, нашептаться вдосталь с родными о том, что грезилось во снах и наяву, что казалось близким или несбыточным. Происходило это, как мне теперь кажется, потому, что мы стали бояться одиночества, наслушавшись рассказов бывалых солдат. Они говорили, что одному на поле боя быть — пропащее дело. Солдат Сомов из-под Смоленска обмолвился как-то:

— Ты, Гриша, пропадешь сразу, если рядом плеча не будет. Вот когда и рядом, и спереди, и сзади дружок будет — есть шанс не сгинуть в этой прорве.

Я запомнил накрепко эти его слова и никогда не отрывался от товарищей. В общем-то, мне очень хотелось вы-

жить. Но еще больше хотелось сохранить уважение к себе, не прятать от людей глаза...

Дни проходили за днями. Учеба с неотвратимой суровостью делала из нас, сугубо гражданских лиц, военного брата-солдата. И хотели мы того или нет, но обстоятельства всего предбоевого уклада жизни выявляли истинную сущность каждого. А ведь это было очень важно знать: кто с тобой в бою окажется по правую и левую руку — друг, просто сосед или трус? Вот в чем вопрос...

Учились военной науке старательно, с охотой. Бегали, прыгали через рвы, преодолевали проволочные заграждения, бросали захватанные пустые «лимонки», противотанковые гранаты, представляя, как угрожающе наползают на окопы фашистские танки. Все было всерьез. Фронтовики здесь показывали пример: окапывались, изготавливались к штыковой атаке, ползали по остывающим лужам, стреляли по мишеням. Решительно всё они делали в состоянии какого-то пугающего оцепенения. Яростно, до зубовного скрежета и неутихающей боли в скулах.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ТВОЯ КРЕПОСТЬ

Опыт Отечественной войны показывает, что многие бойцы погибают на поле боя из-за своей беспечности, нерадивости и лени. Пренебрежительное отношение к лопатке, нежелание зарыться в землю приводит к ненужным жертвам, к напрасной крови.

— Лезь глубже в землю. Она, матушка, спасет тебя и от мины, и от авиабомбы, и от пули, и от гусеницы танка. Глубокий, хороший окоп — твоя крепость, — учит опыт войны.

Задача командиров, политработников, наших агитаторов и бойцов-фронтовиков — учить этой истине всех воинов, прививать в них любовь к лопатке, тренировать их в отрывке окопов, внедрять в их сознание, что окоп на поле боя — это настоящая крепость, которая оградит бойца от пули, осколка и гусениц танка.

На всех занятиях по тактике необходимо учить бойцов самоокапыванию. Не должно быть никаких условностей. На занятиях мы должны выработать привычку у каждого бойца в обороне или наступлении готовить для себя отвечающий всем требованиям современного боя надежный окоп, такой окоп, из которого можно вести эффективный огонь и который будет как неуязвимый панцирь прикрывать бойца.

Лопатка — не бремя, не излишний груз, как думают некоторые

неискушенные войной бойцы, а подруга воина. Она нужна в бою, как винтовка или автомат. Лопатка несет тебе жизнь, если ты будешь ее использовать.

Мне различные дисциплины солдатской науки давались не одинаково быстро и хорошо, хотя на отсутствие спортивной подготовки жаловаться я не мог. Сказывался тяжелый, далеко не хлебосольный 41-й год. Тогда приходилось экономить на самом необходимом, переживая поясным ремнем непреходящий голод. На постоянном солдатском довольствии, конечно, стало полегче. Ребята поговаривали, что, как только переведут на фронтовую норму, начнет завязываться и жирок.

Все это, понятное дело, не составляло главных забот, однако и не игнорировалось совсем. Жизнь оказывалась сильнее войны. Люди тогда в большинстве своем были оптимисты. Не было и тени сомнения в том, что победа будет добыта. Наиболее расторопные из новобранцев быстро обзавелись покровительницами из близлежащих к станции сел. Это внесло в нашу жизнь некоторое разнообразие. Но скромные тыловые развлечения были пресечены, когда однажды ночью по команде: «В ружье!» командир роты не смог собрать и половины личного состава. Вот тут нас и взяли в оборот. Хорошо, что до расследования дело не дошло, пришел приказ грузиться в эшелоны.

Я написал тогда домой: «...Родные мои, здравствуйте! Наконец-то после долгого ожидания попал в вагон воинского эшелона. Пишите мне по адресу полевой почты. Это значит, что скоро, очень скоро буду бить фашистского гада. За меня не волнуйтесь, стрелять я научился хорошо: из десяти пробных восемь пуль кладу в серединку».

В пути до города Кирова, где была первая остановка, познакомился с сержантом Загольниным, хмурым, мало-разговорчивым мужиком. Роста сержант был неимоверно большого, где-то под два метра, и мне, шупленькому с виду, было просто невдомек, как это такой верстовой столб умудряется проникать в полузакрытую дверь теплушки да и вообще довольно шустро передвигаться.

Меня Загольнин приметил на второй день пути и, видимо, из жалости освободил мне место на нарах, которые, как рассказывали ребята, сколачивал себе сам накануне отправки эшелона. Видно, мастеровой был. Нары оказались широкие и длинные — на полвагона. А рядом чугунная печка, так что устроился я вполне уютно.

Родом Тихон Савельевич был из Сосьвы, работал до войны в кузнице и очень гордился тем, что его портрет — лучшего кузнеца Прикамья — был помещен в павильоне Выставки достижений народного хозяйства в Москве. Там Тихона весть о войне и застала. Ехать домой он наотрез отказался, стал ходить по инстанциям, проситься на фронт. Упорством одолел все преграды, и вскоре по личному распоряжению А. С. Щербакова, тогдашнего секретаря Московского городского комитета партии и секретаря ЦК ВКП(б), его зачислили в состав десантной роты особого назначения.

Что за назначение было у той роты, я так и не выяснил, только понял по рассказам Тихона Савельевича, что хлебнуть огня на войне ему пришлось куда больше, чем у кузнечного горна. Был тяжело ранен. Отлежавшись с полгодика дома, в своей родной Сосьве, снова ушел воевать.

— Послушай, брательник, — ткнул меня тихонько в бок сержант, — не скажешь ли ты мне одну штуку, уж коль грамоте серьезно обучен: какая разница между фрицем и картошкой?

Я удивился вопросу и пробурчал что-то невнятное.

— Так вот. Из картошки моя жена Настя десять всяких кушаний сготовить может. А из фрица что? Только одна отбивная. Правда, картошка там, за Камой, осталась, а за отбивной пришлось нам с тобой поехать. Утолковал разницу?

И он громко, от души рассмеялся, довольный своей придумкой.

От Кирова до Горького путь показался долгим и особенно тяжелым. Причем не столько физически, сколько морально: непрерывным потоком мимо нас проносились санитарные поезда. Они нагоняли такую тоску и печаль, что домой писать совсем расхотелось. Одно радовало: солдаты, ехавшие в тех поездах, обинтованные вдоль и поперек, все же находили силы посылать нам ободряющие улыбки, махали костылями, шапками, что-то возбужденно и радостно кричали.

В нашу теплушку на одном из полустанков взобрался капитан Левченко. Позже я много о нем слышал как о человеке большой храбрости и мужества. Он спросил, есть ли среди нас артиллеристы, а потом рассказал грустную, но поучительную историю о том, как нелепо погиб солдат, потерявший веру в возможность остаться живым.

— Она-то действительно страшная, эта война, — говорил Левченко. — Немец жмет, и уберечься трудно. Да ты только не лезь по-глупому. Лезь по-умному, чтобы его убить, немца. А будешь хорониться, пуля сама тебя найдет. Она видит, кто ее сильно боится. Того и достаёт. Поняли?..

Капитан говорил по-простецки, хотел, чтобы до каждого дошла его главная мысль: надо быть думающим солдатом, не прятаться от противника, а искать его, чтобы уничтожить. Вроде бы незатейлива мысль, но тот разговор многим, особенно молодым бойцам, запал в душу.

К сожалению, сам-то Левченко не дожил до Победы. Геройски погиб.

Глава II

ВОЛГА В ОГНЕ

В Тамбов приехали ночью. По эшелону был передан приказ — из вагонов не выходить, удвоить бдительность, с посторонними и подозрительными лицами в контакт не вступать: могут быть, дескать, нападения диверсантов.

Меня и двух матросов назначили в патруль. Во главе с лейтенантом В. Астраханским мы ходили вдоль эшелона, пугая всех своим свирепым видом и готовностью каждого встречного и не знающего пароля арестовать как диверсанта. Матросы были корабельными артиллеристами, косая сажень в плечах. Они все порывались выйти на соседний путь: пошире, мол, прочесать надо. Если есть диверсанты, они наверняка рядом, и их можно будет схватить. Ребята молодые, горячие, они еще не были в бою и торопились поскорее встретиться с фашистами лицом к лицу.

Ненависть к врагу у всех нас была беспредельной. На подъезде к Тамбову мы уже видели разбитые станционные поселки, от которых остались только печные трубы да кое-где каменные остоны домов. Станция Кочетовка тоже была разбита и сожжена. Чудом оставшийся возле железнодорожного полотна домик смотрителя, видно, был заговорен от бомб. Невероятной казалась случайность, которая сохранила этот ветхий, сложенный из бута домишко в два подслеповатых окна. Возле него, не обращая никакого внима-

ния на нас, выбравшихся из теплушек, чтобы размять ноги, окаменело стояла облезлая дворняга. Собака, похоже, была нездорова. Она не лаяла, а только тихо повизгивала.

Николай Нагорный, стрелок из второй роты, предложил успокоить ее пулей, чтобы не одичала. Но его усовестили: «Собачья душа к жизни тянется, может, и не околеет...»

Подали команду: «По вагонам!» — и мы снова тронулись в путь. Разговаривать не хотелось. В глазах стояли этот одинокий домик станционного смотрителя, которого, наверное, уже не было в живых, и умирающая от голода собака.

Перед Аткарском у нас в вагоне прибавилось еще несколько человек — перебрались из последней теплушки, куда набилось народу выше нормы из тех, кто любил ветерок. Ребята оказались веселыми, хорошими рассказчиками. Двое были воронежскими. Про свой город, который в эти дни оказался в самом пекле боев, говорили с особым запалом. Дмитрий Фокин, старший из них, работал до войны в школе учителем истории. Он уже успел получить ранение в руку и контузию. Отступал до своего родного Воронежа от самой границы. Потом его отправили самолетом на Урал долечиваться. Теперь вот Дмитрий возвращался в родные края. С нескрываемой тоской смотрел он на проносящиеся за окном пейзажи.

На западе по ночам возникали огненные всполохи в полнеба, и это тревожило нас. Мы почему-то с каждым часом отдалялись от тех мест, где шли бои, а ведь это вовсе не входило в наши планы: мы знали, что направляемся на фронт и он здесь, рядом. А поезд мчит дальше...

Дмитрий, как бывалый уже солдат, посмеивался:

— Торопиться надо к повару за кашей, чтобы голодными не остаться, а за пулей в грудь всегда успеется. На всех нас припасено, да не по одной...

— А что ж ты торопишься, раз такой умный? — осердился как-то Женя Кригер, связист из Верхней Пышмы, молодой, но уже успевший узнать жизнь не только с лучшей стороны парень. Перед самой войной он вышел по амнистии из тюрьмы, куда попал явно не по своей воле.

— А свою норму я уже принял, — усмехнулся Фокин. — Теперь все мимо меня лететь будут, тем более что я сквитаться с фрицем должен за мать и сестренку замученных. Они у меня уехать не успели, под немцем остались...

— Может быть, все обошлось, живы еще, — сочувственно предположил кто-то. — Так бывает.

— Да нет, точно знаю, — с безнадежностью в голосе ответил Дмитрий. — Письмо в госпитале от соседа получил. С его племянником в одной палате лежал. Так он быстро списался со своими. Потому точные у меня сведения...

Эшелон продолжал свой ход, а мы, сгрудившись у дверного проема, всматривались за линию горизонта и думали о своем. Там, в задымленных оврагах, лежит чье-то неизбывное горе. Как тяжело сознавать, что до конца войны еще далеко.

Уже многим позже, вспоминая о том пути мимо малой родины Дмитрия Фокина, погибшего в Сталинградской битве геройской смертью (видно, принял на себя чью-то долю свинца), я невольно подумал о том, что надежда всегда должна жить в человеке. И надо чаще думать о хорошем и верить в него. Как потом выяснилось, мать и сестра Дмитрия оказались живы. Они действительно были на оккупированной гитлеровцами территории. Но, вопреки всем невзгодам и трудностям, смогли выбраться невредимыми. А Дмитрий, потеряв веру, уже не остерегался и, может быть, даже сам искал опасность.

Впрочем, сейчас можно только предполагать. Помню одно: был он до отчаянности храбр и, когда его спрашивали, откуда это у него, всегда усмехался:

— От корней. Мы, воронежцы, к Петровым чудо-богатырям восходим. Наш город в воинских доспехах родился.

Да, действительно, смелый и гордый народ всегда населял воронежскую землю, и Дмитрий Фокин был его достойным представителем в нашей бригаде. И, конечно же, не он один.

Но и уральцы были не робкого десятка. Я вспоминаю Анатолия Кондратьева, командира стрелковой роты, о которой в дивизии ходили легенды. Наша дивизионная газета «Сталинская гвардия» целые страницы посвящала рассказу о подвигах гвардейца Кондратьева. Вспоминаю Валентина Семеновских. На фронт он ехал как раз в нашем вагоне. Он был, пожалуй, самый опытный из всех нас и быстро стал всеобщим любимцем. Начал свой боевой путь Семеновских в 146-м лыжно-истребительном батальоне 51-й дивизии на Калининском фронте. Под Ржевом был ранен. Валентину Васильевичу довелось побывать в тяжелых ситуациях. Он щедро делился с нами опытом, всякий раз вспоминая все новые и новые подробности.

— Как-то наш снайпер Гриша Варламов в историю попал, — в очередной раз начал Валентин Васильевич. — Снайперы, они народ неторопный и все больше из сибиряков-охотников. Так вот, стрелял наш Гриша отменно. Но тут и фриц ему попался не из простых. Его пятая пуля сбила котелок, висевший над головой Варламова, а двенадцатая обожгла ему щеку.

— Что ж это за снайперы, если такую войну открыли. Двена-а-дцатая пуля! — передразнил Фокин. — Два-три выстрела — вот дуэль снайперов. Об этом в газетах пишут. А тут десяток — и ничего.

— Так в том и дело, что фриц из блиндажа стрелял.

— Ну ладно, будет мешать, — зашумели солдаты со всех сторон. — Давай, Василич, рассказывай.

Прибодренный, Семеновских продолжил:

— Полтора часа Варламов обменивался выстрелами с фрицем — и все без толку. Снайпер стрелял, появляясь в поле зрения на какую-то долю секунды, и тут же снова исчезал. Варламов никак не мог поймать его в прицел. И все же он раскусил тактику врага.

К рассказчику придвинулись и те, кто до этого слушал, как говорится, вполуха.

— Понимаете, фашист все время стрелял вторым. Он ждал, когда выстрелит Варламов. И пока тот заряжал винтовку, фриц высовывался и бил сам.

— Вот, сука, хитрый какой! — подался вперед худенький и очень живой Ким Василюк. — Надо же, как приспособился...

— Да, вот так и приспособился, — повторил Валентин Васильевич. — Да только наш Гришуня хитрее оказался. Нацелив свою винтовку, он закрепил ее прочно. Потом положил рядом вторую. Левой рукой дернул крючок у нее. На выстрел, как чертик из коробки, фриц и выскочил. В ту же секунду Гришуня ударил вторично. Фриц больше не появился.

— Схлопотал, значит, — заключил Фокин. — Во, знай наших!

Ближе к Саратову было уже не до разговоров. Неутомимые рассказчики вдруг разом притихли. Когда переезжали Волгу, дух захватило от увиденного. Река была бурокрасной. Местами огонь распространялся прямо по воде — горел мазут, дымом застелило берега.

Двери не закрывали. Поступил приказ при появлении фашистских самолетов открывать огонь из винтовок.

Авиационная разведка противника уже засекла движение войск. Мы это поняли по частым налетам фашистов, доставлявших много хлопот всем нашим службам. Вот что об одном таком нападении с воздуха рассказала мне военфельдшер наших соседей из 64-й армии Людмила Константиновна Орлова, которая, оказывается, находилась в эшелоне, следовавшем за нашим. Нас обошла, как говорится, сия чаша, а вот им досталось.

«На станцию Алексиново примерно в час дня налетело тринадцать «юнкеров». Развернувшись, они со страшным воем стали пикировать. Один, второй, третий раз. Грохочут взрывы. Горят вагоны. Тревожно гудят паровозы. Машинисты под летящими бомбами цепляют составы, пытаются вывести их из-под огня. Начали рваться боеприпасы. И самое нестерпимое — ржание, дикое ржание лошадей в закрытых вагонах. Оно до сих пор слышится мне по ночам...

А самолеты, отбомбившись, на бреющем полете стали расстреливать людей.

Жарко, ах, как жарко было и на станции Арчеда! Не успели подойти к ней эшелоны с танками, как тут же в небе появились вражеские стервятники. Танкисты — народ решительный. Они стали заводить свои машины прямо на платформах. Оттуда, с платформ, танки прыгали на землю и уходили подальше от этого кромешного ада...»

Глава III

В ПРЕДБОЕВЫХ ПОРЯДКАХ

Прибыли на станцию Харабали. Несколько дней пути измотали нас. Казалось, на восстановление сил потребуется много времени. Однако, выбравшись из вагонов, почувствовав под ногами земную твердь, мы уже через полчаса готовы были двигаться пешим порядком в любом направлении.

Политрук, быстро собрав агитаторов, сообщил, что сейчас в Сталинграде идут бои и наш долг, быстро перепра-

вившись в районе Черного Яра через Волгу, помочь дивизии полковника Кирсанова.

Споро разгрузившись, колонной пошли к переправе.

Берег великой русской реки, которую мне до этого еще ни разу не приходилось видеть, был похож на ярмарочную площадь в пасмурную погоду. Тысячи людей, лошадей, машин, каких-то невероятных сооружений на колесах и без колес. И все это множество под покровом ночи куда-то двигалось. А куда — неизвестно. Мы тоже шли сначала в одном направлении, потом нас повернули обратно. Затем еще раз, затем куда-то вправо, и ни минуты на остановку — только вперед, к цели. Правда, где эта цель, знали лишь командиры.

Прошли маршем Zubовку, Старицу, Поды, Ступино, Солонники, Райгород... Еще какие-то поселки были, но названия их не запомнились — у каждого в мыслях был только Сталинград. Мы все до одного уже осознали к тому времени, что военной судьбой нам назначено стать сталинградцами...

Потом, после войны, мы вместе с однополчанами проехали по тому нашему маршруту. Склонив уже седые головы, постояли у памятников и обелисков в честь павших защитников волжской твердыни. На них я насчитал более двух тысяч фамилий. Точнее — 2384.

Человек рождается для труда и забот, больших и малых радостей — для всего, что зовется коротким, но емким словом «жизнь». А живет для того, чтобы в конце пути сказать самому себе: посетил этот свет не напрасно. Или чтобы то же самое о нем сказали люди.

Эти «две тысячи триста восемьдесят четыре» не успели сделать в мирной жизни многого — они успели только уйти на фронт. Они только начинали прокладывать свою борозду на этой земле, и не их вина в том, что их поле жизни так и осталось невспаханным.

...Возле Ступино сделали большой привал. Здесь произошел случай, который врезался в память на всю жизнь.

Командиром 4-го батальона был капитан Меняйлов. Хороший командир, требовательный, дисциплину держал крепко. А так — простой, бойцам воевать с ним легко было. Он всегда впереди.

— Раз я, ребята, не боюсь, так и вы не робейте! — И всегда добавлял свое любимое изречение: — Бей, только пули не порти!

Так вот, на подходе к Ступино стали в лесопосадке. Только рассупонились, откуда ни возьмись — самолет немецкий, разведчик.

— Маскируйся, братва! — приказал командир. — И ничем не выдавать себя.

Бойцы пригнулись к земле, обняли хилые деревца — прикрыли ими себя. А немец будто заподозрил что. Начал над посадкой летать взад-вперед. Вот он взял еще ниже и пошел прямо на нас.

Выстрел прозвучал неожиданно. За хвостом самолета потянулся дым. Бойцы чуть не повскакивали от радости. Самолет повернул в сторону фронта, но, не дотянув, упал где-то за лесом.

«Молодец, парень! — думали мы о стрелявшем. — Ловко смазал фашиста».

Но капитан Меняйлов строго спросил:

— Кто стрелял?

К нему вышел сияющий боец.

— Ты подвел всех — обнаружил нас. Хоть пули и не испортил, но приказ нарушил. Фашист, пока падал, наверняка успел сообщить о нас по радио. За нарушение приказа будешь отвечать.

Командиры, посоветовавшись, решили срочно сменить позицию. И правильно сделали. На наших глазах над этим чахлым лесом закружились фашистские самолеты. Они устроили там такой тарарам, что не приведи господи!

В тот день потерь у нас не было. Бойца Лупахина наказали. Но ничего, урок он из этого извлек и, как рассказывали ребята, служившие с ним в одном батальоне, воевал в последующем хорошо, был награжден и после двух ранений вернулся домой на Урал. Но тогда для нас этот случай послужил предупреждением: первый закон на войне — приказ командира, и выполнять его надо свято.

Как теперь известно, именно 25 июля 1942 года по приказу Гитлера в бой под Сталинградом была брошена южная группировка фашистских войск. Только за один день немцы ввели в бой сто танков. Удар фашистов пришелся на линию обороны 229-й и 214-й стрелковых дивизий 64-й армии. Это, как впоследствии вспоминали участники боев, был всамделишный ад. Атаки шли волнами одна за другой в течение трех дней, пока силы у врага не иссякли. Но мы об этом еще ничего не знали, мы были на подходе к Сталинграду. Двигались ночью, так как днем и шагу ступить

было нельзя по открытой местности — в воздухе постоянно висели «рамы».

И вот наконец мы у цели. Южная часть Сталинграда. По беспроволочному солдатскому телеграфу тут же узнали, что будем менять выводимые из боя части 157-й стрелковой дивизии, точнее, тех, кто остался из этой дивизии в живых. Впервые услышал такие названия: Бекетовка, Старая Отрада.

Уже гораздо позже, читая мемуары полководцев, неоднократно встречал в них Бекетовку. Оказывается, волею судьбы я с товарищами оказался почти в самом эпицентре Сталинградской битвы.

Кстати сказать, сменяли мы своих предшественников не во время затишья — бои на участке бригады не прекращались. Немцы хотели сбросить ее в Волгу. В ночь с 19 на 20 октября мы окончательно укрепились на позиции от Волги до высоты 145,5 по Купоросной балке и рощам «Квадратная» и «Топор». Так было обозначено на картах, с которыми мне постоянно приходилось работать в ту пору, поэтому названия примелькались и довольно хорошо запомнились. Отложились в памяти и эпизоды первых боев. Дело в том, что нам отводилась, как оказалось, особая роль. 62-я армия в то время вела бои с гитлеровцами уже в самом городе, сдерживая все нарастающий натиск, — враг стремился захватить Сталинград и выйти к Волге. Действовала армия, используя силу своих штурмовых групп. Но когда этих сил уже не хватало, получали приказ на наступление мы. Завязывая с фашистами бои отдельными подразделениями, отвлекали значительные резервы противника на себя. Наши соседи, таким образом, получали передышку и возможность лучше подготовиться к очередным атакам врага.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ИЗ ОПЫТА БОЕВ

Перехитрили немцев

Две линии вражеской обороны были у нас позади. Немцы ожесточенно сопротивлялись, отстаивая свой третий укрепленный рубеж. Наше подразделение натолкнулось на огонь вражеского пулемета и залегло. Немец давал одну очередь за другой. Продвигаться было нельзя.

Гвардии старший лейтенант Кирпичев дал приказание: группе бой-

цов во главе с гвардейцем Мартыновым всячески отвлекать огонь вражеского пулемета на себя, а ручным пулеметчикам Сергею Федорову и Михаилу Конову обойти врага с фланга.

Захватив побольше боеприпасов, пулеметчики Федоров и Конов по-пластунски поползли влево. А в это время боец Мартынов, будучи в безопасном окопе совсем в другой стороне, то шапку из окопа высунет, то свернутую шинель приподнимет, то стрельбу откроет, чтобы немцу были дымки видны.

Немецкий пулеметчик ничего не пропускал. Пули его взрывали землю бруствера. Федоров же и Конов были уже близко к цели. Открыв внезапный огонь с фланга, они ранили немецкого наводчика, а остальные немцы, бросив пулемет, обратились в бегство.

При овладении третьей линией немецких траншей герои-пулеметчики Федоров и Конов подобным образом отбили у врага два станковых и один ручной пулемет, чем расчистили путь для своей пехоты.

Гвардии старший сержант
А. Григорьев

Помню, однажды меня с сапером Николаем Рыбчуком отправили на задание.

Настроение в ту ночь у меня было прескверным. Накануне шальной пулей убило моего друга Сашу Титова. Он заменил меня на каких-то две-три минуты в окопе у станка, мне надо было переобуться. А тут очередью полоснул фриц где-то за нейтральной полосой. Просто так, для острастки, они патронов не жалели. И угодила одна пуля прямо в грудь Александру. Он так и осел, успел только сказать, глядя на меня совершенно безумными глазами:

— Неужели это все, и меня не будет?

К вечеру нас с Рыбчуком вызвали к комбату.

— Поступаете в распоряжение старшего лейтенанта Раксина, — сказал он и добавил, обращаясь к старлею, который находился тут же: — Даю еще пять опытных саперов. Но с условием, чтоб всех вернул живыми и невредимыми. Головой отвечаешь за каждого.

Они обнялись, и мы поняли, что дело предстоит дрянное.

Забрались на броню «тридцатьчетверки». Что и говорить — не такси, даже не полуторка. Холодно, вьюжно, темно.

О чем я тогда думал? Лирики в голове не было никакой. Признаюсь, одна мысль неотступно сверлила: не напороться бы на мину. Нам, объяснил Раксин, надо было одо-

леть километров двадцать по начиненной толлом и сталью равнине. И пройти так, чтобы за нашим танком след в след смогла проследовать часть бригады. Вот тут уж действительно нельзя было ошибаться.

Мы знали, что немцы обычно минируют перекрестки дорог, пепелища и где только можно устраивают ловушки. На счастье, нам удалось их избежать. Но когда уперлись в чернеющий прорубленный щетиной лес, чуть было не угодили в беду. Под самой гусеницей успели обнаружить мину натяжного действия. Обезвредили и пошли в обход.

— Почему? — спросил я у Раксина. — Можем ведь опоздать. А если через лес — уцелеем, да и не задержимся. Лес ведь наверняка не минирован.

Однако меня тут же подняли на смех. Оказывается, наши саперы называли этот лесок «пирогом» — так густо он был начинен минами. На каждом метре можно было поймать или мину, или подвязанный к дереву фугас с детонатором.

Но все обошлось благополучно, и к шести ноль-ноль мы были на исходном рубеже в квадрате 28—33. И началась работа. Надо было до утра следующего дня на болоте через незамерзающую топь навести четыре моста. Не один, не два, а четыре! И срок — одна ночь. Между собой решили, что задание выполним на два часа раньше срока, потому что атака наших частей была назначена тоже на шесть ноль-ноль.

По горло утопая в грязной холодной жиже, саперы рубили жиденькие дубки, тащили бревна к намеченным местам. Так вырастали мосты. Я перебирался от одного к другому и, странное дело, нигде не слышал угрюмого соленого мата, словно люди делали любимое дело. В привычных условиях...

К пяти утра по нашим мостам прошли «катюши», а ровно в шесть ноль-ноль началась атака переднего края обороны противника.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ПУТЬ В ЛОГОВО ЗВЕРЯ

**Боевой подвиг группы саперов
сержанта Быстрова**

Готовясь к выполнению боевого задания, саперы целый день вели наблюдение. Местность была пересеченной. Нейтральная зона — узкой.

Свою линию траншей немцы загородили сплошной системой колючей проволоки.

Настала ночь. Трусливые фрицы то и дело давали пулеметные очереди в темноту. Так они спокойнее себя чувствуют.

Группа саперов-смельчаков, возглавляемая коммунистом Андреем Быстровым, захватив с собой все необходимое для сапера-разведчика, двинулась в путь.

Решено было подобраться к противнику там, где он меньше всего ожидает. Для этого пришлось преодолеть водный рубеж. Переходили через речку по одному — остальные были наготове, чтобы прикрыть товарища огнем.

Дальнейший путь, уже под самым носом у врага, преодолели ползком. У колючей изгороди гвардейцы натолкнулись на минные поля. Быстро приняли решение — разминировать их. Как ящерицы, ползли саперы. Нашупывая мины, они извлекали их и обезвреживали. Так было снято несколько десятков мин. Смельчаки достигли заграждения. В этот момент застрочил немецкий пулемет. Пули свистели над головой.

— Спокойно, хлопцы, — сказал Быстров, — у нас еще много дел. Фриц нас не видит, это он от страха шпарит.

При исследовании оказалось, что заграждение состоит из двух проволочных заборов, причем проволока соединена с системой мин натяжного действия.

Вновь лихорадочно закипела работа. Одни снимали мины. Другие осторожно перекусывали проволоку. Прошел еще томительный напряженный час. Задача была выполнена. Было уничтожено 60 метров колючей изгороди и при этом снято 67 мин натяжного действия. Путь в логово зверя был проделан, и советские разведчики через эти ворота незамеченными прошли во вражеский тыл, успешно выполнив боевое задание.

Так служат Родине бесстрашные саперы-гвардейцы. Вот их имена: сержант Быстров, гвардейцы Митин, Волков, Козий и Пурчин.

Гвардии старший лейтенант
Смоленский

«Опыт — дело наживное». Это выражение, видимо, родилось давным-давно и было одной из первых житейских мудростей.

Самое удивительное, что мы, молодые бойцы, пришли к этой истине, увы, не сразу, хотя бывалые воины частенько говаривали: «Опыт — дело наживное, на земле не растет, под леньком не отыщешь; на своем горбу вынести надо». Вот так, и не иначе...

Неподалеку от Бекетовки на склонах оврагов мы уста-

новили не только противопехотное, но и противотанковое минное поле. Это были не совсем обычные мины. В землю зарывали стокилограммовые авиационные бомбы. Ставил их верещагинец младший сержант Федор Габов.

Но вот буквально на следующий день поступил приказ потеснить немцев. А для этого сперва надо сделать проходы в минных полях и снять авиабомбы. Задача, прямо скажем, не из легких. Со времени установки этих бомб прошло некоторое время, и чеки могли ослабеть под тяжестью проволоки. Достаточно легкого прикосновения, чтобы бомба взорвалась. А ведь атака планировалась внезапная, без артподготовки. Если взорвется обычная мина, враг может на это и не обратить особого внимания. Взрыв же бомбы, как пить дать, всполошит их. Фактор внезапности будет утрачен.

Кому доверить ответственное дело? У кого крепкие нервы и умелые руки? Послали Габова. В помощь ему дали младшего сержанта М. Мартынюка.

— Дело чрезвычайно важное, — напутствовал сержантов командир. — От вас во многом зависит успех предстоящего наступления.

— Задачу выполним, — спокойно ответил Габов. — Я ставил эти бомбы, я их и сниму. Даже обиделся бы, если бы поручили кому-то другому. Только одна просьба: пусть прикроют меня автоматчики — некогда оглядываться на фрицев.

Стояла обычная фронтовая ночь. Гитлеровцы непрерывно вели огонь, пускали осветительные ракеты. Но те почему-то светили тускло, и это радовало нас: может, и не заметят движения фашистские наблюдатели.

Было ветрено, неуютно. Находясь в передней траншее, я всматривался в темноту и, конечно, очень волновался. У меня даже скулы свело от напряжения так, что долго не мог разговаривать: рот не открывался...

Наконец Габов вернулся:

— Сказано — сделано, — только и сказал он и извлек из карманов взрыватели.

Путь наступающим был открыт.

К концу октября положение нашей бригады резко изменилось. Мы оказались в центре, скажем так, самого пристального интереса фашистов. Именно на нашем направ-

лении они решили выяснить, насколько серьезны намерения советского командования: будут ли их брать в кольцо, или русские хотят обойтись «двусторонним сжатием». Этот термин недавно всплыл на Западе, где до сих пор скрупулезно изучается вопрос о феномене Сталинградской битвы.

Так вот, первый всплеск беспокойства гитлеровцы проявили в районе кожзавода. Там находился их хорошо укрепленный опорный пункт: на старых толстых стенах каменных зданий были устроены ячейки наблюдателей, а в глубине находились артиллерийские и минометные позиции. Туда и передавали свои сообщения корректировщики. А боевые порядки располагались за балкой. Сверху все просматривалось как на ладони, даже стереотрубы и бинокли почти не требовались. Вот поэтому чуть что, какие-то перемещения на нашей стороне — немцы тут же открывали ураганный огонь. Много неприятностей доставлял нам кожзавод. И когда был отдан приказ захватить этот опорный пункт, все облегченно вздохнули: наконец-то пришел их последний час. Уверенность в том, что дело будет сделано, жила в каждом бойце.

Для захвата выделили 3-й отдельный стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта Чуева. Комиссаром у него был полнотищный и с виду медлительный старший политрук Околелов. Внешность зачастую обманчива — у капитана была совершенно боксерская реакция.

Поскольку дело предстояло сложное, командование выделило для подготовки операции самых опытных штабных офицеров — начальника оперативного отделения капитана М. Аглицкого и заместителя начальника разведки бригады старшего лейтенанта И. Николаева.

О Михаиле Павловиче Аглицком я уже упоминал, рассказывая о первых днях формирования бригады в Теплой Горе. Тогда на меня, сугубо гражданского человека, далекого еще от военного дела, он произвел двойственное впечатление. Внушали уважение его деловитость, хозяйская хватка, однако отталкивала щегольская лихость, которую я не принимал в военных людях напрочь, считая это наследием старых царских времен.

Позже, работая под началом разных штабных офицеров, я понял в Аглицком главное: он был, как говорится, до мозга костей военный, военная косточка. Оттого и выглядел всегда образцово, просто не мог иначе.

Михаил Павлович в 1931 году добровольцем пошел служить на пограничную заставу. Участвовал в боях с басмачами на советско-афганской границе, в марте 1932 года был послан в погранучилище, закончил его по первому разряду. Кадровую военную службу начал на Дальнем Востоке...

Старшего лейтенанта Николаева я знал мало. Но мы все были наслышаны о том, что человек он весьма мозговитый, как говорили промеж себя штабники о замначальнике разведки. И точно: работу с 3-м батальоном он провел основательную. Прежде всего заставил разведчиков детально изучить поведение немцев

в опорном пункте. Ребята составили буквально поминутный распорядок их дня и проверяли его точность целую неделю. Потом на основе этого расчета разработали план захвата «языка». Были также засечены все действующие огневые точки противника, особое внимание уделялось пулеметам. Для их уничтожения подготовили 45-миллиметровые пушки, поставив их на прямую наводку...

С командирами рот и взводов была проведена рекогносцировка на местности, уточнены все детали предстоящего наступления: исходные районы, направления и объекты атак, сигналы взаимодействия... Словом, осталось дожидаться назначенного часа. Помню, Околелов, беседа с бойцами, говорил:

— Пулям не кланяйтесь, а главное — зад не показывайте.

В ночь с 15 на 16 ноября батальон скрытно вышел в исходное положение, занял рубеж для атаки. Соблюдались тишина, так как до переднего края было не более 200 метров. Атака должна была начаться не по сигналу, а в строго установленное время — в четыре часа утра. Все средства поддержки были наготове, но огонь они открыли только по сигналу зеленой ракеты, пущенной в сторону противника.

Генерал-майор в отставке
М. П. Аглицкий

Три группы саперов за десять минут до начала атаки сделали проходы в проволочном заграждении немцев. И вот роты оставили траншеи и скрытно двинулись через балку Ленточная к переднему краю обороны противника. Все складывалось как нельзя лучше. Только при выходе бойцов из балки гитлеровцы открыли стрельбу. Но тут же вступили в бой наши огневые средства поддержки. И хотя внезапной атаки не получилось, батальон капитана Чуева броском достиг траншеи противника. В ход пошла «карманная артиллерия» — гранаты, завязалась рукопашная схватка.

Она была столь мощной и яростной, что гитлеровцы не выдержали, стали отходить, а затем и вовсе побежали, бросая оружие. Батальон за тридцать минут боя овладел двумя корпусами кожзавода, котельной с заводской трубой, где был оборудован у немцев наблюдательный пункт. Затем все стихло. Казалось, победа обеспечена, враг бежал. Но тут очнулись их минометы, затем появились танки, и бой разгорелся с новой силой.

Стало ясно, что дальше нам продвигаться будет очень трудно. В семь часов утра фашисты начали первую контратаку. К тому времени наш батальон успел закрепиться на занятых позициях и противника встретил дружным огнем. На участках 7-й и 9-й рот бронбойщики остановили три танка. Отличился Иван Петухов. Капитан Аглицкий в тот же день представил его к ордену. Но это было на исходе суток, а пока шел тяжелый бой. Танки двигались в шахматном порядке, стреляя на ходу. За ними, прячась за броней, шла пехота. Немцев было так много, что казалось, наши автоматные очереди не причиняют им никакого вреда — падающих тут же заменяли солдаты из других шеренг...

И все же дрогнул их строй, в нем появились бреши. Фашисты в замешательстве на какую-то долю минуты остановились. Затем попятились, а потом и вовсе повернули назад. Ушли, отступили. Вторая и третья атаки тоже были отбиты.

Но и наши потери убитыми и ранеными росли. На второй день положение ухудшилось. Атаки вражеской пехоты, теперь уже с огнеметами, при поддержке танков стали все настойчивее.

Тяжело ранен капитан Чуев. Его место в боевых порядках занимает Аглицкий. Когда положение стало критическим и нас вот-вот могли смять, именно Аглицкий поднял-

ся над траншеей во весь рост и, крикнув: «За мной!», увлек в атаку остальных.

К вечеру второго дня, оценив обстановку, комбриг приказал подготовиться к отходу на старые позиции за балкой.

— Только постарайтесь без шума и лишних потерь, — попросил он. — Вами уже сделано самое главное...

Что имел в виду комбриг, тогда понять было трудно, мы не знали всей обстановки.

Отошли. Фашисты обнаружили это лишь после того, как саперы подорвали заводскую трубу и тем самым лишили немцев хорошего наблюдательного пункта.

В те памятные дни осени 1942 года для частей и соединений 62-й армии, которая вела бои в Сталинграде, сложилась особенно тяжелая обстановка. Немцы любой ценой старались прорвать оборону на нескольких участках.

Вот тогда, с целью отвлечь от армии часть сил противника, советское командование и предприняло решительные атаки в разных направлениях. В том числе наступали на участке кожзавода и мы. Личный состав 3-го батальона бригады с честью выполнил боевую задачу и получил вскоре благодарность от генерала М. Шумилова — нашего командарма...

Комбриг 94-й отдельной стрелковой (с 18 ноября 1942 г. и до расформирования бригады) подполковник П. Д. Четвертухин

Глава IV

ЖЕСТОКАЯ СХВАТКА

После 19 октября мы заметили, что немцы поутихли и помолчали, если можно так выразиться, а румыны так стали и вовсе лояльными. На нашу сторону перешел со всем воо-

ружением и боеприпасами взвод румын. Фамилию офицера не помню, а звали его Николае.

Жил он у нас в землянке, потому что его оставили при штабе бригады для работы. Обязанности Николае заключались в том, что каждую ночь он читал по радио заранее заготовленный текст на румынском языке. Радиорубка штаба армии находилась в передних траншеях, куда агитатора и водили выступать. И это было весьма эффективное средство. После таких увещеваний из репродуктора румынские солдаты стали переходить на нашу сторону. И не по одному, по два, а в массовом порядке — взводами и ротами. Видя это, гитлеровцы приняли контрмеры, стали в боевых порядках размещать эсэсовцев (один немец на пять-шесть румын). Об этом узнало наше командование. Николае разъяснял своим соотечественникам, куда ведут их эсэсовцы, призывал уничтожать фрицев. Румыны-перебежчики так и стали делать.

Был даже такой эпизод. Наш красноармеец, находясь у дежурного пулемета, немного задремал. К нему подползают пять румын и... будят его:

— Иван, вставай, вставай, — румынка пришел. Надо плен идти! Куда дорога плен? Веди нам!

Что оставалось делать нашему красноармейцу — отвел их и доложил командиру всю правду. За сон на посту ему полагалось суровое наказание, однако парень отделался лишь внушением.

А однажды бойцы где-то раздобыли патефон и несколько пластинок. Принесли в землянку и завели песенку Джима из оперетты «Роз Мари».

Как только наш Николае услышал музыку, он вострепнулся, закрыл лицо руками и заплакал.

— Моя, — говорит, — моя песня. Я пел Букаресту театр оперетты... Моя... я пел. А теперь не могу. Моя нет голос, война отнял, нету.

И опять — в слезы.

Уже к концу января, когда Николае освоился у нас, душой, можно сказать, отогрелся, мы все-таки упросили его спеть. Голос у Николае был действительно хорош, вот только простужен, хриловат.

Помню, что вскоре Николае отправили в Москву. Война для него кончилась. Что было с ним потом, неизвестно. Вот было бы интересно встретиться! Может быть, и живет он в Бухаресте, как знать...

На нейтральной полосе, ближе к немецким позициям, была высота. На карте она обозначалась как высота 95,9, а мы называли ее «Заноза». И впрямь была она как заноза, ибо владевший ею мог причинять противнику немало хлопот.

Каждая сторона отгородилась от «Занозы» заграждениями — спиралью Бруно. А мы еще и заминировали подходы к своим траншеям — ведь как раз перед высотой проходил центр обороны 2-го батальона. И что примечательно: на самой верхушке «Занозы» стоял наш танк, поврежденный в боях, — очень выгодная для наблюдения точка. Потому фрицы и хотели овладеть высотой: ведь тогда вся наша тыловая полоса могла оказаться под прицельным огнем их артиллерии. Могли ли мы это допустить? Конечно же нет!

Решено было во что бы то ни стало взять «Занозу». Разработали план захвата. Зная особенности поведения немцев в обороне, — они, как правило, ослабляют бдительность к полуночи и усиливают ее ближе к рассвету, — остановились на том, что операцию надо проводить в час ночи, бесшумно. Для этого подобрали расчет станкового пулемета и расчет ручного пулемета с тремя солдатами. Во главе группы — командир отделения Василий Смертов. Бойцы взяли с собой столько патронов и гранат, сколько могли унести, воду для пулемета...

И вот наступила ночь, темная, ветреная. Провожал группу заместитель начальника разведки бригады капитан Николаев. Вышли из траншеи в полной тишине в 0.30. По два человека ползком стали продвигаться к высоте, делая небольшие остановки для отдыха.

Немцы периодически пускали осветительные ракеты, но, видимо, наблюдали за местностью невнимательно. В час ночи группа Смертова благополучно достигла высоты, начала под Т-34 оборудовать окопы и площадки для пулеметов. От танка к нашим траншеям бойцы стали рыть ход сообщения.

Главная задача заключалась в том, чтобы прочно закрепиться и удерживать высоту. Окопаться нужно было быстро, так как к утру противник мог заметить наши перемещения и атаковать «Занозу». Впрочем, утром ничего не изменилось. «Передок» жил обычной жизнью: шла вялая перестрелка, немцы и наши вели редкий артиллерийско-минометный обстрел, работали снайперы. К полудню, од-

нако, Смертов доложил, что в траншеях у немцев заметно движение.

Скоро они открыли усиленный огонь по высоте и нашим окопам, поднялись из траншей и быстрыми перебежками стали выдвигаться к высоте. Группа Смертова молчала. Но как только фашисты подошли на 50—70 метров к танку, ребята открыли ураганный огонь. Я видел, какое замешательство это внесло в немецкие ряды, сколько их скосило двумя пулеметами. Гитлеровцы начали разбегаться кто куда, некоторые в панике бежали даже в нашу сторону.

Атака была сорвана, противник потерял около тридцати человек. Это отрезвило немцев. Наши расчеты, пользуясь моментом, времени даром не теряли. Они углубили свои окопы и стали фактически недосыгаемы для огня противника. Кроме того, бойцы отрыли и запасные огневые позиции.

Фашисты еще не раз предпринимали попытки захватить высоту 95,9, но все их атаки кончались неудачей. Понеся большие потери, они отказались от мысли заполучить «Занозу», но тем не менее обстреливали ее регулярно.

Группы, удерживающие высоту, сменялись через каждые три дня — непрерывный обстрел изнурял больше, чем рукопашные схватки.

На войне нам тоже снились сны. Спали и стоя, и сидя, прислонившись к стенке окопа или уронив голову на колени. Но сны были. Самый страшный: на тебя бежит гитлеровец с автоматом, ты стреляешь, видишь дырочки на его шинели, а он бежит. И просыпаешься от собственного крика — хорошо, если при этом не разбудишь других. Припечатывают словесами.

И еще на войне мы мечтали превыше всего о конце войны. Виделось это всем по-разному. Мне представлялось, что в этот день улицы утонут в цветах. Очень люблю полевые цветы. Если бы не родился мальчишкой, стал бы вышивальщицей или ковровщицей. А вот старший лейтенант Василий Шагинян, командир роты автоматчиков, рассказывал, что конец войны видит всегда одинаково: будто лично берет в плен Гитлера. Такое немаловажное обстоятельство, как двухтысячеверстная туда дорога, а на войне,

со смертью над головой, тут еще и множить неизвестно на сколько, его не очень волновало. Верил: прибудем куда надо. Смущало другое: и кроме него, Шагиняна, много желающих да ухватистых. Опередить могут. «Перехватят, черти», — смеясь, сокрушался он.

Но Шагинян таки дошел до Берлина. Если сам лично не удушил Гитлера, то очень много сделал, чтобы приблизить конец войны. В боевой биографии у отважного командира можно отыскать немало такого, от чего дух захватывает.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ПИСЬМА ИЗ ОДНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Наблюдатель Кирилл Барабуля

Наблюдатель...

О нем говорят мало. Но какая ответственная и почетная у него служба. Быть всегда там, где наиболее опасно, первым встречаться с врагом, все заметить, ничего не упустить, своевременно предупредить командира о появлении противника — таково призвание наблюдателя. Он должен быть человеком сильной воли, высокого мужества, иметь острый глаз, сноровку, способность быстро и правильно реагировать на всякую неожиданность. Наблюдатель — это пограничник переднего края, глаза и уши подразделения.

Таким и является Кирилл Барабуля.

...Богатые колосья ржи высоко поднялись над землей. Ровной стеною стоит впереди богатый урожай. Прошло несколько дней, Кирилл не замечал никаких изменений. Но однажды утром в этом зеленом гребешке ржи появилась небольшая щербина и возле нее бугорок. Эта незначительная щербинка вызвала у него подозрение.

Целый день наблюдал Барабуля. Ничего не ускользнуло от его зоркого взгляда. Он безошибочно установил, что немцы вырыли траншею и в конце посева установили пулемет. И наблюдатель доложил об этом командиру.

Новая вражеская огневая точка была немедленно подавлена нашими минометчиками.

Барабуля уже выявил несколько огневых точек противника, которые уничтожены нашей артиллерией и минометами.

Гвардии лейтенант
А. Савченко

...Случилось это спустя несколько дней после того, как мы окончательно закрепились на «Занозе». Перед заходом солнца к огневой позиции минометной батареи прорвались фашистские танки с пехотой. Машины неудержимо приближались, на ходу выстраиваясь в линию. Уже хорошо были видны башни с повернутыми в сторону батареи орудиями.

Один из танков вырвался далеко вперед, стал обходить позицию минометчиков слева с явным намерением своей громадой раздавить бойцов. На огневой позиции создалась опасная ситуация. Минометами танки не остановишь, а пушек поблизости не было. Что предпринять? Судьбу боя решали секунды...

— Чего же мы выжидаем? — раньше всех оценив ситуацию, крикнул наводчик основного миномета Насиб Турихин, рослый, крутоплечий, молодцеватый парень из-под Челябинска. До войны он работал фрезеровщиком. На батарее Насиб слыл отчаянным смельчаком. Он находил выход из любых, казалось бы, безвыходных ситуаций и положений. Турихина все уважали и любили не только за то, что он был мастером своего дела, но и за общительность и веселый нрав.

Схватив две противотанковые гранаты, смельчак по-пластунски пополз навстречу бронированной машине.

Старший офицер батареи командовал:

— Всем занять круговую оборону и подготовить гранаты к отражению танковой атаки! — и, сделав паузу, добавил:

— Погибнуть, но врага не пропустить. Назад — ни шагу!

Тяжелый танк продолжал ползти на позицию, давя все, что попадало под широкие гусеницы. Когда он приблизился почти вплотную, Турихин поднялся и швырнул одну за другой две гранаты. Раздались оглушительные взрывы. Огромная грязно-песочного цвета машина замерла совсем рядом, моторную часть ее заволокло густым черным дымом, внутри танка стали рваться боеприпасы.

Гитлеровцы замесались. Атакующие танки и пехота отхлынули назад. Исход боя был решен. Немцам не удалось, как они намеревались, взять батарею в клещи и разделаться с ней.

Уничтожить в бою танк врага — большое дело. Фронт-

вики знают, как нелегко давался каждый такой успех. Требовались мастерство, храбрость. Слов восхищения заслуживают те, кто метко разил вражеские танки.

Глава V

ДУША БАТАЛЬОНА

Под вечер началась артиллерийская канонада. Все гремело, дышало огнем и пеплом, и казалось, земля не выдержит и вот-вот заговорит человеческим языком: «Доколе же!»

Огонь нарастал с невероятной силой. Разрываясь, тяжелые снаряды подбрасывали высоко вверх куски дерна и спекшейся земли, перепахивали окопы, вздымали над рекой водяные фонтаны. Воздух был до предела насыщен густой едкой гарью и пылью. С огромной скоростью в разные стороны летели бесчисленные рои осколков. Смертоносный металл косил все, что попадалось на пути, и просто не верилось, что в этом крошечном аду мы еще можем выжить. Бойцов засыпало песком, бросало взрывной волной. Они теряли слух, истекали кровью. Но никто не дрогнул и не уполз из траншеи.

Канонада стихла лишь на рассвете, и тут же уцелевшие бойцы стали окликать друг друга.

— Сибиряк, ты жив?

— Да вроде бы миновала нечистая.

— Эй, вятский, тебя не пришибло?

— Царапнуло малость, — тихо ответил сипловатый тенорок. — Мякоти чуток отхватило. Ну, ничего, отвоююсь, а там поеду гармошки делать.

— Все еще не нашутились? — послышался за спиной чей-то очень знакомый голос. — Это хорошо, ребята. С шуткой да прибауткой веселее фрица гноить. Главное его, стерву, от Волги отбросить, а потом он сам побежит без оглядки.

Боец осторожно передвинул раненую ногу и обернулся. В глубокой воронке с автоматом в руке и гранатами на поясе полулежал парторг батальона лейтенант Шумилов. Сквозь пелену дыма и тумана он старался рассмотреть результаты ночной канонады. Изуродованные диски, помятые каски, разбитые пулеметы, бездыханные тела...

— Да, здорово они потрепали нас, — вздохнул Шумилов. — Но не видать им Сталинграда, как своего собственного затылка!

— А правда, что вы из этих мест, товарищ лейтенант?

— Точно, здесь мои корни, мое начало. А работал и жил я в последнее время в Соликамске, на Каме.

Лейтенант перевязал сержанту рану и быстро пополз в направлении командного пункта батальона.

За высоткой, в небольшом перелеске, санитары укладывали на носилки тяжелораненых и отправляли их в медсанбат. Здесь же сидел связной и торопливо что-то писал. Рядом переминался с ноги на ногу высокий веснушчатый ефрейтор, который должен был идти с почтой в штаб бригады. Заметив лейтенанта, связной выпрямился. Но Шумилов показал кивком «отставить», по-отечески положил солдату руку на плечо. Они вместе присели на полусгнивший, смерзшийся пенек.

— Матери пишешь?

— Так точно, Константин Фомич. — В батальоне парторга почти все в неофициальной обстановке звали по имени-отчеству. — Отец где-то на Южном.

— Не переписываетесь?

— Да всего-то одно письмо и получил. Почта, видать, застревает. Только вот, сдается мне, товарищ лейтенант, что здесь... — Связной замешкался.

— Ну, что же вы замолчали? Что вам сдается? Говорите напрямик, не стесняйтесь.

— Кажется мне, Константин Фомич, что надолго и мы здесь засели. Фашист вон как прет! Силен, стерва... Почти пять часов безостановочно палил. Вот я и решил написать домой: стоим, мол, а дальше не знаю, как будет. Уж очень здорово сопротивляются они.

— Что сопротивляются — это верно. А вот пугаться их, браток, последнее дело.

— Так-то оно так, товарищ лейтенант...

— А раз так, то бери карандаш и пиши: «Враг цепляется за каждый клочок захваченной земли... Сейчас он окопался, мама, у стен Сталинграда. Но мы его выкурим, как поганого волка. Фашисты надеются, что их спасет то, что у нас трудности. Пусть себе тешатся. Когда ты откроешь этот треугольник, наша часть уйдет далеко-далеко вперед. Это точно. Оттуда, с запада, до нас доносятся стоны людей. Они ждут нашей помощи. Мы, мама, обязательно

вызволим их из неволи. Мы раздавим шипучую гитлеровскую гадюку и принесем народам мир и покой. Жди с победой».

Шумилов и штабной офицер вооружились полевым биноклем и по узенькому ходу сообщения, сгибаясь в три погибели, отправились на передний край.

Под лучами восходящего солнца немецкая сторона просматривалась особенно отчетливо. Вначале шла разбросанная во всю длину спираль Бруно. Чуть поодаль виднелось несколько рядов обычных проволочных заграждений. За ними траншеи, потом опять проволока, снова рвы и окопы, и так на добрый километр в глубину. И на всем этом пространстве притаились тысячи гитлеровцев, готовых в любую секунду открыть ураганный огонь по нашим боевым порядкам.

— Хлебнем мы тут киселя, — заметил штабник. — Опрокинуть такую махину — это тебе не шутка. Сопротивляться будут отчаянно.

— Тем более нельзя упускать время. Всякая оттяжка только на руки противнику: успеет еще глубже зарыться в землю. Потом ой как трудно будет его выколачивать.

Весь день, подобно неутомимым муравьям, по траншеям и лощинам мы подтаскивали к берегу деревянные настилы, бревна, заборы... Волга парила в полянье и на отмелях, где постоянно крошили лед. Весь день на прибрежной площадке кипела тяжелая работа сотен людей. По всему чувствовалось приближение чего-то особенного, важного...

И вот началось. Воздух оглушил могучий рокот авиационных моторов. Десятки бомбардировщиков и штурмовиков начали обработку переднего края противника. Почти одновременно ударили орудия, засверкали молниями огненные трассы «катюш», заухали тяжелые минометы.

— Впе-е-ред! — разнеслось по траншеям и пулеметным ячейкам.

Сначала немцы подозрительно молчали. То ли причиной тому был воздушный и артиллерийский налет, то ли им закрывала видимость дымовая завеса, однако до середины реки переправа по льду шла нормально. Лишь изредка шлепались мины да пролетали над головами трассирующие пули.

Но вот откуда-то совсем рядом взлетели ракеты и как на ладони осветили бойцов, движущихся по скованной мо-

розом реке. С высоты звонко ударили крупнокалиберные пулеметы. Где-то за лесом тяжелым раскатистым эхом отозвалась артиллерия, в небе зарокотали моторы.

Первые «юнкеры» пошли в пике. От разрывающихся бомб и снарядов забурлила и заклокотала ледяная река. Но бойцы упорно продолжали приближаться к берегу. Вот первый уже опустился с бревна, нащупал в крошечке льда и снега твердое дно и, держа над водой автомат, рванулся к берегу. За ним — второй... третий... пятый. В их числе был и лейтенант Шумилов.

— За мной, товарищи! Вперед! — крикнул он и энергичным рывком увлек всю группу в направлении немецких окопов.

Передвигаться было очень тяжело. Ноги, все тело сковывал холод. Но думать о том, как и где согреться, просто не было времени. Бросок был очень стремительным. Крик «ура!» застрял в горле и вырвался с яростным проклятием уже в фашистских окопах, когда началась рукопашная.

Глава VI

БРАТСТВО СЕРДЕЦ

Сталинград защищала вся страна. Это не просто слова — так было. И, вспоминая сегодня о тех тяжелейших боях, прежде всего хочется сказать о поразительной силе духа бойцов и командиров, стоявших насмерть у стен волжской твердыни.

В нашей 96-й отдельной бригаде, сформированной на Урале, как я уже писал выше, были представители многих национальностей. Случалось так, что поначалу иные порусски не могли даже толком объясниться, однако понимать друг друга мы понимали: бей врага, пока есть силы и можешь держать оружие в руках.

В роте лейтенанта И. Шестова, которая держала высоту 140,3, героически дрались с врагом таджики и узбеки, бойцы из Татарии и Белоруссии... Когда от роты остался всего 21 человек, фашисты ввели в бой свежую роту. Завязалась новая схватка уже в траншеях.

Отчаянно отбивался от наседавших на него шестерых гитлеровцев казах Нариман Нурсантов, уже имевший медаль «За отвагу». Первого сержант заколол штыком, двух

пристрелил из автомата, однако и сам при этом получил пулевое ранение в грудь. В падении он успел схватить за руку еще одного гитлеровца, который занес над ним финку. Оба упали на дно траншеи, что и спасло Нурсантова от верной смерти.

Рядом с ним так же успешно сражались армянин Л. Аванесов, узбек З. Шахматов, татарин М. Валиев, азербайджанец М. Таиров, русский Н. Шестаков, украинец П. Ореховский...

Когда у бойцов кончились гранаты и патроны, в ход пошли приклады и саперные лопаты. Приказ «Стоять на-смерть!» был выполнен с честью.

Неожиданный сюрприз всем нам преподнес якут рядовой Гавриил Протодьяконов. На позиции артиллеристов после нескольких часов боя осталась неповрежденной только одна пушка. И вот когда вновь поползли вперед фашистские танки, их встретило прицельным огнем это единственное орудие. Да как встретило! Било точно, без промаха. Верткий сноровистый артиллерист сам и снаряды подтаскивал, и пушкой управлял.

Загорелся головной танк. Остановился и задымился второй. Третий был расстрелян в упор, не дойдя нескольких десятков метров до позиции Протодьяконова.

Впрочем, все мы дрались с врагом, не жалея себя и, уж конечно, не с расчетом на будущие награды.

В моем рассказе встречались фамилии бойцов разных национальностей. Вспомнилось, что до некоторой поры среди молодых солдат чувствовалась некоторая отчужденность. Именно на этой, национальной почве. Не сразу они притерлись друг к другу. Однако, как заметил на одном из первых совещаний комиссар бригады Михаил Петрович Поляков (я присутствовал при этом разговоре), многонациональность наших батальонов должна стать не слабостью их, а силой и дополнительным боезапасом. Всем тогда эти слова очень понравились.

После выступления Полякова офицеры-политработники Зайцев, Рыжков, Перескоков, Иконников, Чуприна и другие по очереди стали докладывать, у кого сколько бойцов нерусской национальности. Получилась, помню, яркая картина: украинцев в бригаде — 1417, таджиков — 117, татар — 167, узбеков — 111, казахов — 94, белорусов — 53, грузин — 34, армян — 21, азербайджанцев — 27 и 52 человека других национальностей. Ребята шутили: «А не назваться ли нам интербригадой?» У нас оказался даже один

испанец из-под Иванова, правда, давно обрусевший. И два поляка родом из Винницы.

А эта листовка с текстом письма из Ташкента хранится у меня как самая дорогая память о Сталинградской битве, документ, как мне представляется, ценности необыкновенной:

«Любимые дети наши! Этим письмом приветствует вас весь народ родного Узбекистана! Исторические бои ведет Советский Союз на подступах к Сталинграду, на Северном Кавказе и на других фронтах. Гитлеровские грабители нагло замыслили стать господами нашей страны... Боритесь плечом к плечу с братскими народами нашей страны...

Вольный сын и свободная дочь узбекского народа! Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин, армянин, таджик, туркмен, казах и киргиз совместно с тобою в течение двадцати пяти лет днем и ночью строили наш большой дом, нашу страну, нашу культуру. Вы были вместе с ними в борьбе и труде...

Теперь же в дом твоего старшего брата, русского, в дом твоих братьев, белорусов и украинцев, ворвался фашистский басмач. Он несет коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского также и твой дом, дом украинца и белоруса также и твой дом! Ибо Советский Союз — дружная семья, где каждый живет хотя и в своем доме, но двор и хозяйство едины и неделимы. Твоя улица начинается в Белоруссии, а дом украинца — в твоём махале. Союз Советских Республик — это крепость с одними воротами, и разбойник, влезший в эти ворота, покушается на твою жизнь!»

Спустя много лет на одной из встреч в Волгограде с ветеранами войны, однополчанами, мы вспоминали об этом письме. К всеобщей нашей радости, в группе «сталинградцев», приехавших из Узбекистана, оказался человек, самым непосредственным образом причастный к письму, — он подписывал его. Это был рабочий ташкентского завода имени Октябрьской революции Абдушукур Кадыров. Как мог, я записал его рассказ:

«...Письмо фронтовикам принималось на общих собраниях рабочих, колхозников. Помню, начали читать письмо в нашем цехе. Люди притихли, по-

гасли в руках самокрутки. Тишина стоит в цехе — никогда такой не слышал. Только всхлипывали женщины и тихонько вытирали ладонями слезы на щеках.

Письмо всколыхнуло всю республику.

В 24 колхозах, которые обслуживались 1-й Такта-Купырской МТС, 250 человек решили выполнять по две нормы в день, 120 — по три нормы. Сборщики хлопка уходили с полей только после того, как наступала полная темнота.

Мать двоих детей Артыкджан-апа, поставив свою подпись под письмом, сказала коротко:

— Вместо пятидесяти килограммов по норме буду собирать триста килограммов хлопка в день.

А девятилетний Таджибай-ата дал слово собирать по 100 килограммов хлопка в день.

Пока обсуждалось письмо, только в Андижанской области собрали для фронтовиков 1560 шапок-ушанок, 1322 пары валенок, почти 1000 пар теплых носков и варежек. Маленькие школьницы, которые еще не могли работать в поле, брали в колхозе шерсть и вязали солдатам варежки. В Кара-Суйском районе колхозники решили досрочно выполнить взятые обязательства, обработать приусадебные участки семьям фронтовиков, послать каждому посылку и письмо от односельчан, засеять дополнительные площади и назвать их полями Красной Армии...»

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ДОЛГ СОЛДАТА

Это было тяжелое испытание для молодого связиста. Казалось, враги хотели смести огнем этот небольшой клочок отвоеванной гвардейцами земли за рекой. Теперь Гази Абулгасанов хорошо понимал это слово — малая земля. Так называли окопавшиеся недалеко от берега бойцы наших передовых наступающих подразделений эту узкую, изрытую разрывами мин и снарядов полосу. Позади были река, темнеющий воронками лед, большая земля. Там подтягивались наши основные силы, отсюда была наша артиллерия. Упорно, в яростных схватках бойцы расширяли этот плацдарм, опору для нанесения врагу последнего, смертельного удара.

Между малой и большой землей тянулись черными нитями прово-

да, чуткие нервы боя. По ним звучали слова команды, выяснялась сложившаяся обстановка, корректировался огонь артиллерии. Они не могли выйти из строя, от них зависели успех операций, управление боем.

Второй день, укрываясь от осколков в воронках, устранил Гази порывы линий. И связь жила. Последний раз он устранил порывы по груди в обжигающей холодной воде.

Налетевшие на переправу вражьи стервятники порвали разрывами бомб провода в нескольких местах. Нарастивая линию костенеющими руками, Гази спешил. Он знал, что в бою дороги минуты. Мучительно ныло тело, тянуло ко сну. Но он с упорством продолжал свою чертовски трудную работу. Родина поручила ему хранить эти нити жизни, нервы победы, и он их хранил. Свыше двадцати порывов устранил рядовой Абулгасанов под огнем врага, обеспечив бесперебойную работу связи.

Когда, сменный товарищем, он докладывал командиру взвода о выполнении задания, его качало от усталости. Заботливые руки друзей подвели к печурке, помогли разуться. Ему принесли поесть, но он уже сидя спал тяжелым сном утомленного солдата, выполнившего свой долг перед Родиной.

Гвардии старший сержант
С а м а р и н

Меня, как и многих других фронтовиков-уральцев, удручают нынешние события в ряде национальных областей и республик.

Видимо, стали забываться уроки войны, когда выжить и победить в смертельной схватке можно было всем вместе. В единой связке.

Равенство и одинаковое мужество, способность отдать жизнь, если того требуют обстоятельства, объединяли нас, сплачивали наши боевые коллективы. Для меня это было особенно важно, потому что по национальности я еврей.

Война с фашизмом, мне думается, еще не исследованный урок объединения народов. Здесь кроются, возможно, ответы на вопросы, которые ставит перед обществом современная жизнь.

Я уже отмечал, что в первые дни мы сосредоточились в южной части Сталинграда и боевое крещение приняли в районе балки Купоросной, сада Лапшина и кожзавода. Ожесточенные бои продолжались днем и ночью. 147 дней шло сражение за высоту 145,5, именуемую Лысой горой, которая, по оценке командования, а затем и историков,

стала вершиной славы нашей 64-й армии. Не случайно эту открытую всем ветрам высоту солдаты называли Горой смерти. Она была перепахана снарядами, много раз переходила из рук в руки. Тысячи бойцов погибли здесь. И тысячам она спасла жизнь — вот такая это была высота.

В отражении танковой атаки противника у высоты 145,5 отличились командиры орудий сержанты Антонов, Кознев, Кушнарев, Гаврилов, наводчики Беловалов, Соловьев, Яшин...

Беспримерную храбрость здесь проявил старший сержант Кушнарев. Вражеский танк раздавил одно орудие и устремился в сторону другого, к панораме которого припал Григорий. Кушнарев выждал, когда стальная машина подошла поближе, и расстрелял ее в упор, затем поджег еще несколько машин.

Но вот кончились снаряды, вышло из строя орудие. Тогда Кушнарев взял в руки последнюю гранату, прижал ее к груди и поднялся во весь рост навстречу врагу...

За доблесть и мужество, проявленные в этом бою, старший сержант Г. А. Кушнарев был посмертно награжден орденом Ленина. Сейчас на Лысой горе, на том самом месте, воздвигнут двадцатиметровый обелиск. На нем выбиты такие слова:

Мир отстоявшим для будущих поколений
Слава вам вечная и благодарность Отечества!
Родина чтит эти подвиги,
Имя которым — бессмертие.

Бессмертие это начиналось здесь — на высоте, начиненной снарядами и рваным металлом. На послевоенных встречах в Волгограде путь ветеранов сначала лежит к Вечному огню, а потом они обязательно идут на свой Мамаев курган — Лысую гору.

Памятник воинам 64-й армии жители города воздвигли на свои средства. Он выполнен из бетона и напоминает вздернутый ввысь, как при салюте, ствол автомата.

В южной части города была еще одна высота — с отметкой 95,9. Она входила в наш участок обороны. Отсюда хорошо просматривалась вся Бекетовка (южный пригород Сталинграда). В Бекетовке находились штаб командующего 64-й армией генерала М. С. Шумилова, а также наши тылы. Поэтому борьба за эту высоту была ожесточенной.

Глядя сейчас на светлые кварталы, стройные корпуса заводов, просторные зеленые улицы города, на серебристо-

Памятник воинам 64-й армии на Лысой горе в Волгограде

синие плесы Волги и золотые пляжи, мимо которых величаво скользят белые пароходы, невозможно представить, как горела эта река, залитая нефтью, как рушились дома на улицах, как застилали небо тучи дыма и пыли. По ночам зарево горящего города виднелось за многие десятки километров. Но так было, когда две гитлеровские армии — 6-я и 4-я танковая — повели ожесточенный штурм Сталинграда. Тысячи фашистских самолетов засыпали город бомбами, сотни танков обрушивались на рубежи сталинградской обороны, впереди густых цепей пехоты, огонь многих тысяч орудий и минометов поддерживал наступление врага.

К концу декабря 1942 года мы переместились к южной части Сталинграда. Здесь нам тоже предстояли ожесточенные бои. Хочется сказать несколько слов о штурмовом отряде морских пехотинцев, воевавшем в составе нашей 96-й отдельной стрелковой бригады.

Ребята в отряде были как на подбор: молодые, рослые, широкоплечие и отважные. Гитлеровцы их называли «полосатыми барсами». И это было вполне справедливо: перед атакой моряки сбрасывали телогрейки, надевали бушлаты, бескозырки, а иные оставались вообще в одних полосатых тельняшках и так, налегке, не страшась мороза, бросались в бой.

Бывший разведчик нашей бригады, ныне подполковник запаса И. Н. Николаев вспоминает:

«...Дрались они там, где драться было уже невозможно, стояли там, где выстоять было немыслимо, — в горах камней, размоленного немецкими бомбами, изгрызенного немецкими танками, обращенного в пыль машинами и снарядами».

Новогодняя ночь на пороге 1943 года. Разве можно ста-

линградцам ее забыть! Стрелка часов приближается к двенадцати. По всему кольцу окружения армии Паулюса на какое-то время установилась непривычная тишина, даже очереди дежурных пулеметов смолкли. И ракеты не вспыхивают на той стороне.

Замолкла и скованная морозом степь. Разве что ветер — степной приволжский старожил — гонит и гонит колючую поземку, наметая перед блиндажами и траншеями белые холодные сугробы. От мороза и ветра в воздухе позванивает. Стоит закрыть глаза, как начинает казаться, что ты медленно едешь в кибитке, запряженной парой гнedyх, и тебя укачивает... Это от жуткой усталости. Несколько суток не было возможности прилечь. Ее не появилось и сейчас. Пришла почта с подарками фронтовикам от тружеников тыла и такими родными треугольниками.

Читаем и перечитываем друг другу новости из дома. В нашем блиндаже стало от этого еще теплее. Задымили самокрутками заядлые курцы — дым столбом. От коптилок идет чад. Вроде бы и дышать нечем, но никто этого не замечает.

На самом видном месте водрузили фанерный щит с большими красными цифрами посередине — 1943. Накануне связисты постарались — установили самодельный репродуктор. Все уже знали, что из Москвы будет передаваться речь всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина.

У меня в те минуты было состояние именинника, которому только-только вручили подарок. А впрочем, так оно и было. Подарок мне вручила судьба. Проходят дни, недели, месяцы непрерывных боев, а я живой. А ведь лишь в нашем взводе за нынешний год поменялось три состава.

Смотрю на товарищей, в блиндаже еще больше набилось народу. Из репродуктора полились звонкие переборы кремлевских курантов...

И вот речь Михаила Ивановича Калинина. Спокойно, лишь изредка покашливая, он говорит о том, чем живет каждый из нас: и на фронте, и в глубоком тылу. О положении под Сталинградом. О потерях врага. О нарастающих наших ударах в районе Среднего Дона и на Северном Кавказе...

— Освобождено свыше двух тысяч населенных пунктов, — сказал Калинин. — Инициативу прочно удерживают советские войска... С Новым годом, товарищи!

Как только прозвучали эти слова, мы во всю мощь легких закричали: «Ура!» А на артиллерийских позициях в

этот момент раздалась команда: «Натянуть шнуры!» И с первым ударом кремлевских курантов в звездное небо понеслись снаряды. Такое началось, что словами описать трудно! Это был огненный ураган! Заработало все, что могло стрелять. Мерзлую землю сотрясал орудийный гром. Степь гудела, как набатный колокол. На каждый удар курантов она отзывалась эхом мощных разрывов. Небо расщербивалось вкривь и вкось разноцветьем пулеметных трасс.

В нашем блиндаже стало еще жарче. «Буржуйка» весело потрескивала поленьями, и это настраивало на какой-то особый, душевный лад. Стали петь песни. С особым подъемом, конечно, нашу любимую и популярную у сталинградцев «Самовары-самопалы», в которой были такие слова: «За версту врага ошпарит кипяточек огневой». Смеялись, представляя, как фашистам «весело» в нашей «баньке». И тут распахнулась дверь, и с клубами морозного воздуха в блиндаж ввалилась группа матросов в бушлатах. Сколько радости было от этой встречи!

Оказывается, группа поиска, возвращаясь с задания у деревни Симково, нарвалась на засаду. Фашисты быстро сомкнули кольцо окружения. Бой шел уже целые сутки, но вырваться разведчики никак не могли. И тогда было принято решение вызвать огонь нашей артиллерии на себя. На помощь матросам вышла еще одна группа. Двух гитлеровских штабных офицеров и документы необходимо было доставить к исходу 31 декабря — таков был приказ.

И вот бойцы уже дома. Сгрудились возле печки, обняли ее полуобмороженными руками.

— Эх, что ли, с Новым годом! — крикнул самый молодой из них. Помню, звали его друзья Кешкой, любимцем был у них, отчаянной храбрости парень. Его принесли на руках.

Отошел, отогрелся матрос и теперь, глядя на нас, все повторял и повторял:

— Будем жить, братцы! Будем... С Новым годом! Ха-ха! А фрицев накормили досыта.

Недавно я прочел в книге воспоминаний бывшего гитлеровского офицера И. Видера о том самом моменте, когда немцам показалось, что группа русских разведчиков, окруженная со всех сторон, уже в их в руках. Вот эти строки: «...Но тут кругом все загремело, загрохотало, затрещало. Я выбежал из землянки, — пишет Видер, — и застыл в изумлении: жуткое и одновременно захватывающее зрели-

ше предстало перед моим взором. Русские решили на свой лад отпраздновать Новый год и сделать нас свидетелями своего торжества. Противник открыл огонь из всех стволов по фронту «котла», сопровождая этот адский концерт фантастическим фейерверком... Мы как бы воочию увидели протянувшиеся в небо огненные прутья огромной круглой клетки, в которую нас заперли и в которой должна будет погибнуть вся армия».

У меня в блокноте сохранилась такая запись: «Сегодня старший политрук Раздайбеда сказал, что немцы запросили наших парламентаров. Прижарило, значит». Вспомнилось, как остро эта тема обсуждалась бойцами. Высказывалось мнение, что идти к фашистам на переговоры — все равно, что добровольно на смерть напрашиваться. Уж очень жестокими были фашисты, прямо зверье какое-то. Никаких правил не признавали. В начале войны в парламентаров стреляли в упор.

После того как их наголову разбили под Москвой, фашисты с еще большей яростью расправлялись с нашими солдатами и офицерами, которые отправлялись к ним на переговоры.

...Однажды на моих глазах снаряжались парламентары. Правда, было это уже в январе 1943 года. Спеси у гитлеровцев значительно поубавилось, хотя судьба сталинградской группировки еще не была окончательно решена.

К нам в штабной блиндаж батальона буквально ворвался связной от разведчиков.

— Немецкие офицеры в открытую идут, — доложил он с порога.

Бывший здесь майор А. Игнатьев, начальник оперативной части 143-й отдельной стрелковой бригады, тут же скомандовал:

— Полундра! Гранаты к бою!

Однако выяснилось, что немцы идут в полный рост потому, что хотят что-то сказать нам.

В узком овраге, который разделял противоположный крутой берег реки Царицы и, расширяясь, выходил к самой реке, появилось несколько фигур. В руках у одного из фашистов развевалось белое полотнище.

Как только они вышли на наш берег, майор Игнатьев, начальник штаба 3-го батальона капитан Денисов и начальник разведки батальона Грызлов двинулись им на-

встречу. Сопровождали их два автоматчика. Конечно, все без оружия.

Когда, переговорив, и советские, и немецкие офицеры повернули к нашим позициям (гитлеровцы потребовали привести их в вышестоящий штаб), с той стороны ударили крупнокалиберные пулеметы. Один из автоматчиков упал на снег, был ранен Грызлов. Трое немцев с перепугу стали отползать в сторону, а их майор заорал, размахивая руками:

— Нихт шиссен!

Но фашисты продолжали стрелять. Игнатьев же как стоял на взгорке, так и остался стоять. Да еще кисет достал, начал папироску скручивать. Наши бойцы от злости на фашистов разрешение на открытие огня стали просить, артиллеристы тоже возмущены были: давайте, говорят, мы их заглушим навеки. Но нельзя было — Игнатьев приказал.

Потом вся группа отправилась на тот берег. Не было их минут сорок.

Позже Андрей Александрович Игнатьев не раз рассказывал однополчанам о своем «путешествии» к фашистам. Его частенько об этом просили.

«Привезли нас на легкой машине в город, к зданию центрального универсама. Завели в подвал, где у немцев располагались штабы 6-й армии и 376-й дивизии СС. В подвале было очень много офицеров. Нам сказали, что с нами будет разговаривать Паулюс.

...Он стоял возле глубокого кожаного кресла. Напротив, спинками к двери, находились еще два кресла, такие же, как у Паулюса. В них-то нас и пригласили сесть.

Первым начал Паулюс. В руках у него была бумажка с вопросами, написанными на немецком и русском языках.

— Это мы подготовили заранее, — начал он, — прошу ответить на несколько вопросов.

На вопросы Паулюса я отвечал в духе ультиматума, предъявленного нашим командованием окруженной немецкой группировке.

В процессе переговоров Паулюс поинтересовался нашими полномочиями. Я ответил, что письменных полномочий не имею, так как прибыли мы по его приглашению и по разрешению нашего старше-

го командования, но имеем при себе обращение советского командования к окруженной немецкой группировке. Паулюс посмотрел листовку и заявил, что он знаком с этим обращением. И тут же спросил, сможет ли советское командование для сталинградской группировки немцев, если она капитулирует, организовать лагерь тут же, в Сталинграде. Я ответил, что, по-видимому, сделать этого будет нельзя. Паулюс помолчал, постучал пальцами по листовке и, откинувшись в кресле, заявил:

— Сейчас начались большие бои, которые ведет южная часть группировки. Там задействовано немало моих генералов. Решить вопрос о капитуляции без них я не могу. Поэтому хотел бы отложить его до завтрашнего утра. К этому времени, я надеюсь, вы будете иметь при себе полномочия от советского командования.

С этими словами он встал. За ним встали и все присутствующие. Мы вышли из кабинета. Дежурный офицер довел нас до машины, а дальше проводил тот самый майор, который приходил к нам с белым флагом».

Потом я несколько раз встречался с Игнатьевым, уже удостоенным звания Героя Советского Союза. А еще позже слушал его рассказ о последних боях в поверженном Берлине. Это удивительная страница во фронтовой биографии Игнатьева, часть которой, кстати, оказалась обнародована в свое время маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым в книге «Воспоминания и размышления» и членом военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Бокковым в книге «Весна Победы», где автор назвал Андрея Александровича самым отважным парламентаром, каких ему довелось встречать на дорогах войны.

Мне часто вспоминается этот день: морозное утро, температура воздуха минус 20—25 градусов. На ветру — а он был особенно сильным на равнинных местах — стоять спокойно нельзя, сразу замерзнешь. Чистое, бледно-голубое небо. Ни облачка. Мимо нашего штаба прошла в сторону НП группа офицеров. Все оживленно переговариваются. Наш командир, радостно потирая руки, говорит:

— Ну, братцы, сейчас начнется!

И точно. Через несколько минут небо точно раскололось; это ударили дивизионы «катюш», взметнув у самого

Герой Советского Союза
гвардии майор А. А. Иг-
натьев

горизонта огромные султаны разрывов. Такого еще я не видел за время боев. И вот пошла волна за волной наша сила. Сначала солдаты бежали молча, не стреляли. А затем...

Меня поражает, с какой наглостью фальсификаторы истории пишут сейчас о том, что, дескать, такого огня и не надо было. Под Сталинградом вроде бы все сделал его величество Мороз.

Действительно, мороз был сильный. Но надо учесть, что у фашистов были хорошо обжитые, утепленные блиндажи. И они сопротивлялись так яростно, что мы диву давались. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: 45 километров полк Давиденко из 38-й дивизии преодолел за 21 сутки.

Лишь к исходу 17 января, как вспоминает Давиденко, они подошли к внутреннему обводу, взломив до этого два заранее подготовленных противником оборонительных рубежа в районах Воропоново и Дар-Горы. Об уличных боях и говорить нечего: там драка шла за каждый дом, за каждую стену, за каждую лестничную клетку. Так что рассказы о легких победах пусть останутся на совести их авторов.

К утру 27 января наши части вышли к реке Царице, на плечах противника форсировали ее и приступили к очистке от захватчиков центра Сталинграда (Советской и Октябрьской улиц).

Снова завязались упорные бои. Все фундаменты и полуподвальные помещения разрушенных каменных домов по северному берегу реки. Царицы гитлеровцы превратили в опорные пункты. Каждый из таких опорных пунктов был серьезным препятствием для наших воинов. Артиллерия мелких калибров эти стены не пробивала, а тяжелых систем у нас было мало.

К вечеру 29 января части корпуса вышли уже к желез-

ной дороге, центральной части городского сада, на улицы Исполкомовскую, Краснопитерскую, Краснознаменскую. К 23.00 30 января были очищены от противника кварталы, примыкавшие к железной дороге и улицам Ленина и Московской.

29—30 января при захвате одного из опорных пунктов в городе нашим бойцам удалось взять в плен группу офицеров штаба 6-й немецкой армии во главе с полковником.

Битва на Волге закончилась для фашистов полным провалом. А для всего советского народа это был такой праздник, что трудно даже выразить! Когда было объявлено, что гитлеровский фельдмаршал Паулюс сдался в плен и вся группировка немецко-фашистских войск перестала фактически существовать, Сталинград выжил, начался такой салют из всех видов оружия, что от грохота можно было оглохнуть. Наши солдаты ликовали как никогда.

Каждый раз, когда мы с группой уральцев, ветеранов тех боев, подъезжаем к Волгограду, сердца наши начинают учащенно биться. Это и понятно: ведь мы отдали ему молодость, а многие из наших товарищей — и жизнь...

Прошли годы. На месте руин вырос, по существу, новый прекрасный город, замечательный по архитектурному решению. Но никто не забыл, что поднялся он возле братских могил героев, что земля эта полита кровью советских воинов.

И вот спустя столько лет мы вновь приехали сюда, где столько прожито и пережито. Мамаев курган. Здесь могила нашего любимого командира. У подножия фигуры Матери-Родины под гранитной плитой покоится его прах. На черном мраморе высечено: «Герою Советского Союза генерал-полковнику М. С. Шумилову. Вечная слава!»

А вот и памятник Саше Филиппову. Он был нашей гордостью. Разведчик. Когда развернулись бои за Сталинград, ему было шестнадцать. Днем Саша сапожничал, а по ночам пробирался в тылы противника. Двенадцать раз переходил линию фронта, возвращаясь с важными сведениями. Был схвачен гитлеровцами, но пытки не сломили мальчишку-героя.

Конечно же, не могли мы не побывать и на Лысой горе.

200 дней и ночей длилось сталинградское побоище: началось знойным летом, а закончилось морозной зимой. Для сравнения: Франция была занята Гитлером за 44 дня. Фашисты потеряли в сталинградских боях 1,5 миллиона сол-

Гвардии капитан
Н. Г. Дрот

дат и офицеров. Только в сражении за дом Павлова гитлеровцев погибло больше, чем в боях за Париж. История войны ничего подобного не знала. Армия Паулюса, насчитывавшая 330 тысяч человек, сложила оружие.

Да, это была славная победа наших войск. «Правда» тогда писала: «Хоть до рассвета было еще далеко, человечество впервые улыбнулось сквозь слезы...» А сталинградский снайпер, уралец Василий Зайцев, стоя на Мамаевом кургане, сказал: «Друзья, а ведь отсюда и Берлин виден!» Ох, как еще далеко было до германской столицы! Но Сталинград явился стартовой площад-

кой, с которой мы начали свое наступательное движение на запад. Оно было уже безостановочным и привело нас в апреле 45-го в логово фашистского зверя — в Берлин.

Глава VII

СПРОСИТЕ НОВГОРОДЦЕВА

Когда в штаб бригады сообщили, что ефрейтор Григорьев привел большую группу плененных немцев, все, кто был свободен от срочной работы, вышли на них поглазеть. Пленные были не из тех, кто замерзал в траншеях и с готовностью подымал фуки при виде советского солдата. На таких жалко было смотреть, особенно, когда закончились основные бои под Сталинградом и гитлеровцы стали сдаваться в плен в надежде выжить.

Григорьев же привел других: злобные серые лица, прищуренные глаза — они смотрели из-под вязаных треухов так, будто не они, а мы пришли сдаваться в плен.

Помню, Замяткин, взглянув только на фрицев, сбивших-

ся возле крыльца дома, где находился наш штаб, не выдержал и зло выругался.

— Чего притащил их сюда, пожалел, что ли? — спросил, обращаясь к Григорьеву...

Тот скалился на нас, будто именинник, будто мы вот сейчас ему хором поздравления выдавать будем. Он даже, как мне показалось, и не услышал вопроса Замяткина.

— У-у, гады, выродки человеческие, — простонал стоявший поодаль майор-артиллерист.

Из-под шапки у него виднелась белая кромка бинта. Он отвернулся и, тяжело припадая на правую ногу, пошел прочь.

Немцы, видно, почувствовали, какая обстановка складывается, и тихо о чем-то стали лепетать по-своему. А один, рябой такой, в подшлемнике, стащив с себя огромные меховые трехпалые варежки, стал истошно выкрикивать:

— Гитлер капут! Гитлер капут!

Нам вообще стало противно на них смотреть, но тем не менее любопытство заедает узнать: где ефрейтор мог таких вот «наковырять». А Григорьев только ухмыльнулся вопросу, скручивая сигарку, и, довольный тем, что на него все-таки обратили внимание, произнес:

— Вон у лейтенанта поспрашивайте, может, что и знает. Новгородцев его фамилия. Это ведь их трофей, а я только так, сторожую...

Ефрейтор, конечно, лукавил, набивал себе цену и готов был все рассказать, если бы кто-нибудь его уважительно попросил. Но тут в группе немцев стало заметно какое-то оживление, началась яростная потасовка. Фрицы скопом накинулись на того, что кричал про Гитлера, а затем вдруг бросились врассыпную.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

АТАКА ДВЕНАДЦАТИ СМЕЛЬЧАКОВ

**Наши разведчики взяли
в плен немецкого генерала**

Несколько часов в большом лесном массиве шел ожесточенный бой, который оказался роковым для многих немецких частей. Фашисты были окружены и разгромлены. Совершенно незначительные остатки этих частей мелкими группами скрывались еще в лесах и полях кукурузы.

Конным разведчикам офицера Бондарева была поставлена боевая задача — прочесать поле недавнего сражения.

Собравшись на опушке, 12 советских конников поскакали вдоль кукурузной посадки. Вдруг над головами разведчиков просвистели вражеские пули. В ту же минуту было принято смелое и дерзкое решение.

— В атаку на выстрелы, за мной! — скомандовал Бондарев.

Вихрем понеслись гвардейцы на выстрелы врага, охватывая его с трех сторон.

Расчет был точным.

Своим дерзким налетом разведчики ошеломили штаб немецкой дивизии, разгромленный и теперь в панике прятавшийся в густой молдавской кукурузе.

Схватка была короткой. Сопротивлявшиеся офицеры и солдаты были расстреляны, остальные принуждены к сдаче в плен. Поднял руки перед нашими воинами и генерал, командир этой немецкой дивизии. Вместе с ним сложили оружие 9 офицеров.

В этот день разведчики Шанпов, Рязяев, Борозденко, Омельченко, Бармаданов под командованием гвардии лейтенанта Бондарева захватили в плен 70 немецких солдат и офицеров.

Слава бесстрашным гвардейцам!

Н. Волгин

Вот тут мы уже и сами несколько подрастерялись. Григорьев аж дымом поперхнулся, сигарку выбросил, кричит:

— Стой, гады, убью! Хенде хох, сволочи!

Я выхватил из кобуры пистолет, с перепугу пальнул вверх. Гитлеровец один, в большом, видно, чине, на меня бежал, но после выстрела метнулся в сторону и наскочил на телефониста Петра Болотова, только что вышедшего из штаба. Петя куда-то торопился, но, испуганный выстрелом, замер. И тут немец налетел головой прямо на него. Фриц опрокинул наземь бедного телефониста и круто свернул за угол дома, бросился вдоль забора по улице. Да куда там...

Ох, и наделали немцы переполоху в тот день. Их, конечно, отловили, убежать уже было нельзя, вокруг одни только наши солдаты. Но все мы получили по выговору за ротозейство, а ефрейтор Николай Григорьев чуть было под трибунал не попал. Лейтенант Новгородцев его выручил, от штрафбата избавил.

Так до конца войны и не узнал я, что за «птиц» привели тогда к штабу лейтенант с ефрейтором и что за история крылась за всем этим.

И вот, уже работая над этими записками, вдруг получаю письмо: «Здравствуйте, Григорий Исаевич! Узнал от

наших однополчан, что расспрашивали о моей судьбе. Сообщаю: жив, дошел до Берлина...» А дальше Тимофей Филиппович рассказывает о том случае в Сталинграде. Оказывается, незадолго до разгрома гитлеровцев на Волге в город прибыла группа инспекторов из Берлина. Они должны были изучить на месте положение дел и доложить свои соображения лично Гитлеру. О том, что такая инспекция работала в штабе Паулюса и в войсках, наше командование знало. Были приняты все меры, чтобы отыскать этих представителей. Однако они как в воду канули. Некоторые пленные показали, что их вывезли через наше кольцо окружения. Но это было маловероятным. Другие сообщали: дескать, инспекторы застрелились, так как не могли принять позор пленения и так далее.

Лейтенант Новгородцев с ефрейтором Григорьевым тоже занимались поиском пропавшей инспекции. Но все было безрезультатно, пока не попали они в поселок Ельшанка, что на южной окраине Сталинграда, возле станции Садовая. Разрушенный до основания, поселок выглядел мертвой зоной, где жизни, казалось бы, практически не за что было зацепиться — все выгорело. Однако, как это часто бывало на нашей земле, отвоеванной у фашистов, жизнь теплилась и здесь: у самого края поселка стоял небольшой закопченный домик с провалившейся крышей. Оттуда-то навстречу Новгородцеву и Григорьеву и выбежала женщина. Бежит, спотыкаясь, падает и все что-то кричит. Слова ветром относит, ничего не слышно. Уже в землянке возле хаты, где женщина пряталась с дочкой от бомбежки, она пояснила вразумительно, что вчера ночью в доме обосновались какие-то люди. К себе не пускают, но и голоса не подают. Догадалась женщина, что наверняка это немцы. Хотят отсидеться здесь.

— Уж вы возьмитесь, выкурите их отсюда, — взмолилась хозяйка.

Далее Новгородцев пишет:

«...Подожли мы к дому, палкой постучали в дверь. Никто не откликнулся, хотя видно, что заперто изнутри. Отошли, гранату бросили, дверь сорвало. Внутри — тишина. На наши слова никакой реакции. Дали очередь из автомата. Вот тут и зашевелились. Выходит один с портянкой в руке. В другой руке сапоги держит. Заставили обуться. Еще дали очередь. В ответ — беспорядочная стрельба из пистолетов. Суматошная какая-то, паническая. Через пау-

зу — еще один выстрел, и тогда полезли оттуда один за другим. Офицеры. Погоны некоторые успели уже содрать, но по всему было видно — важные птицы...»

Глава VIII

ПЕРЕДЫШКА

Получил письмо от своих друзей-однополчан. Как водится по нашей ветеранской традиции, перед праздником мы таким вот образом перекличку проводим. Еще недавно наши ряды были достаточно плотными. Прошло несколько месяцев, и уже появились бреши. В письмах одно за другим сообщения: «Ушел из жизни...», «Закончил борьбу с болезнями...», «Отмучился...»

Да, как это ни горько признавать, но время неумолимо. Уходят и уходят в историю действительные свидетели воинского подвига 1941—1945 годов. Все меньше остается участников тех грозных событий, о которых только они и могут поведать всю правду без ущемления и прикрас.

За многие годы восхваления одних и необоснованного замалчивания других в представлении людей послевоенных поколений война стала выглядеть в таких необъяснимо чистых, благостных красках, что порой, дернув себя за ухо, спрашиваешь: не во сне ли я?

В угоду чьим-то амбициям с легкостью необыкновенной начали переставлять героев с одного места боя на другое, в другие бои, присваивать им чужие подвиги, рассказывать о них небылицы. Вначале мы этому удивлялись, потом стали негодовать, но кто хотел слушать нас, когда эти небылицы тиражировались в сотнях тысяч экземпляров книг о войне? Писатели описывали свою войну, журналисты разных возрастов, но абсолютно всех изданий искали только сверхчеловеков и, не найдя, выдумывали их. Выдумывали к празднику или к очередной дате. Очеловечивали этих героев, и это нечто создаваемое о войне преподносилось как удача в поиске.

Спустя некоторое время в том или ином издании скромно сообщалось, что такого случая или такого человека не было, потому что при тех условиях быть не могло, а было так-то и так. Но кому это уже нужно, если праздник закончился, а бег времени не остановить. Ветераны один за

другим сходят с дистанции. Уж очень нелегкая им выпала судьба. Потому и неудивительно, что время от времени пишут мне друзья: «Петр уже отмучился», «Николай ушел из жизни, так и не дождавшись своей комнаты в громадной исполкомовской очереди ветеранов войны и труда», «Федор умер, так и не получив свою медаль «За взятие Берлина». Где-то в военкомате замылили бумаги...»

Я с грустью читаю письма людей, которые когда-то были бесстрашны и настойчивы, мужественны и терпеливы. Они знали, что впереди у них целая жизнь, и потому умели прощать мелкие обиды. Они верили, что самое главное — это победа над врагом, а все остальное не так важно для них. Но пробил час, и все в их жизни перевернулось: подвиг на фронте стал малозначительным и ничтожным фактом, обращать внимание на который стало просто недосуг, а мелочная возня вдруг неожиданно приобрела самые широкие масштабы. Она, эта возня, как мясорубка, смалывала одного ветерана за другим, безжалостно, тупо, пугающе. И опять никому до этого не было дела. Кто-то из стариков не выдерживал и начинал врать. И ему верили, потому что искали не людей, а героев.

Таковы правила игры послевоенных времен.

Если я ошибаюсь, пусть мне докажут обратное. Я видел войну собственными глазами и могу точно сказать, что основной составляющей любого, самого маломальского успеха в бою были все-таки не красивые подвиги, а тяжелая будничная работа с потом и зачастую обильной кровью. Так что погибших, как правило, оказывалось больше, чем награжденных. И все мы, хлебнувшие военного лиха, собираясь вместе, в первую очередь вспоминаем погибших товарищей. Их гибель оставляла рубцы на душе, они болят до сих пор.

...В марте мы узнали, что нам предстоит путь на новое место. И наверняка не к теще на блины, а опять в самое пекло. Полки в срочном порядке пополнялись новобранцами. Мы в это время хорошо отоспались. Горячей пищей нас теперь кормили регулярно, стал вроде бы жирок завязываться, как шутили солдаты.

Быстро выветривались из памяти тяжелые эпизоды недавних боев. Живые радовались жизни. И как не радоваться: стало пригревать солнце, увеличился день. Запахло весной...

Как-то зашел в минометный взвод. Переговорили о том, что ждет впереди. На днях прошел слух: будет новое на-

значение, приказ, дескать, уже имеется. Но я-то знал, что приказа нет. Просто нашу дивизию передают другому фронту.

Землянка тускло освещена красноватым светом маленькой копилки. Свежие фронтовые газеты прочитаны, письма написаны, разговор как-то уже не клеится. Сердце заполняет тоска... И тут несколько бойцов, обладающих хорошими голосами, запевают. Тенор, бас и два баритона. Они поют «Ермака», «Тройку», «Калинушку» и «Вниз по Волге-реке». Мы слушали их и боялись пошевелинуться, чтобы, не дай бог, не нарушить это задушевное согласное пение.

Словно течение большой широкой реки, плавно лилась песня — то заунывная, как посвист вьюги, то раздольная, как волжский простор, то торжественная, как журавлиный клич на утренней заре... И мрачная землянка преображалась и казалась большой уютной комнатой родного дома. Кончалась одна песня, и мы тут же просили другую.

Долго не мог понять, почему мы не привыкаем к страху на войне. Почему ты уже имеешь боевой опыт, а душа твоя продолжает трепетать и томиться? И чем дальше, тем больше. Да потому, наверное, что мы и в самые тяжкие бои, когда земля в окопах спекалась, не грубели и не превращались в камень. Мы оставались людьми, способными чувствовать и плакать.

В дни, отданные передышке, когда не нужно было постоянно думать о том, как уберечься от воющих мин и летящих с небес бомбовых чушек, казалось, что война уже от тебя отделилась. Быт занимал все время. Если удавалось, то в баню ходили по несколько раз на неделе.

Хорошо помню один из дней, когда вот так, помывшись, попарившись в баньке, направлялся к себе в расположение, и тут меня окликает знакомый офицер из штаба полка Андрей Орехов.

— Григорий, погодь-ка. Гуляешь? — по-мирному спросил он. — Я тут тебе дельце придумал. Надо привезти из тылов новое имущество, а дороги из вновь прибывших никто толком не знает. Покажи, как добраться! Сгоняй, а? Век буду благодарен.

Так оказался я в тот день в кабине с молодым парнем из-под Тамбова, который и пробыл-то на войне всего несколько часов.

На полуторке по тальнику мы добрались до складов,

загрузили имуществом весь кузов доверху и, перекурив, двинулись в обратный путь.

Глубокая колея сама управляла машиной. Это, естественно, было на руку водителю Василию Костицкому и мне. Устал я за день, надо признать, чертовски. Пришлось ведь разыскать с десяток людей, пока получили по разным документам свои мешки да тюки. Потом бегал за почтой. Словом, намаялся. Правда, Вася тоже не сидел без дела. Машина в пути дважды глохла по причине каких-то неисправностей, поэтому, как только мы прибыли к тыловикам, он тотчас полез ковыряться в моторе.

Обратная дорога казалась легкой.

— Товарищ младший лейтенант, как, по-вашему, лучше: размешивать грязь или утаптывать? — спросил вдруг Вася.

— Это в каком смысле? — Его вопрос застал меня врасплох.

— Да я вот тут стихи сочиняю. «Развезло. С непогодой смирясь, продолжаем размешивать... или утаптывать... Как лучше? Гря...»

В этот момент неслышный из-за воющего мотора машины, из-за притупленного неожиданным разговором чувства опасности и внимания «упал» с неба, сзади, «мессер» и прошил Васю очередью. Чуть ослаб тул двигателя, но снова была монотонность дороги и леса около нее, будто возник мгновенный мираж, свалился секундный сон. Только сработала правда войны. Вася был мертв.

Мое состояние передать словами невозможно. Еще минуту назад я был далеко от войны. Закрыв глаза, видел себя дома. Располагала к приятным мыслям и природа. По-весеннему ярко светило солнце, воздух был напоен ароматом просыпающегося леса. И в один миг все изменилось.

Я вылез из кабины, походил вокруг машины — везде пусто. Кричи не кричи — никто не поможет. Надо ехать, а как? Я ведь не умею водить машину. Видел много раз, как переключают скорости, как крутят баранку, но сам этого не делал ни разу. А тут ведь еще и Вася... Это был его первый день в действующей армии. И машина-то была не его, случайно оказался под рукой у комбата Василий Костицкий.

Делать нечего, перетянул я его тело на свое место, сел за руль. И вот потащилась по серой дороге в серую даль военная полуторка с тюками фланели для солдатских портянок. При столь слабых, а вообще-то, прямо скажем, ни-

каких, шоферских навыках решил полностью отдать себя во власть колеи. В конце концов приведет же она куда-нибудь? Похоронить-то Васю надо обязательно на людях, там, где они бывают. Чтоб заметили, запомнили место, где будет могила молодого солдата, погибшего на дороге, ведущей к фронту. А раз идет война, то можно сказать, что в бою.

Лес наконец кончился. И сразу же оправа неярко блеснули рельсы, потом подбежали к дороге и повели к завидневшемуся впереди строению. Уже различались люди, кучками столпившиеся около него. Это была небольшая станция с вокзалом, вернее, с тем, что осталось от него: четыре стены со слишком темными для стекол пятнами окон, да везде печные трубы, тянувшиеся вверх прямо из потолка и поэтому кажущиеся неестественно длинными, словно трубы парохода.

Но железная дорога работала, жила. Я выключил зажигание, пошел искать коменданта. Найти его оказалось несложно, потому что людей в военной форме, кроме одного лейтенанта с подтянутой бинтом к груди перевязанной правой рукой, не было видно. С задумчивым видом он стоял возле круглой голландской печки.

— Комендант? — спросил я.

— Он.

— Слушай, шофера у меня убило. Похоронить бы, могилку где-нибудь поблизости соорудить. Есть у тебя люди?

— Люди-то есть, вон они. — Комендант кивнул на разбитое окно, выходившее на перрон. — Старики да дети. Все поездов на восток ждут. А их уже не будет, жду с востока...

— А солдат у тебя нет?

— Нету. Я — в единственном числе, — уже мягче сказал комендант. — Да и то, видишь, полсолдата. Ты ребяташек попроси, помогут, может. Мне, сам понимаешь, неловко. Будут просить услугу за услугу. А где я им составы возьму? Похоронить можешь вон в том скверике. Там уже несколько наших лежат.

Бледные, с покрасневшими глазами мальчишки вызывали у меня острую жалость. Я пробежал глазами редкую толпу беженцев, затем, устало махнув рукой, направился к машине: «Сам выкопаю, сам похороню, сам отсалютую».

Вязкая земля трудно поддавалась лопате. Рядом был невысокий свежий холмик, уже начинающий усеять в серую траву. Вокруг бледнели остатки цветов. «Даже таб-

лички нет никакой», — с грустью подумал я. И тут услышал за спиной:

— Помощь не требуется?

— Неплохо бы.

Оглянувшись, я тотчас же пожалел о своих словах: передо мной стоял худенький, маленький, с такой же маленькой, клинышком бородкой старичок в очках.

— Что, не гоже? — бодро спросил он, словно читая мой изумленно-виноватый взгляд. — Не переживайте, у меня тут целая гоп-команда.

И старичок вдруг по-молодецки, залихватски свистнул. Через какие-нибудь секунды в сквере уже стояло шесть довольно крепких подростков.

— Вот мои гвардейцы, мои ученики. Я, видите ли, учительствую в городке, в трех километрах отсюда, южнее. Кстати, вот эту могилу тоже мы копали. Трое там лежат.

Справились мы быстро. Комендант выдал мне справку о том, что Василий Костицкий убит и похоронен со всеми военными почестями. Но за это потребовал, чтобы шестерых парней — моих помощников — я взял непременно с собой, как пополнение. Оказывается, ребята на этих условиях оказывали здесь разные услуги коменданту под его честное партийное слово.

Пришлось взять.

От начальника штаба я в тот вечер получил серьезную выволочку за то, что не уберег молодого бойца. Но спустя некоторое время от разведчиков приходил Бушуев и благодарил за хороших парней — четверо остались в их взводе.

Помню, приходилось нам идти через многочисленные деревни и деревушки. И везде — родные и близкие сердцу русские избышки, крытые соломой. И так это пронзало душу: исконно русская деревенька, лесок, речушка, поле и потревоженный нами заяц-русак, улепетывающий без оглядки.

Сейчас, размышляя о том своем состоянии, не могу понять причин какой-то особой настороженности ко всему, что нас тогда окружало. Впрочем, объяснить это можно, если согласиться с утверждением о наличии того самого шестого чувства. Именно этим шестым чувством мы, прошедшие Сталинград, понимали, что входим в полосу небывалой опасности. Это теперь ясно, что сражение под Курском стало не просто очередным крупным столкновением воюющих сторон. За несколько часов до битвы немецким солдатам

объявили приказ фюрера. В нем говорилось: «И вы должны знать, что от успеха этого сражения может зависеть все».

Под Сталинградом Гитлер потерял не только ударную армию, он потерял стратегическую инициативу. Упал дух немецких войск. Еще мрачнее стало в тылу. Союзники фашистской Германии уже откровенно косили глаза на спасительные «кусты». А наши дивизии продолжали теснить противника на юго-западном крыле огромного фронта. После Сталинграда в феврале 1943 года были освобождены Белгород и Харьков.

Однако в марте эти города снова оказались в руках фашистов. Лихорадочный контрудар в самое неподходящее время, когда поле покрыто водянистым снегом, выдал нетерпение врага восстановить утраченное положение. Для решающей схватки советским войскам надо было собрать силы. Наступательный зуд нам пришлось сдерживать до лета.

Место предстоящего удара определилось еще весной. Его подсказывали сами контуры линии фронта. От Ладоги до Черного моря он шел чуть ли не по линейке и лишь между Орлом и Белгородом резко выдавался вперед. Этакий кулак у самой груди армии рейха. Еще нажим — и затрещат бара...

Однако фашистское командование видело не только выгодность наших позиций, но и их уязвимость. Ведь это готовый мешок, в который советские войска вошли сами. Теперь надо лишь перехватить горловину. Так в гитлеровской ставке, как теперь известно из опубликованных документов германского Генерального штаба, возник замысел двух концентрических ударов: вниз от Орла и вверх от Белгорода до встречи наступающих группировок под Курском. Тем самым, считал Гитлер, свершится невиданное в истории войн окружение, и тогда весь мир окончательно поймет, что «оказывать какое бы то ни было сопротивление немецкой армии в конечном итоге бесполезно». Цель операции «Цитадель» была сформулирована. С орудий уже сбрасывались чехлы. В этот момент мы здесь и появились.

Для советского командования план противника не был неожиданностью. Его разгадали точно и своевременно. Оставался вопрос: как ответить? Упредить врага собственным наступлением или противопоставить его наступлению мощную оборону, на укрепленных рубежах хорошенько потрепать его, выбить из строя побольше танков, самолетов

и уже тогда самим рвануться вперед... Второй вариант был все же предпочтительнее. По нему и решено было действовать.

Войска готовились к трудному боевому лету, а крестьяне прифронтового Прохоровского района сеяли хлеб.

Мы пришли сюда далеко не первые. Под Курск «выскачили» три фронта. Это слово точно выражает поспешность переброски на Курскую дугу Донского фронта, ставшего Центральным, под командованием Рокоссовского, Воронежского — генерала Ватутина и сосредоточенного у них за спиной резервного Степного фронта генерала Конева. Более 1 300 000 солдат, свыше 19 000 орудийных и минометных стволов, без малого 3500 танков и самоходок, 2172 самолета — вот такая это была мощь!

Мы значили тогда едва ли единицу в составе слагаемых. Но без единицы, как известно, не бывает нужной суммы. А сумма, итог — это наша сегодняшняя мирная жизнь. Поэтому хочется еще и еще вспоминать обо всем, что было.

На переднем крае солдаты рыли землю. А за ним вглубь на 250—300 километров шло еще семь оборонительных поясов. Пробьет враг одну брешь, а на пути его — новый заслон. Уже после битвы подсчитают все километры этих траншей, ходов сообщения и ахнут: получилась цифра, равная расстоянию от Москвы до Владивостока.

Если когда-нибудь соберутся поставить памятник той, что с узелком харчей да вскинутой на плечо лопатой шла «на окопы», то белгородско-курская земля, пожалуй, лучшее для него место.

А бойцы готовились встретить наступление врага. Окопы утюжили свои же танки. Не успев стряхнуть с себя осыпавшуюся землю, пехота швыряла вслед им деревянные болванки. Нам читали инструкции, куда лучше метить, чтобы подбить еще ни разу не виданный новый фашистский танк «тигр». А за спиной росло бессонное рукоделие сотен тысяч крестьянок и горожанок: траншеи, эскарпы, окопы...

Масштабы надвигающихся событий трудно было охватить даже человеку осведомленному. Рассказывают, секретарю Курского обкома партии позвонил маршал. Он попросил помочь с подвозом грузов для армии, так как тылы ее не поспевали за передовыми частями. Секретарь обещал выставить несколько сот подвоз. Собрать столько в разоренной области да еще в посевную было нелегко. Но маршал воскликнул: «Это же капля в море!»

**Командир 5-й батареи
гвардии капитан Орябин-
ский**

Теперь, когда известны цифры, видишь: действительно, капля.

Я уже писал, что к разведчикам и артиллеристам у меня всегда было особое отношение. По всей вероятности, это оттого, что я создавал где-то в глубине души: никогда не смогу быть таким, как они. Что-то необъяснимо притягательное и таинственное было в их особом отношении к фронтовой жизни. Они постоянно работали. Разведчики с восходом солнца уходили в неизвестном направлении и возвращались еле волоча ноги, грязные, в оборванных маскхалатах. Артиллеристы тоже с рассвета и дотемна колдовали у пушек.

Среди артиллеристов у меня было много знакомых, я часто бывал среди них. Не раз слышал их рассказы о боях, о ранениях. Характерно, что по ранениям артиллеристов всегда можно было распознать безошибочно. Запекшиеся, кровоточащие повязки, закрывающие лоб, рот, глаза...

Орудийные расчеты нередко выходили один на один с танками врага. Свинцовый ветер бил им в лицо. И не мог артиллерист в смертный час боя отвести глаза от прицела или бинокля. Чем тяжелее бой, тем хладнокровнее он должен, не отрываясь, смотреть на цель, рассчитывать расстояние до нее, наводить.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

РЕМОНТ НА ОГНЕВОЙ

Вышли из строя две пушки, стоявшие на прямой наводке. Они требовали серьезного ремонта. Потребовалось провести разборку матчасти и заменить поврежденные части.

В этот день враг особенно злобствовал, переходил в яростные контратаки. По нашим огневым непрерывно вели огонь шестиствольные минометы. Но я знал, что ремонтировать надо немедленно, так как пехоте особенно требовалась поддержка артиллерии.

Пробираясь между разрывами мин и снарядов, мы вдвоем с военным техником Чесноковым вышли с инструментом и нужными запчастями к пушкам.

Разобрал я поворотный механизм. А тут из-за облаков вынырнули вражеские стервятники и начали бомбить. Если бросить, думаю, побежать в укрытие, шарики рассыпятся в грязь, а тогда еще дольше пушка будет стоять на ремонте. Прижал руками механизм и пригнулся: будь что будет! Одна бомба разорвалась метрах в двадцати. Воеет следующая. Ну, думаю, моя. Нет. Упала дальше. Только пушка затряслась от ее взрыва. Так и не бросил шарики.

Несмотря ни на какой огонь врага, пушка была отремонтирована и сдана командиру орудия.

Оружейный мастер
гвардии старший сержант
А. Андрианов

«Мне осколком вдавило глаз. Это было в момент боя — я засекал огневые точки противника. Я потерял сознание, меня вынесли из-под огня. Очнулся ослепший. Глаз глубоко ушел внутрь и прижал нерв. Теперь я не видел и другим глазом. Прошло немало времени, пока стал снова видеть».

Это рассказывал мне сержант Гриша Каплун.

Как-то во время боя к нам прибежал раненый артиллерист. Он зажимал руками разбитый рот и горло. Кровь сгустками вырывалась при каждом его выдохе. Он не кричал, а хрипел:

— Бейте! Бейте их!

Под Сталинградом в дни наступления мы потеряли опытного наводчика Сурена Агаберзяна. Его убило в тот момент, когда он целился. Пуля вошла ему в лоб, смерть наступила сразу.

«Сурен был нам как отец, помогал, советовал. Только что мы слышали его голос. И вот Сурена уже нет. Видим, что он мертвый, — рассказывали товарищи наводчика, — но не можем смириться. Положили его на станину, так и катили орудие вперед».

В те дни меня нашло письмо от школьного друга — Олега Подольского, он воевал под Ленинградом.

«Дорогой Григорий! Можешь меня поздравить. Я уже лейтенант, команду взводом. Недавно у нас произошел интересный случай. Со своими солдатами под покровом ночной темноты мы пробирались по заболоченной местности в расположение гитлеровцев. Там обезоружили несколько оружийных расчетов. Когда утром наши части перешли в наступление, немец не смог ответить огнем. Вскоре эти орудия оказались в наших руках, и мы били гитлеровцев их же собственным оружием. За это меня наградили орденом Красной Звезды. Скажу прямо, эта операция была не только рискованной, но и очень тяжелой с физической стороны. Очень помогли мне наши довоенные занятия легкой атлетикой».

После январских боев 1943 года по прорыву блокады Ленинграда Олег погиб. Я об этом не знал, написал ему о своих фронтовых маршрутах. Похвастать мне было нечем, ордена еще не заслужил. Но зато я очень гордился тем, что отличился мой друг.

Обо всем этом и написал Олегу. От бойцов его взвода получил ответ. Они и сообщили мне, что их командир погиб смертью храбрых. Его похоронили с фронтовыми почестями на опушке леса недалеко от Колпино. В могилу Олега положили его любимую гитару.

Я вспомнил, как в классе девчонки млели от Олеговых гитарных аккордов. Он был настоящий красавец, в компаниях — незаменимый человек. Не могу прийти в себя от мысли, что его нет и уже не будет никогда. Дал себе зарок никогда не вспоминать об этом горестном сообщении его бойцов. А когда прочел строки Константина Симонова: «Неправда, друг не умирает, лишь рядом быть перестает...» — полностью согласился с ними.

...Дни проходили за днями. Стало известно, что создается новое формирование. Мы теперь будем 94-й стрелковой дивизией, да к тому же еще и гвардейской. Это за победу под Сталинградом нам такая честь. Был специальный приказ Верховного. С большой торжественностью давали мы гвардейскую клятву бить врага, не щадя своих сил.

МОЛОДОЙ БОЕЦ, ПРОЧТИ!

Законы советской гвардии

Там, где наступает гвардия, враг не устоит, там, где обороняется гвардия, враг не пройдет.

Закон гвардейца — биться до последнего патрона. Нет патронов — прикладом, кулаками, зубами вцепиться в немецкую глотку, но не падать на колени перед врагом.

Закон гвардейца — у врага оружие забирай, а со своим не расставайся ни при каких условиях! Воин без оружия — что без рук.

Что такое гвардейский подвиг? Это значит убить врага и остаться в живых самому, а если умереть — то дорого продать свою жизнь.

Если гвардеец умирает, он оружие из рук не выпускает: оно у него и у мертвого на врага направлено.

Тот не настоящий гвардеец, кто не убил ни одного немца.

В старину говорили: «Один в поле не воин». Неверно это. Когда боец сражается по-гвардейски, смело и с умом, он и один в поле воин, он устоит и против десятка немцев

Закон гвардейца — настойчиво учиться и в ходе боев, изо дня в день повышать свое воинское мастерство.

Эти законы советской гвардии должны стать законом для всех воинов Красной Армии.

Переименование внесло определенную сумятицу, но в целом у нас мало что изменилось. Начальствующий состав остался почти тот же, что и был. Основной костяк бойцов знал боевые качества своих командиров. А ведь это очень важно: быть уверенным в тех, кто завтра поведет тебя под вражеские пули. Себя не жалко, если впереди победа. А если жертва напрасна?..

Но мы действительно хорошо знали личную храбрость командира дивизии полковника И. Русских, начальника штаба Г. Шостацкого, командира стрелкового полка М. Аглицкого. Верили в их опыт.

Начальник артиллерии дивизии С. Висевич тоже был очень уважаем, и не только среди артиллеристов. Отчаянной храбрости был человек и большой мастер огня. Рассказывали, что однажды, когда артиллеристы поддерживали продвижение батальона, немцы вдруг ошетинились пулеметным огнем. Стреляли так густо и прицельно, что головы нельзя было поднять.

— Сначала мы не могли установить, откуда они ведут огонь, — рассказывал нам комбат. — Затем кто-то из моих солдат отошел в сторону. И вот пулемет снова заговорил. Тут-то боец и заметил, что фашист замаскировался в фабричной трубе. Я начал изучать ее в бинокль и обнаружил пробойну, из которой едва виднелся ствол пулемета. Мы мгновенно открыли по трубе огонь из всех видов стрелкового оружия. Безрезультатно! Тогда включились в работу артиллеристы, но и они попасть в цель не могли. Слишком уж она маловата была, да и солнце глаза слепило. Тут подъехал к артиллеристам подполковник Висевич. «Что снаряды зря палите, — сердито заключил, выслушав объяснение командира батареи. — Поправку на оптическое искажение брать надо. Солнце трубу отдаляет. — Потом, с минуту подумав, бросил на сиденье перчатки с руки и произнес: — Дай-ка один бронебойный, запишешь на мой счет». Бойцы расступились у панорамы, наблюдая, как ловкими и быстрыми движениями Висевич готовит пушку к бою. Вот он навел орудие в цель и скомандовал: «Огонь!» Первым же выстрелом верх трубы был снесен.

Глава IX

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Интенсивно готовиться к новым боям мы начали с конца марта. Пополнение, прибывавшее в полки и в дивизионные подразделения, состояло в основном из молодых, необстрелянных ребят. Опытным бойцам приходилось их обучать. Снайперы готовили снайперов, артиллеристы — артиллеристов, саперы — саперов и так далее. Я занимался с топографами. Их оказалось не так много при штабе — несколько бывших студентов-политехников и два учителя географии, — но хлопот это доставляло уйму.

Был один учитель из Казахстана — Рашид Кунакбаев, невысокого роста коренастый весельчак. Улыбка не сходила с его лица. Рашид погиб спустя пятнадцать дней. Закрыл собой парторга, когда рядом с ними взорвался фугас.

С пополнением пришло много молодежи из Средней Азии. Создалось такое смешение языков, что гвардии подполковник С. Кузовков со своим аппаратом, политработники из полков гвардии майоры К. Зайцев, М. Фокин, Л. Раз-

дайбеда, К. Григорян столкнулись с проблемой, как ускорить сколачивание подразделений. Требуется взаимопонимание, а его даже с переводчиками не так-то просто добиться.

Выручила чайхана. Идея родилась, казалось, сама собой, от чьей-то шутки о том, что-де на Востоке все проблемы решаются только в чайхане в неторопливой беседе.

Было принято решение организовать по полкам такие чайханы. И зачастили бойцы в гости друг к другу на чашку чая — кружку крутого кипятка. Дело пошло.

Все это время, конечно же, мы не знали покоя. 283-й гвардейский стрелковый полк, например, помимо того, что укреплял оборону, занимался тем, что прочесывал леса и рощи в поисках лазутчиков и шпионов, устраивались тренировочные рейды в наш тыл — войска готовились к решительным дням.

У меня в комнате на книжной полке стоит фотография военных лет. Она давно уже стала своего рода символом, «портретом эпохи». Это знаменитая на весь мир фотография — «Комбат». Уже известна фамилия этого человека, поднимающего солдат в атаку, найдено место, где был сделан снимок. Впрочем, так ли это важно? У каждого фронтовика было свое поле боя. И свой комбат. И свой самый важный в жизни миг.

Заканчивался май — месяц весенних зарниц. В этих местах на Белгородщине они особенно ярки. И травы благоухают по-особому: свежо и сладко. Часто вспоминался родной Урал, в горах уже давно, наверное, зацвели подснежники. Мы, геологи, наслаждаемся уральской весной обычно самыми первыми, отправляясь в поисковые партии с ранними лучами майского солнца. И здесь, под Курском, мне часто вспоминались родные, до боли в сердце знакомые тропы, исхоженные десятки раз, но всегда открывающие удивительную красоту и величавость нашего края.

5 июля ночью нас подняли по тревоге. Маршрут: Короча — Белгород. Задача: закрыть путь гитлеровцам в полосу обороны село Севрюково — высота 206,9 — село Мясодово. По расстоянию — это каких-то два-три километра, но, как потом выяснилось, по плотности огня в нашу сторону это был чуть ли не самый опасный участок первых дней битвы на Огненной дуге.

Рано утром, не дойдя до намеченного рубежа, передовые части дивизии развернулись и с ходу вступили в бой

с фашистскими тяжелыми танками на восточной окраине села Мясоедово. К десяти часам к этому рубежу подошли основные наши силы. Мы отбивали уже пятую танковую атаку противника.

Ожесточенный бой продолжался до поздней ночи. Гвардейцы стрелковых полков подбили и подожгли свыше тридцати танков и уничтожили более тысячи солдат и офицеров противника. Стояли насмерть и по-гвардейски били врага артиллеристы 199-го артполка. На поле боя перед их орудиями горели факелами изуродованные фашистские танки. К 11 июля их было уже так много, что они мешали вести огонь прямой наводкой.

...Когда во взводе гвардии лейтенанта Кушлянского осталось только одно орудие, в бой вступила еще одна группа танков противника. Артиллеристы сумели поджечь три и подбить пять бронированных машин, которые подошли на 70—80 метров. Но из строя вышел и весь расчет. Тогда Кушлянский сам встал к орудью и один за другим подбил еще три танка, причем последний выстрел был произведен, когда танк приблизился уже на считанные метры.

Столь же самоотверженно и отважно сражался расчет старшего сержанта Афанасьева. Несмотря на ранение, командир расчета продолжал оставаться у орудия и вел стрельбу. Артиллеристы уничтожили три танка противника.

Гвардии красноармеец Сигимбаев подбил один танк. Бой продолжался. Осколком снаряда боец был ранен.

— Пока танки врага здесь — Сигимбаев тоже будет здесь! — сказал он, отказавшись уходить в тыл на перевязку. Вынесли его с поля боя только тогда, когда атака была отбита.

Гвардии старшина Кривницов и гвардии старший сержант Письмак подбили из 45-миллиметровой пушки два танка и уничтожили 35 гитлеровцев.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ИЗ БОЕВОГО ОПЫТА

С автоматом на врага

По цепи стрелков прокатилась команда:

— В атаку!

С мощным «ура!», непрерывно ведя огонь, мы достигли траншей

противника. Здесь еще злее стали расстреливать гитлеровцев. И вдруг в самый разгар боя у меня в диске автомата кончились патроны. Запасного диска также не было.

— Куликов! Почему не стреляешь? — спрашивает командир. А мне и ответить нечего. В общем, крепко пожурил меня командир.

— Хороший солдат никогда с одним магазином в бой не идет. Запас надо иметь, — строго сказал он.

В том бою меня товарищи выручили, а также гранаты, которых было у меня пять штук. С тех пор я всегда три-четыре диска с патронами в запасе держу и гранат не меньше шести. И каждому, кому автоматическое оружие вручено, я бы так сказал: идешь в бой — запасайся боеприпасами. Если ты автоматчик, три-четыре диска с патронами, шесть гранат — вот что при тебе быть обязательно должно. То же ручному пулеметчику. А ежели «максим» у тебя — шесть-семь лент, не меньше, приготовь к бою. В схватке с врагом не всегда время найдется, чтобы набить диск или ленту патронами в тот момент, когда они у тебя будут израсходованы. Однако можно захватить с собой и боеприпасов достаточно, но все бесполезным окажется, если не будешь бережно следить за оружием.

Однажды, преследуя врага, мы неожиданно попали под вражеский пулеметный огонь. Нас было несколько человек. Пришлось залечь и пробираться ползком по песчаному грунту. Подползли к врагу поближе, команда «огонь!» подана, нажимаю на спуск, но автомат молчит. То же еще и у других товарищей произошло. Хорошо, у остальных автоматы безупречно действовали, а мы тем временем свои исправили. В чем же дело? Оказывается, в патронник песку набралось.

Но вот пулемет врага уничтожен. Движемся дальше. Немцы залегли за насыпью железной дороги — автоматом не достанешь. Вот тут очень кстати пригодились гранаты. Не выдержал немец удара нашей «карманной артиллерии», снова отходить начал, и опять мы на него всю силу автоматов обрушили. Мало кто из фрицев уцелел.

Боевой опыт научил меня уважать и хорошо знать свое грозное оружие, бережно к нему относиться, иметь всегда при себе запасные диски, побольше гранат и патронов.

Гвардии сержант
В. Куликов

Десятки бойцов и командиров, имена которых сохранила память, проявили в те дни чудеса храбрости. Особенно потряс меня рассказ агитатора о подвиге гвардии младшего лейтенанта Сергея Свищева.

У деревни Мясоедово в сложной ситуации оказался расчет минометной роты старшего лейтенанта Лизунова. Его

окружили немцы, предложив сдаться в плен. Тогда офицер принял решение: надо прорываться — иного выхода нет. На каждого минометчика оставалось три-пять патронов. Они пошли в атаку и пробили кольцо окружения, но ненадолго. Гитлеровцы, оставив на поле боя около 30 трупов, вновь сомкнули кольцо. Тогда на помощь попавшим в беду товарищам бросился взвод автоматчиков под командованием младшего лейтенанта Свищева. Огнем автоматов, с помощью гранат они расчистили себе дорогу к минометчикам.

Гитлеровцы усилили нажим. На наших воинов начал напирать фашистский танк. Свищев приказал отсечь автоматчиков огнем, а сам со связкой гранат бросился под вражескую машину. Мстя за смерть любимого командира, бойцы бросились врукопашную и смяли гитлеровцев. Позже в такой же стремительной атаке они овладели выгодным рубежом в районе сел Мясоедово — Шеино.

За мужество и героизм, проявленные в бою, младший лейтенант Сергей Свищев был награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени, его имя навечно занесено в списки личного состава гвардейской части.

Помню и Федора Митрофановича Яловниченко. Черты его лица память не сохранила, но живет состояние гордости, какого-то особого подъема при упоминании о нем и его подвиге.

Стрелковую цепь, которую вел в атаку старший лейтенант Яловнический, гитлеровские пулеметчики кинжальным огнем прижали к земле. Нельзя было поднять голову. Но и лежать, вжавши голову в плечи, — значит потерять всякую надежду на успех. И комбат принимает решение броском овладеть первой траншеей гитлеровцев, закрепиться там. С криком: «В атаку, вперед!» он бросается прямо по направлению вражеских позиций. И — о, чудо! Цепь поднялась. Бойцы все как один устремились за командиром. В мгновение ока они оказались в траншее противника.

Захваченный в плен фашист показал, что недалеко отсюда, где, не умолкая, все еще строчит пулемет, находится штаб соединения. Может, это было слишком опасно, рискованно и дерзко, но Яловнический, распаленный успехом атаки, рванул к землянке. За ним едва успевали разведчик Хабаров и боец-санструктор. У самой двери комбата в плечо ударила граната, и только изгиб стены спас его от смерти.

В ответ на эту гранату Яловнический метнул в землянку свою. После взрыва он вошел вовнутрь и увидел трупы трех убитых немецких офицеров. Но в этот миг по стене землянки полоснула автоматная очередь, рядом с выходом разорвалась граната. Стреляли из-за двери, ведущей во вторую землянку.

Отрезанный огнем противника от своих бойцов, Яловнический очутился в логове зверя и вступил с ним в неравный бой.

Несколько штабных офицеров и солдат уложил он в этой схватке. Захвачено было много ценных документов фашистского штаба. Но гитлеровцы тут же организовали контратаку. Боеприпасы были уже на исходе. В этот момент на подразделение поползли вражеские танки.

— Танки пропустить, пехоту отсекать огнем, стрелять только наверняка, напрасно патроны не расходовать! — приказал Яловнический.

Вражеские машины прошли по траншеям и окопам, перепачкивая их тусеницами. С брони уже соскакивали и поползали по густой траве автоматчики. Один из танков остановился в десяти метрах от землянки, где находился Яловнический, но комбат не дрогнул, не сменил позиции, а продолжал руководить действиями своих подчиненных.

Враг не прошел, хотя предпринял четыре атаки, следовавшие одна за другой, ни ночью, ни на следующий день, ни в конце недели. Не прошел он и потом. Сотни трупов гитлеровцев и до десятка подожженных танков были свидетельством доблести гвардейцев батальона.

О славном комбате Яловническом написала фронтовая газета, а наш ротный писарь сочинил о нем стихи.

...Минуты перед боем. Они хорошо знакомы тем, кто пережил их хотя бы раз. Человек мысленно поднимается на

Командир 2-го стрелкового батальона 288-го гвардейского Краснознаменного Кишиневского стрелкового полка гвардии капитан
Ф. М. Яловнический

какую-то вершину и, оглядывая прожитое, становится одновременно и ответчиком, и судьей.

Вот автоматчик Матвеев. Большой, сильный. Сидит, прислонившись к стене траншеи. Он мог бы и не лезть в пекло. Но попробуй-ка сказать ему об этом! Матвеев сбежал из госпиталя, чтобы участвовать в боях.

Рядом с ним пожилой солдат Федор Писина с Черниговщины. У самого входа в блиндаж примостился рядовой Владимир. Он тщательно чистит автомат. Еще никто не знает, что ждет их через несколько часов. Да что там часов — минут. Впрочем, и секунды — вечность.

Вот фашисты пошли быстрым шагом, а кажется, будто они раскачиваются на одном месте. Мелькает длинная цепь меж кустарников, чуть поодаль за ней другая, третья. Шнапс из древесных опилок дурманит голову, будоражит, поднимает нордический дух. Хлебнет тройную дозу фриц перед атакой, и море ему по колено.

— Айн, цвай, драй! Айн, цвай, драй!

Ворот нараспашку, рукава подкатаны до локтей. Автоматы — прикладами к животу. Идут, будто не на войне, а на параде. Офицеры в высоких фуражках со щегольски заломленными книзу тульями. Размахивают парабеллумами, поторапливают:

— Шнель, шнель, зольдатен!

Триста метров.

Рота Василия Шагиняна лежит не шелохнувшись.

Двести.

Рота Шагиняна молчит.

Сто. Отчетливо видны лица фрицев, карманы на мундирах, кобуры и планшетки офицеров.

Затаились, замерли наши бойцы, поплотнее прикинули к матушке-земле. Сцепили зубы до ломоты. Глаза на мушке, указательные пальцы на спусковых крючках. Старший лейтенант осторожно взводит пистолет.

Во вражеских цепях лающая команда:

— Фойер!

Пули веером разлетаются, шелкают по бревнам, сметают листву, свистят злым разбойничьим свистом.

Рота не отвечает. Приказ есть приказ.

Смотрю на командира и удивляюсь его полному перевоплощению. Смугловатый застенчивый юноша превращается совсем в другого человека. Лицо словно резцом высечено из камня. На побелевших скулах напряглись желваки. В глазах решимость и непреклонная воля.

— Ничего, ничего, — твердит он еле слышно, — ничего, мы тоже по психике ударим.

Фашисты беспрерывно трещат автоматами. Но огонь их безошибочный, рассчитанный на испуг, на замешательство. На то, что Иваны не выдержат. И тогда коси их под самый корень.

С размеренного шага гитлеровцы переходят на бег. Они уже на расстоянии хорошего броска гранаты.

Теперь пора! Старший лейтенант приподнимается над своим убежищем, взмахивает пистолетом:

— Огонь!

Собирались фрицы покосить Иванов, а Иваны сами начали косьбу.

В мемуарной литературе достаточно подробно описан ход боев на Белгородско-Харьковском направлении. Гитлеровцы упорно наступали, встречая мощное сопротивление, и каждый день достоин подробного рассказа о нем. Но я был бы не правдив, взявшись за такую непосильную работу. Нужно было видеть этот массовый подвиг наших бойцов, чтобы поведать о каждом. Увы, я же могу рассказать лишь о том, чему был сам свидетель. О некоторых событиях вспоминали мои товарищи, поэтому многое здесь я повторяю и с их слов.

...Вот что произошло на седьмой день боев. Фашисты смогли-таки окружить нас после того, как 199-й арtpолк отбил одну за другой семь танковых атак. Впоследствии четверо артиллеристов — гвардии лейтенант В. Пивунов, Н. Колбасов, Р. Кушлянский и гвардии сержант Ц. Рековинский — были удостоены за это звания Героя Советского Союза. Так вот, немцы смогли нас обойти и организовать кольцо. На следующее утро дивизия должна была быть расстреляна в упор. В нашем распоряжении оставалась ночь.

В такие моменты положение спасает личность. Я много раз убеждался в этом на фронте да и после войны, в обычной жизни. Только сильная личность способна организовать волю массы людей.

Так было и в тот момент. Дивизии нужно было пробиться к селу Шеино. Между Мясоводово и Шеино было не занятое фашистами пространство. Начальник политотдела гвардии подполковник С. Кузовков, крупного телосложения, энергичный и властный, надо сказать, человек, взва-

**Начальник политотдела
94-й стрелковой дивизии
гвардии подполковник
С. В. Кузовков**

лил на себя ответственность за судьбу дивизии. По его приказу она снялась с места. Выстроившись в колонну по три, с огромными предосторожностями дивизия двинулась вперед. Обернув котелки и фляги полотенцами, обвязав металлические предметы тряпками, чтобы ничего невзначай не прозвенело при ходьбе, мы за ночь без единого выстрела просочились между фашистскими заслонами.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ПОИСК

Много раз я ходил в разведку. Имею на боевом счету 15 «языков». Хочу рассказать несколько поучительных для молодых разведчиков случаев из моей практики.

На одном из участков между нашими позициями и немецкой линией обороны протекала река. Противник время от времени производил огневые налеты. Он пристрелял берега реки, так что днем подойти к ней было нельзя.

Перед группой разведчиков гвардии старшины Кочеткова была поставлена задача — достать «языка». Водный рубеж намного усложнял нашу задачу.

Подготовку к поиску мы начали с наблюдения за противником.

Было установлено, что на склоне противоположного берега немцы установили три пулеметные точки. Ближе всех к реке находился соседний пулемет. Его-то мы и решили сделать объектом нападения.

В 11 часов ночи мы бесшумно опустили на воду две лодки, погрузились, захватив с собой все необходимое. В этом месте река была заболочена. Заросли камыша начинались от самого берега. Разыгравшийся ветер шумел в его зарослях, и это помогало нам. Вот и берег. Группы прикрытия заняли фланги, группа захвата двигалась в середине. В 15—20 метрах от немецкой огневой точки залегли. Кочетков по условленному сигналу метнул две противотанковые гранаты. Немецкий пулемет взлетел в воздух. Мы бросились в траншею и, обнаружив перепуганного уцелевшего немца, схватили его и бегом потащили в

лодку. В траншеях немцев поднялась паника. Они открыли беспорядочную стрельбу. Мы же быстро отплыли и скрылись в камышах.

А был и такой случай. В одном населенном пункте расстояние между нашей траншеей и траншеями немецкими доходило до 40 метров. Мы вели наблюдение через щели разрушенного дома. Оказалось, что прямо против нас, у каменного подвала, находилось немецкое боевое охранение: три автоматчика. Периодически они сменялись. Смена производилась ночью, в 12 часов. При смене обычно один из них давал автоматную очередь всегда в одно и то же время. Мы непрерывно следили за ними четверо суток и часто видели, как по траншее ходит один немец. Остальные два, видимо, отдыхали в подвале. И вот под командой гвардии старшего сержанта Пахолкина в 9 часов вечера мы подползли к немецкой траншее. Прямо против нас стояли два немца и о чем-то беседовали. Мы бросились на них. Одного скрутили, второму же удалось вскочить в дверь подвала. Пахолкин предложил ему сдаться, но из подвала не ответили. Тогда он метнул туда гранату, и мы быстро отошли, захватив с собой «языка». Вот что значит терпеливое наблюдение и внезапность.

Как-то двое суток готовились к поиску. И все шло хорошо. Стали подбираться к расположению противника, вдруг... выстрел. У бойца Некрасова выстрелил автомат. Немцы обнаружили нас и открыли огонь. Так в тот раз своей задачи мы и не выполнили. А причиной тому — неосторожность одного человека, который держал автомат на боевом взводе. Вот как пагубна малейшая оплошность в разведке.

На ряде примеров я убедился, что главное дело — это подготовка поиска, тщательное изучение противника, путей подхода и отхода. А в момент действия — скрытность, внезапность, отвага и решительность.

Гвардии старший сержант

А. Батури н

А утром у села Шеино мы встретили врага дружным, губительным огнем. Трудно было. Но к нам на выручку подоспел дивизион «катюш». Помню, после того боя у солдат появилась об этом песня:

Взволновала русская Катюша,
Взволновала фрицевскую кровь.
Потерял он голову и душу,
Вот что значит девичья любовь!

По-своему интересными, хотя и менее драматичными были и другие дни. В памяти остались события, характеризующиеся чем-то особым. И все они связаны, конечно же, с конкретными людьми, их судьбами.

...В армию Аслана Жулдыева призвали 12 июня 1941 года. Из его родного аула на войну ушло пятеро.

В Житомире эшелон с новобранцами въехал прямо под бомбы. Аслана сбросило взрывной волной с полки. Он выскочил из вагона и побежал. В поле упал на землю, закрыл лицо руками. Было страшно, как тогда, когда волки у него на глазах резали отару. Об этом он позже нам рассказывал несколько раз. Так вот, из команды в двести человек только семьдесят остались целы, остальные погибли или получили ранения. Здоровых погрузили в эшелон и повезли дальше. Уже у нас им выдали форму и оружие. Они приняли военную присягу. Аслана назначили вторым номером в пулеметный расчет. Он хотел получить винтовку, но ему сказали, что винтовок на всех не хватает, к тому же у него, как выяснилось, левый глаз не закрывается отменно от правого. Как же он прицеливаться будет?

Боевое крещение Аслан принял, сидя в окопе: набивал диски патронами. Первый номер у него, Сергей Кравченко, стрелял и ругался, что не видит живой цели.

— Возьмешь диски, Аслан, и за мной! — крикнул Кравченко и полез наверх. Аслан начал засовывать полные диски в мешок (ящик был разбит). Вот он выглянул из окопа. Увидел, что немецкие пулеметчики стреляют убегающим бойцам в спину. «Нет, пуля в спину — плохо. Лучше в грудь». Аслан остался в окопе. Прямо на него шел фашистский танк. Жулдыев подождал, пока он подойдет поближе, взял бутылку с горючей смесью и бросил, целясь в башню. Танк загорелся. Больше оружия у Аслана не было, и он побежал за батальоном, подобрав по дороге чью-то винтовку.

Казахи воюют, во всем подражая русским, не оглядываясь назад, стреляя с охотничьей меткостью. Удивительно смело дерется группа нанайцев...

Немцы заминировали поле перед большаком новыми минами и поставили табличку «Русс не разминировует никогда». На другой день наши минеры уже все здесь расчистили. Хорошие минеры — все больше молчаливые, так что я об этой их «проделке» узнал из донесения только через несколько дней.

Старший сержант Еремин и ефрейтор Трубченко сняли 190 мин. Раньше, в 1941 году, была инструкция: мины не разминировать, а уничтожать на месте. Теперь их шелкают, как орехи. Почему? Руки не дрожат. У Еремина, до войны шахтера в Красноуральске, на счету около пяти ты-

сяч наших поставленных мин и больше тысячи немецких — снятых.

Хорошо запомнился такой случай. Служили в артиллерийском полку два солдата — Николай Яковлев и Абдусамад Холмурадов, были товарищами. Однажды размышлялись:

— После войны, — обращаясь к другу, сказал Абдусамад, — поедem, Коля, к нам в Вахшскую долину. Хлопок будем выращивать. Женю тебя на самой красивой девушке.

— А если не дойдем мы с тобой до победы, тогда как? — задумчиво спросил Яковлев.

— Дойдем, обязательно дойдем! — горячо сказал Холмурадов. Потом, сделав паузу, добавил: — А если я погибну, то ты возьмешь мою фамилию, имя и поедешь к моим родным. Ты — сирота и будешь им сыном.

— А если убьют меня, то ты, Абдусамад, возьми мою фамилию, — попросил Яковлев, — и пронеси ее до самого Берлина.

Воины молча крепко пожали друг другу руки, скрепив таким образом свою клятву.

В один из дней противник подверг наши позиции сильному артиллерийскому налету. Снаряд разорвался рядом с орудием друзей. Острая боль пронзила Абдусамада. Он упал, потерял сознание. А когда пришел в себя, то увидел рядом своего друга. Яковлев лежал у орудия: осколок вражеского снаряда поразил его в самое сердце.

Тяжелораненого Абдусамада отправили в госпиталь, а Николая однополчане похоронили в братской могиле.

После излечения Холмурадов вернулся в родной полк. Здесь принял имя своего друга.

Холмурадов-Яковлев, как мне известно, храбро воевал до конца войны, был удостоен многих наград.

...Комсорг артполка П. Прохоров в тот вечер оказался на наблюдательном пункте командира соседнего полка. Когда он вошел в блиндаж, комполка разговаривал по телефону с командиром роты автоматчиков. Ротный докладывал о потерях и просил прислать хотя бы одного офицера взамен выбывших из строя командиров взводов.

— Да, трудно ему одному, — положив трубку, задумчиво проговорил Чуев. — Все понимаю, но направить туда некого.

— А может, временно кого пошлем? — предложил сидящий тут же в блиндаже майор Фокин.

Прохоров слышал этот разговор. И вдруг решился:

— Товарищ капитан, давайте я пойду!

— Ты? — Чуев повернул голову, задумался. — Нет, тебе нельзя.

— Ну хотя бы на одну сегодняшнюю ночь, — не отступал Прохоров.

— На одну... А если тебя убьют, где я тогда комсорга соседям возьму?

— А что, — поддержал Прохорова Фокин, — если на одну ночь — может, пусть ходит? А я с Буркозяном договарюсь, тем более он моих саперов уже второй день держит.

Шли к высоте, растянувшись в цепочку: впереди солдат-связист, исполнявший обязанности проводника, за ним Прохоров. Позади четыре солдата несли боеприпасы. Ящики были тяжелыми, особенно два — с противотанковыми гранатами. Время от времени останавливались, пережидая, когда где-то в отдалении вспыхивала острая, но скоротечная перестрелка. Вдруг проводник неестественно взмахнул руками и упал навзничь. Шальная пуля нашла его. Немцы ведь беспрерывно постреливали в разные стороны для острстки.

Спустя минуту солдат-разведчик, заменивший проводника, сказал:

— Кажись, пришли. Здесь начинается немецкая траншея. Они сами где-то в глубине. Оттуда и пуляют.

Прохоров осветил фонариком дно траншеи и спрыгнул с бруствера, за ним — солдаты.

— Теперь нужно влево, — хрипло сказал сержант Морозов и первым пошел по траншее.

Но скоро он остановился и, подняв предупреждающе руку, стал к чему-то прислушиваться. Совсем близко слышался приглушенный говор. Вся группа замерла, готовилась к бою. Голоса стали постепенно удаляться.

— Что, Сусанин, заблудился? — злым шепотом спросил у Морозова один из бойцов. — Чего доброго, прямо к фрицам в лапы угодим.

— Тихо! — оборвал его Прохоров. — Всем оставаться на месте и вести наблюдение! Огонь открывать только в крайнем случае! Старший — Селиванов. Вы, Морозов, со мной.

Прохоров решил разведать правую часть траншеи. Осторожно ступая, они миновали один фас, второй, третий... И вдруг совсем неподалеку захлебывающимся лаем залился вражеский пулемет. По трассе пуль Прохоров понял, что они остались незамеченными.

— Тикать нужно, товарищ лейтенант, — услышал он почти у самого уха взволнованный голос Морозова. — Видно, фрицы все же выбили наших и захватили высоту.

Прохоров ничего не ответил. С горечью он думал о том, что произошло это все по его вине. Уж слишком долго и осторожно они шли. Ведь слышали же, когда вспыхнул этот ожесточенный бой. Почему не поспешили на помощь товарищам? Почему стали пережидать? И что же — теперь вернуться? А что он скажет командиру полка? Как будет смотреть в глаза друзьям?

— Нет, Морозов, тикать нам нельзя, — наконец сказал он. — Мы получили приказ прибыть на высоту. И раз мы уже здесь, то оставить ее можем тоже только по приказу.

— Так их же, гадов, тут, поди, рота, — удивился такому решению Морозов. — А нас...

— Ну и что же? — перебил его Прохоров. — А сколько нас, разве немцам известно? Нас мало, это правда, — продолжал комсорг, на ходу обдумывая свой план. — Но у нас свои преимущества. Фашисты не знают, что нас мало и что мы рядом. Поэтому главные наши козыри — внезапность и дерзость. Вот тут-то и пригодятся противотанковые гранаты.

Они вернулись к ожидавшим их солдатам.

— Тихо? — спросил Прохоров.

— Тихо, — ответил Селиванов. — Только ракеты изредка совсем близко пуляют.

— Ничего, сейчас будут пулять чаще, — многозначительно заметил лейтенант и внимательно оглядел свою маленькую группу. — Будем выбивать фрицев с высоты. Разбиваемся на две группы. Первая — Морозов, Селиванов и вы. — Прохоров указал на одного из подносчиков. — Старший — Селиванов. Остальные со мной. Действовать будем следующим образом: по траншее подходим к немцам, по моему сигналу противотанковыми гранатами и огнем в упор уничтожаем врага в ближайшем фланге траншеи, затем в следующем.

Подана команда, и две группы солдат стали медленно расходиться.

Прохоров с противотанковой гранатой в руке шел впереди своей группы. Облизывая пересохшие от волнения губы, он пристально всматривался в темноту. Впереди, за изгибом траншеи, должен быть немецкий пулемет. Только бы подойти, не испугнув врага.

Вскоре в выемке бруствера на фоне неба Прохоров яв-

но различил вытянутый силуэт пулемета и две темные фигуры гитлеровцев. Он тут же бросил туда гранату. Ударная волна на миг вдавила его в стенку траншеи, но уже через секунду Прохоров и другие воины бросились вперед.

А на другом конце траншеи действовала группа Селиванова. Там тоже гремели разрывы и раздавалась дробь автоматных очередей.

Расчет комсорга оказался верным. Внезапное нападение застигло фашистов врасплох. К тому же темнота и сильный боковой ветер затрудняли ориентировку и не позволяли им определить, откуда и какими силами атакуют русские. Гитлеровцы заметались. Их беспорядочная стрельба не достигала цели. И вскоре они в панике вынуждены были оставить высоту.

Тут же Прохоров доложил командиру полка:

— Высота наша!

Противник делал все, чтобы восстановить положение. Все ближайшие его резервы были брошены в бой. Потеряв высоту и ряд деревьев, немцы тем не менее удерживали за собой узел дорог. Было совершенно ясно, что они попытаются любой ценой вернуть утраченное. Наутро следовало ожидать подхода свежих сил противника и еще более настойчивых контратак.

Между тем силы полка оказались почти исчерпанными. Все его подразделения были втянуты в бой и несли потери. Сколь тяжелым был этот день, видно хотя бы из того, что к вечеру в 3-м батальоне оставалось около 50 человек. Все офицеры, кроме одного, выбыли из строя. Был ранен и комбат.

Утром 30 бомбардировщиков противника долго и старательно обрабатывали наш передний край, особенно высоту, применяя при этом особый прием воздействия на психику: сначала бомбили нечетные самолеты (первый, третий, пятый и т. д.), а четные (второй, четвертый, шестой и т. д.) имитировали бомбежку, включая сирену, и вели пулеметный огонь. В следующем заходе все было наоборот.

Потом начались контратаки. Из дальних тылов противник срочно перебросил на грузовиках части мотомехдивизии. Они без промедления вступили в бой. Фашистам удалось кое-где потеснить наши подразделения, но вернуть основные опорные пункты они, как ни старались, не смогли.

Труднее всех пришлось защитникам высоты, стоявшей главной преградой на пути всех вражеских контратак. Высота переходила из рук в руки. Связь с бойцами часто пре-

рывалась. Два или три раза туда с большим трудом пробирались одиночные солдаты. Они приносили на высоту патроны и пищу в термосах. Это было пока все, что мы могли дать. Утром следующего дня удалось вынести с высоты нескольких раненых и получить донесение от Прохорова, в котором он сообщал, что их, включая раненых, осталось шесть человек, что боеприпасы на исходе, но высоту они не сдадут и будут ждать помощи. Тогда же вместе с подносчиками патронов на высоту сумел добраться лейтенант Кузьмин, офицер арtpолка нашей дивизии. Через кусты, овражки, ложбинки за ним тянули телефонный кабель, который лег так удачно, что связь с огневыми позициями артиллерии долго не прерывалась. Артогонь, корректируемый им, был точным. Многие атаки фрицев успешно отражались только благодаря помощи артиллеристов.

Но один за другим выходили из строя и защитники высоты. Кончались боеприпасы, положение становилось критическим. Наши настойчивые просьбы о подкреплении наконец-то были услышаны: уже спешил на выручку сборный батальон. Но в это время немцы пошли на решительный штурм сразу с нескольких сторон. После сильной артподготовки в атаку поднялось около 300 фашистских солдат... Когда половина высоты была уже в руках противника и замолчал наш последний пулемет, лейтенант Кузьмин вызвал огонь на себя. Под густыми разрывами наших снарядов вместе с наступавшими вражескими солдатами погибли последние защитники высоты.

Иду берегом небольшой речки, и вдруг — соловей. Невольно замедляю шаг. Сколько радости, нежности, веселья и торжественности в его волшебной песне! Стою, слушаю, и приходит на память соловьиная песня совсем из другого времени...

Дом моего детства стоял на краю маленькой, в полтора десятка домов, деревни, у самой опушки леса. По весне, когда земля только прогревается и в сумерках выпускает первых майских жуков, а лиственное мелколосье подернется чуть заметной зеленоватой дымкой, в теплый вечер вдруг вздрогнет, бывало, первой неуверенной песней соловей. Через несколько вечеров, когда пернатые волшебники расплоятся, войдут в азарт, я приходил к баньке, упиравшейся в густоту луговых кустарников, слушать чародеев. Под прикрытием темноты старался осторожно, чтобы не

потревожить птицу, подойти к черемушнику: у ручья всегда поселялся солист. Да какой! Всю мелодию любовно выводит, не комкает песню, как молодые соловьи... Иногда до полуночи заслушивался в бездумном одиночестве. Сидишь и радуешься всему вокруг: и чистым звукам песни, и запаху молодой листвы, и аромату буйно цветущих кустарников, и восходящей из-за леса полной луне.

С минутной отрадой вставала светлая картина из недалекого мирного прошлого, от которой сладко и мучительно щемит душу. И в военную ночь соловей утверждал, что жизнь прекрасна на земле. Ненадежно укрывшись от снарядов и пуль в мелком кустарнике, он поет, и будто нет зловещей войны на этом луговом понизовье.

От великого до смешного один шаг. Вчера смертельное напряжение рот перекашивало, говорить не хотелось, в основном все молчали, переживая потерю друзей. А сегодня не умолкает грохот солдатского смеха.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗЫ

Досадная опечатка

В Н-ской части есть известный разведчик Глазков. Он за последнее время привел 29 «языков». Расскажем об одном из них.

— Ну, как прошла операция? Удалась вам? — спросили мы Глазкова.

— Удалась, да не совсем.

— То есть как?

— А вот так, как бывает у вас, редакторов: пишете статью, а назавтра заметочка — дескать, вчера нами допущена досадная опечатка.

Пронюхали мы, что в тылу у немцев, в 20 километрах от фронта, живет немецкий генерал. Ну, и решили взять его. Пошли туда. Не буду говорить, как мы его охрану сняли — дело было, конечно, трудное, — но мы в потемках сладили с ней. Вхожу я с группой захвата в сени, прислушиваюсь — слышу: вода плещет. Открываю дверь в избу, а там посередке большая оцинкованная ванна стоит, а в ванне — пузатый лысый пожилой из себя немец. На столе немецкая свеча и всякие штучки немецкие, а на стене висит генеральский мундир, выглаженный, готовый точно для парада.

«Ну, — говорю, — нам некогда, давай одевайся». Немец обомлел.

Я автоматом делаю ему предложение. Генерал видит — делать нечего, вылезает из ванны. Я снимаю со стены мундир и помогаю его, мокренького, одевать, поскольку спешу. Генерал неохотно лезет в штаны и что-то балакает на своем наречии.

Привели его в часть на рассвете. В батальоне увидели нас с пленным генералом, диву даются, не знают, как нас и похвалить, по телефону сообщают командиру дивизии, приняли у меня генерала на допрос. Командир дивизии спрашивает:

— Ваша фамилия, генерал?

— Вернер. Только, извините, я не генерал.

— Не генерал? Кто же вы?

— Я всего лишь повар генерала. Генерал, видите ли, выехал по делам. Пользуясь его отбытием, я принял ванну. Меня ваши насилию одели в парадный мундир генерала.

Командир дивизии внимательно взглянул в лицо пленного... порылся... в захваченных бумагах, нашел фотографию генерала, видит — непохож. Командир рассмеялся, а потом пожурил меня.

— Ну и генерала вы, Глазков, привели! — говорит...

Вот какие досадные опечатки бывают иногда у нашего брата-разведчика, — закончил Глазков свой рассказ.

На лесной полянке возле походной кухни хлопотал наш повар Петр Ряжко. До начала завтрака времени оставалось немного, а дел у него было немало. А тут еще и дрова в это сырое туманное утро никак не хотели разгораться.

Отошел повар немного в сторону за сухим валежником и вдруг видит пробирающихся кустами фашистов. Они были совсем рядом. Петр вмиг очутился у своего «агрегата», вскочил на ступеньку перед котлом, со стуком откинул трубу в сторону вражеских солдат и громко скомандовал:

— Батарея, картечью — огонь!

— Стой, Иван! Не надо стреляй! — испуганно завопили из кустов. — Давай плен...

Через несколько минут, когда повар Ряжко и выскочившие из прикухонной палатки бойцы взялись за автоматы и разоружили солдат противника, пленные рассказали, что они пробирались в тыл к нашим, шли в разведку, но наткнулись на батарею. А «батареей» этой оказалась походная кухня рядового Петра Кирилловича Ряжко. Один из фашистов довольно сносно знал наш язык. Он сразу понял громкую команду, сообразил, что значит попасть под огонь русской картечи. Так немецкие разведчики, шедшие за «языком», сами стали «языками».

В тот же день другая ситуация заставила повеселиться наших бойцов. Впрочем, начиналось все не так весело.

Старшина Лапшов и сержант Барашкин бегом продвигались в глубину обороны фашистов в направлении деревянных строений. Вот они уже достигли их. Взабегав на крыльцо одного из домов, Лапшов с силой рванул дверь. В комнате было полно гитлеровцев.

— Хенде хох!

Фашисты не предполагали, что советские солдаты сумеют так быстро и далеко проникнуть в их оборону. Но замешательство врага было недолгим. Гитлеровцы, видя, что перед ними всего один боец, потянулись к оружию. Медлить было нельзя. Лапшов дал короткую очередь и обомлел: он еще и еще нажимал на спусковой крючок, но автомат молчал. Кончились патроны. Времени сменить диск не было. Тут главное — не растеряться. И Лапшов не растерялся. Продолжая держать оружие наготове, он властно повторил команду.

Когда немецкие солдаты с поднятыми руками уже поодиночке выходили на улицу, подоспел и Барашкин.

Лапшов крикнул сержанту:

— Посмотри за ними, а я диск сменяю. Пугал-то я их пустым автоматом.

Однажды фашисты выкатили вперед скорострельную пушку и прямой наводкой стали бить по нашим позициям. Орудийный расчет, ловко укрывавшийся за щитом, казалось, был неуязвим. Тогда два наших снайпера А. Бармин и С. Булгаков выдвинулись на нейтральную полосу и уничтожили нескольких немецких артиллеристов. Остальные пушки бросились наутек, видимо, рассчитывая забрать орудие ночью. Но не тут-то было! Бойцам артбатальона пришла в голову дерзкая мысль — засветло овладеть пушкой. Они раздобыли длинную надежную веревку. И пока снайперы не подпускали никого из вражеских солдат к орудью, наиболее смекалистые и отважные подползли к пушке, привязали к ней веревку, не забыв привьючить к станинам и весь трофейный боезапас. А потом группа солдат, используя простейший, наподобие колодезного, ворот, потянула пушку к своим позициям.

В тот же день в газете было рассказано, как вражеская пушка сама нейтралку перешла и как солдаты стреляли по врагу из его же скорострельной.

Один за другим грянули два взрыва. Это сигнал для артиллеристов. И вот с нашей стороны заговорили орудия. Во вражьем стане взметнулись разрывы.

— Танки! — крикнул вбежавший в избу солдат. К одинокому дому подходили два «тигра» и бронемашина. Вот они остановились, развернули стволы пушек, открыли огонь. Первый же снаряд угодил в угол дома.

Вскоре нашим бойцам удалось поджечь один вражеский танк. Другие отошли. Их сменила пехота. Гитлеровцы не жалели патронов. Летели щепки от поленьев, решетом стал дощатый забор. Под градом вражеских пуль поредел и шеренги наших бойцов. Неприятельская пехота приближалась к дому.

Три раза фашисты атаковали одинокий двор. Последнюю контратаку отбивал командир взвода с оставшимся в живых рядовым Трифоновым. Тот едва успевал заряжать автоматные диски, передавая их командиру. И фашисты не выдержали, отступили.

Вскоре подошли основные силы. Командир осмотрел место недавнего боя. За изрешеченной пулями поленницей обнаружили двух убитых гитлеровцев, которые, видимо, пытались подобраться с тыла. Оба были уложены меткими выстрелами наших солдат. Оборона, оказывается, была круговой...

Не менее напряженно проходили схватки в других местах. Батарея под командованием В. Бродского еще не успела полностью оборудовать рубеж обороны, как ее позиции уже атаковал противник. Но врасплох немцы наших артиллеристов не застали.

Взвод, возглавляемый лейтенантом С. Кириченко, первыми же выстрелами подбил две вражеские машины. Вспыхнув огненными факелами, они перегородили шоссе. Самоходки отошли назад и начали обстреливать позицию батареи. Но снаряды ложились то впереди, то сзади. Враг явно нервничал.

Бой разгорался. Расчеты метко вели огонь. Горели вражеские бронированные машины, падали солдаты. Однако гитлеровцы продолжали идти напролом.

Несли потери и артиллеристы. Наводчик орудия младший сержант Ш. Машкауцан, оставшись один, сражался в окружении. Он подбил два штурмовых орудия врага, танк, бронетранспортер. Когда кончились снаряды, комсомолец отбивался от наседавших гитлеровцев огнем из автомата.

До последнего патрона отстаивал огневую позицию рядовой Г. Филиппов. Больше часа, пока не подоспела помощь, сдерживал боец врага. Пройти через позиции батареи фашистам не удалось.

С каждым часом гул боя нарастал. Дыбилась от взрывов земля, горели деревья. Командиры батарей, взводов, орудий севшими от крика голосами командовали:

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь!

Шесть часов без перерыва фашисты штурмовали позиции артиллеристов. Шесть часов в пламени огня дрались батареи. Раненый комбат, переползая от орудия к орудю, от группы к группе оборонявшихся на лесной опушке солдат, хрипел:

— Держаться... Держаться... Держаться!

На огневой позиции одного из взводов старший лейтенант М. Соболев застал в живых только лейтенанта И. Зеленюка. Комбат видел, как лейтенант, поймав в перекрестке панорамы вынырнувший из соснового леса бронетранспортер, выстрелил.

Бронетранспортер подпрыгнул, охваченный черным дымом, завалился в канаву. Следовавшие за ним автоматчики залегли. Соболев пополз в соседний взвод.

Через несколько минут фашисты вновь пошли в атаку. Окружив лейтенанта Зеленюка, они бросились к орудю. Гитлеровцы были уже рядом, когда офицер поднял над головой гранату. Раздался взрыв.

На батарею покати́лась новая волна атакующих. Силы были слишком неравными. Знакомясь с архивными документами, разговаривая с участниками этого боя, не можешь не восхищаться мужеством батарейцев: неполных три десятка артиллеристов противостояли натиску нескольких сотен гитлеровских автоматчиков с танками и самоходными орудиями.

Командир батареи видел, что петля окружения затягивается все туже. Все меньше остается людей. Но видел он и другое: оставшиеся в живых артиллеристы продолжают яростно сражаться. И вот наступил момент, когда на позициях остались лишь двое — комбат и старший сержант Железняк. Но спустя некоторое время и Железняк, сраженный, упал на дно окопа. Бродский остался один.

Заместитель командира полка по политической части написал в политдонесении за тот день: «Смертью храбрых погиб кандидат в члены ВКП(б) командир батареи гвардии капитан В. Бродский. Вокруг места его гибели после боя было обнаружено сорок трупов немецких солдат».

...Уснуть так и не удалось. Проверили связь с частями. Каждая минута теперь казалась часом.

9 часов 35 минут. Взвились красные ракеты. Воздух потряс орудийный гром. 65 минут огненный смерч бушевал на фашистских позициях. По врагу было выпущено, как теперь стало известно, около 100 тысяч снарядов и мин. В 10.50 дали залп «катюши». Открыли огонь орудия прямой наводки. И почти тут же в хмуром небе заполосовали цветные трассы ракет — сигнал вперед, в атаку.

Со стороны нашей первой траншеи грянул марш и поднялось алое полотнище дивизионного знамени. Над цепями запылали флаги штурмовых отрядов.

Батальонные цепи дружно поднялись и пошли ускоренным шагом. Они уверенно сближались с противником. В твердой поступи бойцов и командиров чувствовалась особая грозная сила, внушавшая страх врагу. Фашисты, ошавевшие от мощного удара, какое-то время молчали. А наш оркестр все звал: «Вставай, страна огромная...»

До первой вражеской траншеи осталось сто метров. Нервы напряжены до предела. Артиллеристы перенесли огонь на вторую траншею. Цепи рванулись вперед. На позициях врага стали рваться гранаты, громкое русское «ура!» покатилося дальше.

— Пошла, поехала царица полей, — облегченно выдохнул кто-то из командиров-артиллеристов.

По полю боя уже двигали орудия прямой наводки. Начали перемещаться и минометчики. Полковые артиллерийские группы теперь вели огонь по вызову командиров.

Из полков начали поступать донесения, свидетельствующие о том, что первая линия обороны врага прорвана.

Обгоняя пехотинцев, мы — командир взвода управления лейтенант Ермилов, ординарец Витя Кожевников и я — бежали, спотыкаясь о кочки. Места оказались труднопроходимыми: завалы, вывороченные корневища. Правее, задыхаясь в собственном реве и дыме, буксовало около десятка танков. Траки подбирали под себя дряблую почву и, пережевывая ее, отбрасывали назад струи грязи и куски торфа. А гитлеровцы точно сорвались с цепи: шпарили из минометов так, что даже нам, уже не раз побывавшим под огнем, небо показалось с овчинку.

Мы прибавили ходу. Обошли увязшие «сорокапятки». Навстречу брели вереницы легкораненых. Собаčky волокуши вывозили тяжелых. Псы, торопливо перебирая ногами, жалобно скулили, когда рядом рвались мины.

У первого захваченного нашими деревоземляного вала мы присели перевести дух.

Подбежала рота. Лица солдат красные, потные: бойцы тащили на себе станковые пулеметы, ящики с боеприпасами, у многих на шее связки 82-миллиметровых мин. Это второй эшелон. Бойцов уложили вдоль вала — передохнуть перед броском.

Рядом плюхнулся посыльный от командира полка.

— Вам срочно прибыть к командиру.

— Где он?

— Недалече, метров двести отсюда.

Роя носом кочки, пополз за посыльным.

Маленькая группа управления командира полка тоже притулилась у завала. Тут же, в канаве, развернут узел связи. Я поднялся с земли, хотел было доложить по всей форме. Но командир махнул рукой:

— Ложись, сейчас не до тебя.

Он сосредоточенно смотрел на карту, что-то соображал, нетерпеливо покусывая губы. Наконец оторвался, поднял глаза.

— Давай в первый батальон. Его роты скоро начнут штурмовать третий завал. Держи связь со мной, пока не подтянется командир дивизиона.

Подключил телефонный провод к его коммутатору. Сделал рывок. У пролома второго завала натолкнулся на офицера в лихо сдвинутой на затылок каске и с перекинутой, как у тореадора, плащ-палаткой. Он оидел на бревне и весело, с задором, отдавал подчиненным распоряжения. Обернулся, заметил меня.

— А, прилетел! Опять будем вместе!

Худощавое лицо, ореховые глаза. Да это же мой старый знакомый, капитан Манапов! Был ротным, а теперь командует батальоном. О нем в дивизии легенды ходили.

Низко, над самой головой, взвизгнули снаряды и лопнули с оглушительным треском. Я наблюдал за расчетом «сорокапятки». Бойцы работали согласованно, без лишних слов. Короткая команда, взмах руки командира орудия и: дзинь-тук! дзинь-тук! Лишь звенели выброшенные гильзы.

По щиту ближнего орудия ударила пулеметная очередь. Упал подносчик снарядов. Его оттащили в сторону. А пушка продолжала стрелять.

Левее того места, куда долбили «сорокапятки», гаубичный снаряд разнес завал.

— Хорошо врезал! Спасибо, дорогой! — крикнул комбат и выстрелил из ракетницы.

Зеленая звездочка поднялась вверх, рассыпалась мелкими брызгами.

Залегшие цепи солдат поднялись сперва нерешительно, потом дружнее и тяжело побежали по болоту. Перед завалом они приостановились, метнули гранаты. И сразу же все пространство вспучилось от разрывов.

Гитлеровские снаряды и мины прилетали с коротким свистом, как стаи уток. И там, где они падали, вздыбливалась земля. Отвратительные черно-сизые фейерверки вспыхивали в самой гуще бойцов. Это заставило их броситься на землю.

— Нельзя лежать! Вперед, братцы! Вперед, родные, хорошие мои! — закричал капитан Манапов, будто его могли услышать.

Но точно незримая нить протянулась между ним и атакующими. Рота Петрова, оставив на земле и на проволоке несколько неподвижных тел, бросилась в проломы. Отдельные смельчаки перемахнули прямо через забор. Послышались протяжное «а-а-а», автоматные очереди, винтовочные выстрелы.

Капитан провел рукой по побледневшему лицу, надел каску.

— У меня сердце зашло, когда они залегли. Не могу привыкнуть. Всякий раз психую, когда посылаю людей в атаку. Честное слово, дорогой, мне всегда легче пойти самому, меньше переживаний. Пошли вперед, отсюда ничего не видно.

А в траншеях между тем завязалась рукопашная схватка. Бойцы кидали гранаты, шли в штыковую, кололи, резали. Дым, гарь, свист пуль, шипение мин, взрывы... Стоны и редкие хриплые голоса команд...

— Дорвались до рукопашной — теперь не оторвешь. Натерпелись бедолаги во втором эшелоне! — крикнул мне капитан.

Я тоже что-то кричал ему в ответ, стрелял из автомата. Потом почувствовал на плече руку. Услышал его голос:

— Кончай стрелять. Кажется, все.

— Все так все, — ответил я и сразу почувствовал оглушительную усталость.

Вдруг мне показалось, что сзади вспыхнула молния, осветив неестественно серебристым светом все вокруг. Потом все померкло.

Глава X

ГОСПИТАЛЬ

Помню, на меня большое впечатление произвела заметка из нашей дивизионной газеты «Сталинская гвардия». Называлась она «Замечательный пример» и рассказывала о санитаре-носильщике гвардии красноармейце Халикове. Он вместе с ранеными вынес с поля боя 25 винтовок. Это оружие использовали бойцы для истребления врагов.

Запечатлелись особо последние строчки: «Не оставляй оружие нигде и никогда! Оно сделано руками твоего отца, матери, руками твоего брата».

Я очнулся на третий день, в госпитале. Очень болели голова и нога, саднило во всем теле. Вспомнились эти слова из заметки об отце, матери, брате, и стало почему-то очень жаль себя. Вроде бы и радоваться надо, что жив, что всего лишь в госпитале, а не в могиле, а тут тоска-печаль одолевает. Понял почему. Я, кажется, автомат оставил там. Стал звать нянечку, никто не подошел к моей кровати. Я крикнул, наверное, очень сердито, но тут же опять забылся.

Очнулся снова. Был вечер. Надо мной склонилась чья-то голова в белом платке и в марлевой повязке на лице — одни глаза: большие, зеленоватые, в мелкую крапинку.

— Он проснулся, доктор, — донеслось до сознания. Это обо мне.

— Ну, значит, будет жить, — отозвалось густым баритоном откуда-то издалека.

И снова я провалился в сон.

Так продолжалось несколько дней подряд. Только я открывал глаза, только хотел что-либо сказать, как тут же терял над собой контроль и летел в черную мглу. Потом такие случаи стали реже и реже. Наконец я уже подолгу мог рассматривать потолок, поворачивая голову. Даже поднимал ее, чтобы разглядеть, отчего это одна нога болит, будто на нее положили холодную чугунную чушку. Я такие в свое время на вокзале в Свердловске таскал, когда приходилось ночами подрабатывать. Свердловск-Товарная часто вспоминалась мне во время долгих ночных бдений. Нас бывало в иные дни много — студентов, старших школьни-

ков, — кому хотелось хоть немного пополнить свой кошелек. Правда, работать надо было до седьмого пота...

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

«МЫ ВЕРНЕМСЯ, ДРУЗЬЯ!»

Письма выздоравливающих воинов

Командование нашего соединения послало письма и подарки раненым воинам. Подарки посланы также семьям раненых.

Словами горячей гвардейской благодарности ответили питомцы соединения. Некоторые воины уже вылечились и вернулись в строй.

Многие выздоравливающие гвардейцы прислали письма с просьбами напечатать их в газете. Выполняем эту просьбу.

Хочется быть с вами

Дорогие друзья! Я сегодня получил подарок от генерала. Очень рад и подарку, и тому, что меня помнит и ценит командование.

Вот уже полмесяца нахожусь я в госпитале. Здесь такая тишина, что иногда кажется, будто и войны нет.

И скажу я вам, что надоело мне здесь, хочется быстрее к вам. Врачи пока не отпускают. Как только рана заживет, я приду к вам и снова буду бить гитлеровцев. Отомщу им, гадам, за свою пролитую кровь.

Ваш комсорг К р а с и н

Наш девиз — только вперед!

Уважаемый товарищ генерал! Я искренне благодарю вас за вашу отцовскую заботу о моей семье. Эта забота еще больше усилила мою уверенность, что мои дети всегда будут обеспечены и согреты отцовской лаской со стороны командования, которому Родина вручила и мою жизнь.

Знайτε, что если потребуется отдать свою жизнь во имя нашей победы, я отдам ее без колебаний, с полным сознанием того, что мои дети не будут безродны...

Я заверяю вас, что отвоєванное у врага находится в крепких отважных руках. Мы, артиллеристы, живем единой мыслью — вперед на Берлин, и только вперед! — таков наш боевой девиз.

Недалек тот день, когда мы... гордо и смело водрузим великое знамя победы над Берлином.

С боевым приветом М. И. Сафонов

— Ну вот, Григорий Исаевич, поздравляю, дело идет на поправку, — сказал в один из дней тот самый густой

Гвардии подполковник
медслужбы Я. Ф. Гор-
ленко

баритон. — Гангрены избежали. Если все обойдется, месяца через полтора-два поедете домой.

Но ни через полтора, ни даже через три месяца домой я не поехал. Ранение и контузия оказались столь тяжелыми, что я из одного госпиталя попадал в другой.

К 40-летию Победы я получил конверт и глазам своим не поверил: письмо прислала Ася Маклашенкова, военфельдшер нашей дивизии. «Я не писала ранее ни о себе, ни о своих подругах. А душа болит!»

В своем письме Ася рассказала о фельдшере 288-го гвардейского полка Валентине Крутиковой, сероглазой сердечной красавице и очень смелом бойце.

«Когда в районе Мясоедово во время боя был убит командир санвзвода второго батальона Ваня Партянка, — пишет Ася, — главный врач санроты Г. Калашников приказал мне срочно отбыть в расположение батальона. Я растерялась. Там ведь крошечный ад, там бой, а в санроте было четверо парней-фельдшеров. Но приказ есть приказ. Я только про себя страх развела, а идти-то все равно надо. И тут Валя точно почувствовала мое состояние. «Разрешите и мне пойти с Маклашенковой, — говорит она Калашникову. — На передовой много раненых, идет бой, я там тоже пригожусь».

Я была ей благодарна и теперь уже не испытывала боязни и страха. Со мной рядом был верный товарищ.

Спасая раненых, Валя погибла в боях под Харьковом. Но я живу, постоянно слыша ее нежный голос: «Потерпи, браток, ты же гвардеец!» Или слова, обращенные ко мне: «Держись, Весточка! Мы еще доживем до свадьбы!»

По справедливому замечанию Александра Куприна,

женщины в минуты несчастий бывают расторопнее мужчин, находчивей, умней, практичней, самоотверженней и, надо бы добавить, сострадательней.

Умение женщин всем сердцем откликаться на чужую беду есть высшая форма самоутверждения, проявление главного принципа жизни, того непостижимого нравственного величия, перед которым мы благоговейно склоняем головы.

...Сверлящий, скрежещущий твоздем по стеклу, угрожающе нарастающий звук. Не раздумывая, санитарка падает к раненому, заслоняет его собой.

— Не бойся, ничего не бойся, милый, я тут!

Раскатистый, расходящийся эхом удар. Оглушительный звук напряженно лопнувшего металла. Дыбится смешанная с бешеным пламенем земля, заваливает обоих с ног до головы.

Медленно рассеивается, путаясь в зарослях густого кустарника, серо-голубой дым. В пронзительной тишине слышно, как шуршат сшибленные ветки березы. Планируя, падают на вывороченные комья земли зеленые листья. Проходит долгая минута. Завал начинает шевелиться. Показываются руки и голова раненого.

А санинструктор? Девочка-санитарка? Поднимайся бесстрашно! Отряхни с себя прах земной! Улыбнись, как бывало, озорной улыбкой!

Она неподвижна.

— Сестра, сестричка! Отзовись!

Запорошенные землей молодые волосы—в крови. «Иной цветок, — сказал поэт, — цветет лишь день, но он краса природы». Так и человек коротенькой жизнью своей может украсить жизнь человечества.

Валентина Крутикова погибла. Погибли и Полина Лядягина, Аса Басова, Тася Маринец, Галя Нестеренко. Этих девушек мне знать не довелось, некоторые пришли в часть уже после моего ранения. А вот Асю Маклашенкову знал хорошо и, когда получил от нее письмо, несказанно обрадовался. Я считал ее погибшей. После боя за Белгород многих санинструкторов недосчитались. Они шли под пули и мины, спасая бойцов, и не сгибались под сильнейшим арт-огнем. Ася была ранена, но все обошлось, закончила войну она в Берлине. Собственно, вот строки из ее письма:

«...Имею три ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I и II степени, медаль «За боевые заслуги» и еще девять медалей. В 1979 го-

ду в Кремле получила орден «Знак Почета» — это за труд. После войны закончила медицинский институт, вырастила трех отличных сыновей. Все добрые, трудолюбивые парни».

Глава XI

Я С НИМИ НЕ РАССТАВАЛСЯ

Во время войны у меня была одна мечта — дойти до Берлина. Другой не было. И даже тогда, когда меня посадили в поезд, поддерживая за костыли, я думал об этом. И все, что потом ни делал: учился, работал, — все связывал с желанием оказаться в день Победы в поверженном Берлине.

Глупо было в моем безногом положении об этом даже думать. Но разве можно отнять у человека мечту?

Наверное, поэтому, направляя на фронт письма своим боевым товарищам, я старался в них быть предельно искренним, как будто мы говорили друг с другом в окопе или блиндаже перед боем. А перед боем не лукавят, говорят только правду.

И друзья отвечали мне тем же.

Павел Бескаравайный, мой товарищ и земляк, в одном из писем в пензенский госпиталь, куда я попал, отбыв свой лечебный срок в трех других, сообщал о подвиге отца и сына Гончаров. Случай этот в то время прошел мимо газет, но здесь мне хочется о нем рассказать.

...На фронт отец и сын Гончары ушли вместе, добровольцами. Отец по возрасту призыву уже не подлежал, а сын еще не дорос до призывной поры. Однако на своем в военкомате все же они настояли, попросив, по возможности, их не разлучать: ведь у старшего Гончара за плечами опыт гражданской войны. А опыт передавать надо в реальной фронтовой обстановке.

Добились разрешения, попали в одну часть, в одну роту, даже в отделение их одно определили. А когда пожилой усатый сержант спросил у Гончара-старшего, какое бы тот оружие предпочел, Леонтий Семенович показал на пулемет.

— Это, конечно, не «максим», и тачанки уж теперь, гляжу, нет, но самое лучшее для боя — это пулемет. Только побольше бы дисков к нему. А вот Петра, — Леонтий Семе-

Воины 94-й гвардейской Краснознаменной ордена Суворова
Звенигородско-Берлинской стрелковой дивизии у стен рейх-
стага

нович притянул к себе за ремень стоявшего рядом сына, — прошу ко мне вторым номером.

Сержант согласно кивнул головой: дескать, не возражаю, да только чтоб без родственных поблажек. Солдата жалеть — все равно что портить. Служба стойких любит. А тут тем более война...

Так и стали служить отец с сыном у одного пулемета. Пока были в тылах, Леонтий Семенович непреклонно и настойчиво, даже, быть может, строже, чем следовало, учил сына военным наукам. Тот выматывался к концу дня до такой степени, что засыпал сразу, как только мог где-то голову прислонить. Бывалые солдаты даже корить старшего Гончара принимались: не дело, мол, парня так школить, на что Леонтий Семенович всякий раз отвечал:

— Люблю сынка очень, хочу его живым видеть...

Недолго длилась тыловая жизнь. Но Петр Гончар успел освоить все, что положено бойцу.

...В тяжелое положение попала наша дивизия под Кировградом. Окружили ее гитлеровцы двойным кольцом. Бомбы сыплются с неба, как семечки с переспевшего подсолнуха, танки со всех сторон сжимают обручем. В круговой обороне трое суток отбивали атаки врага.

И вот приказ: выходить из окружения отдельными отрядами, по возможности сохраняя материальную часть. Бойцы буквально на руках несли орудия. Тяжело было — не пересказать, но выдержали. Вот только не все вышли из окружения. У деревни Садовая случилось то, чего и ожидать-то было трудно. Разведчики сообщили, что фашисты накануне сняли оттуда свой заслон и передвинули ближе к лесам: мол, русские не пойдут по открытой местности, да еще вблизи большака. Капитан Мигал, который вел группу, решил с наступлением темноты двинуться на деревню. Только вышли, откуда ни возьмись — фашисты! Видно, скрытно с другой стороны вернулись огородами, засели в домах. Теперь они стали в упор расстреливать наших бойцов. Надо было отходить. И тогда командир приказал пулеметчикам прикрыть отход группы.

С правого фланга, где больше всего было заседавших гитлеровцев, огонь открыли Гончары. Стреляли точно, короткими очередями. «Семейный пулемет» всегда узнавали по какому-то особому ритму стрельбы. Очень здорово у них это получалось. Но вдруг возле пулемета взметнулся столб огня. Смертельно раненный, Леонтий Семенович уже на последнем вздохе подозвал Петра и еле слышно сказал:

— Стой до последнего. Это мой приказ. А если выживешь, передай командиру, что семья Гончаров долг свой перед матерью-Родиной выполнила...

Группа вышла из окружения. Гончара-старшего схоронили на опушке дальнего леса у одинокой сосны, чтобы приметней было. Такая вот история.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ

Быль

В летних боях прошлого года Владимир Целков получил тяжелое ранение. Окровавленного и обессиленного, его вынесли с поля боя, но руки крепко сжимали винтовку.

— Если я потеряю сознание, — тихо сказал снайпер, — оружия никто не трожь.

Не расставался Целков с боевой подругой и в госпитале. Она стояла у постели раненого. Окруженный заботой советских врачей, он быстро поправился, вынашивая в сердце лютую месть врагу.

Когда выписался из госпиталя, торопливо написал несколько слов домой:

«Дорогая мама! Сегодня радостный день. Рана моя зажила, и я чувствую себя хорошо, как прежде. Забираю свою молодую жену и отправляюсь на фронт. Целую, Володя».

Целков возвратился в часть. Прошло много дней. Десятки немцев за это время полегли от пуль меткого снайпера. Однажды на огневую приполз запыхавшийся письмоносец.

— Тебя, Целков, не только немец не обнаружит, — сказал он, улыбаясь, — но и свой человек днем с огнем не разыщет. Ишь, как закидался ветками... Вот письма тебе принес.

Целков опустилсЯ в траншею и начал читать. Письма были от матери и сестры.

«Здравствуй, дорогой Володя! — писала сестра. — Поздравляю тебя с законным браком! Только чего же ты не написал, как ее зовут, откуда она родом, какие у нее глаза?.. Ведь это так интересно! Она у тебя, наверно, военная?..»

«Кляняюсь тебе, сынок, низко-низко и благословляю с семьей, — говорилось в письме матери. — Живите, родненькие, дружно, уважайте друг друга, а кончите воевать — приезжайте к нам...»

Спустя несколько дней такое же письмо пришло от брата-фронтовика Василия Целкова:

«Дорогой Володя! Напиши, сколько лет твоей жене, красивая ли она, какой характер у нее? — спрашивал он. — Блондинка она или шатенка, злая — нет? Только, Володя, не советовал бы я жениться в такое время. Война ведь...»

— Вот так история, — хохотал снайпер, читая эти письма родных. И вдруг, схватив карандаш, начал быстро писать. Вот что ответил Владимир Целков:

«Дорогие! Пишу под копирку всем, так как у меня мало времени: мы с женошкой спешим на охоту за фрицами, а к тому же вас всех интересует один вопрос — какая моя жена. Отвечаю: замечательная. Такой во всем нашем Дмитриевском районе не найдешь. Глаз у нее, правда, только один, но он двух самых лучших стоит. От одного взгляда фриз замертво падает. Характер тоже славный. Опрятная, чистенькая всегда, а мы ведь с ней дни и ночи в окопах. И главное — в работе четкая, безотказная. Я с ней на любое боевое дело иду без страха. Всегда выручит. Она совсем еще молоденькая — всего один год. Бойцы зовут ее — снайперка. Вот какая она, дорогие! И ты, мамаша, не беспокойся, живем мы с ней дружно, как ты велела. А тебе, Вася, вот что скажу: не агитируй меня, все равно не брошу ее. Понял?»

Красноармеец П. Богданов

Потом была Корсунь-Шевченковская битва. В бою за железнодорожную станцию Звенигородка 288-й гвардейский стрелковый полк покрыл себя неувядаемой славой. А затем была Ружковка...

Здесь особая страница — о рядовом Роме Смишуке. О его подвиге писала наша дивизионная газета «Сталинская гвардия». Роман был удостоен звания Героя Советского Союза за свой первый бой — бой с танками. Вот что он рассказывал сам:

«Это было четвертого июня. Хорошо помню, на рассвете завтрак нам принесли. Хлеб, сахар, табак раздали. Но не успели еще мы поделить все это, как перестрелка началась. И сразу бой завязался. Противник наступает, а мы отбиваем его. Вижу, одного нашего ранило. Помкомвзвода упал. Односельчанин мой, Роман Шулик, рядом опустился, тоже в ногу ранен.

Тогда командир отделения Василь Ксендзюк, тоже мой односельчанин, обратился ко всем:

— Не бойтесь, хлопцы! Дружно стрелять будем, и не пройдет враг!

А немцы и румыны насаждают. Идет их на нас так много, что, куда ни глянь, мышинные их мундиры видны. Ну, мы огня подбавили, гранаты тоже в ход пустили и отбили их.

Потом авиация налетела на нас. Опять жарко пришлось. Мы и по самолетам огонь вели, и вперед глядели. Скоро немец танки пустил. Шли они густо, стреляли на ходу.

Ранило командира отделения. Он себе руку перевязал и говорит:

— Еще повоюем...

В общем, рота стойко воевала. Но когда танки приближаться начали, жутко стало. Моторы режут, пушки и пулеметы стреляют... А я хорошо помню, как в 1941 году немецкие танки в нашем селе пленных давили. Захватили тогда, проклятые, 48 человек за селом, пустили в пшеницу, а потом со всех сторон пошли танками на них. Это мне живо припомнилось, подумалось: может, теперь и моя смерть пришла?

И тут я вспомнил, что ведь у меня есть гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью. Нельзя меня с теми пленными, безоружными людьми сравнивать! Офицеры ведь нас учили, что гранатой большое дело можно сделать. Да мы и сами это видели. Почему же, думаю, как раз теперь, когда надо, в дело их не пустить?

Взял я три гранаты с собой, три бутылки, попрощался с хлопцами и побежал вперед по траншее. Один танк уже совсем близко был, метрах в двадцати. Вот в него-то я и швырнул первую гранату. Бросил, прилег. Слышу: танк остановился. Я приподнялся и еще бутылку ему добавил. Вижу: пылает танк. Так это меня обрадовало! А тут справа другой уже подползает. Я, не долго думая, и в него гранату. А за ней и бутылку в придачу. Прямо скажу — повезло. Загорелся второй танк. А третий метрах в ста отсюда перед траншеей остановился, видно, дальше боится идти. Ну, думаю, коли ты ко мне не хочешь, так я к тебе пойду. И побежал по траншее навстречу танку. Запалил и его.

Кончились мои запасы, пришлось возвращаться. Прибежал в роту к ребятам. Они меня обнимать и целовать начали, а мне некогда. В азарт вошел. Дайте, говорю, мне гранат и бутылочек поищите еще.

Нашлись и гранаты, и бутылки. Снова отправился я вперед. И такая же история, точь-в-точь как вначале, повторилась. Танки на траншею напоззают, а я с удобного места слежу за ними. Поджег еще два танка. Бросил и еще под один, шестой по счету, гранату, он тоже загорелся, но тут силы оставили меня, потерял я сознание. Сказалось, наверное, напряжение.

Пришел в себя, рядом — хлопцы, благодарят. Крепко, говорят, ты, Роман Семенович, роту выручил. Взводный подошел, молодцом назвал, обнял меня.

А потом выяснилось, что обо мне уже не только в роте знают. Прибежал связной из полка, поглядел на меня. «Это, говорит, ты и есть Роман Смишук? Так я тебя давно ишу. Разведку уже за тобой посылали. Бегом к командиру полка!»

На другой день генерал меня уже благодарил и нашему ротному приказал: «Учить его надо. Командиром хорошим будет».

Так закончился мой первый бой.

Когда потом меня спрашивали: «Как это тебе удалось шесть танков побороть?» — я всегда отвечал:

— Граната, бутылка с зажигательной жидкостью — очень надежная штука. Действуй ими, как командиры учат, и все будет в порядке».

Хочу рассказать еще об одном герое. Это девушка. Ее имя навсегда вписано в историю нашей дивизии, — Лена

Лосева. Она отличалась отчаянной храбростью, которой мог бы позавидовать иной бывалый боец. Невысокого роста, с острыми большими глазами, с короткой спортивной стрижкой, Лена походила больше на подростка. Молодые бойцы из пополнения всегда с любопытством и недоверием прислушивались к рассказам о ней. Уж больно хрупка на вид, а такие о ней легенды ходили!

Говорили, например, что из одного боя она вынесла трех бойцов одновременно, причем двух тащила волоком, а третьего, взвалив на себя, буквально до операционного стола донесла, не позволив к нему притронуться, — у него в ключице мина неразорвавшаяся застряла.

А однажды Лена Лосева в самый критический момент боя подняла в атаку целый взвод.

Враг осыпал наше расположение градом снарядов. То здесь, то там поднимались от взрывов гигантские столбы огня и земли. Пудеметный шквал прижал нашу пехоту к земле, нельзя было голову поднять. Но именно эта неподвижность и была губительна. Тут нужны были очень решительные действия. Это и поняла Лосева, перебегая от одного раненого солдата к другому. Рассказывали, что она почти никогда не ползала по земле, а только, сильно пригибаясь, бегала. Причем бегала с удивительной быстротой, отзываясь на каждый стон или призыв: «Сестричка, помоги...»

Так вот, почувствовав, что еще немного — и взвод так и останется лежать на этом участке перед гитлеровскими траншеями, Лена подняла чей-то автомат над головой и с криком: «Вперед, за мной!» — бросилась вперед. Этот ее подвиг потом стал передаваться в пересказах солдат каждому новому пополнению. За него якобы отважную Лену Лосеву, санитарку 288-го гвардейского стрелкового полка, представили к званию Героя. Не знаю, насколько это верно. При мне во всяком случае ей звездочку не вручили, а вот медалью «За отвагу» наградили, причем тоже за поступок отчаянной храбрости.

А дело было так. Шел ожесточенный бой. От артиллерийско-минометного огня противника полегло уже много наших бойцов. Фашисты предприняли мощную, как потом стало ясно, последнюю массированную контратаку. И у них ведь силы были на исходе.

Вдруг на левом фланге у нас, на самом, можно сказать, ответственном участке обороны, замолчал танковый пу-

лемет. Добраться в окоп к пулеметчикам по траншее возможности не было, ход сообщения давно завалило. Нужно пробираться по открытой местности, хорошо простреливаемой гитлеровцами. Кому-то надо рискнуть.

А враги сообразили, что нас можно обойти именно с этого, левого фланга. Напирают именно сюда. Но тут, откуда ни возьмись, сестричка.

— Что, — говорит, — фашист прет слева и некому нас прикрыть?

В шутку как бы так спрашивает. А ей в тон и отвечают: дескать, если пулемет еще минут пять помолчит, туго нам будет.

Как услышала Лена, что положение у нас, что называется, аховое, рванулась к умолкнувшему пулемету. Через несколько минут гитлеровцы, встреченные огнем, вынуждены были вначале залечь, а потом и отступить. Лена справилась с работой погибшего расчета, причем смогла исправить задержку в пулемете. Об этом потом было написано во фронтовой газете.

Сестричка отличилась и позже. Было еще немало эпизодов, где она проявила самоотверженность и храбрость. Но 14 февраля 1944 года Лены Лосевой не стало. В бою за село Юрковка Звенигородского района Черкасской области наша сестричка погибла смертью героя. Причем, что характерно, опять находилась у пулемета, расчет которого погиб. Лена вела огонь по наседавшему врагу до последнего патрона.

На месте ее гибели впоследствии был установлен обелиск. Таким бойцом гордился не только 288-й полк — гордилась вся дивизия. Как потом мне рассказывали, в Берлине кто-то из бойцов начертал ее имя на рейхстаге.

12 апреля 1944 года в районе Красного Куста 94-я гвардейская дивизия переправилась через реку Днестр. За образцовое выполнение заданий командования при форсировании этой реки Указом Президиума Верховного Совета СССР она была награждена орденом Суворова II степени.

Оказавшись на правом берегу, бойцы сразу же пошли вперед. Много дней и ночей продолжались жестокие кровопролитные бои за село Устье...

После жарких схваток враг был вынужден оставить этот населенный пункт. На некоторое время наступило затишье.

«ЗДРАВСТВУЙ, НЕЗНАКОМЫЙ ДЯДЯ!»

Такими словами начинается письмо, полученное недавно командиром роты офицером Стрепетовым.

«...Шлю я тебе свой горячий привет. Желаю убить всех фашистов и живым вернуться к своим деткам.

Дядя, мне семь лет, а моей сестре Свете пять. Я учусь в школе, а Света ходит в садик. Дядя, напиши, как тебя зовут. Я хожу в библиотеку менять книги. Папы моего нет. Папу убили немцы. Отомсти немцам, дядя. Крепко жму твою руку. Алина».

Все бойцы подразделения ознакомились с этим волнующим письмом и каждый дал клятву жестоко покарать фашистов за горе ребенка. Офицер Стрепетов написал Алине письмо и выслал ей посылку с подарками гвардейцев.

Гвардии рядовой

А. Панченко

С мая 1944 года в дивизии шла активная подготовка к наступлению. Начальник политотдела дивизии полковник С. В. Кузнецов все время пропадал в полках и батальонах. Бывало, утром вручает партбилеты принятым в ряды ВКП(б) бойцам роты старшего лейтенанта В. П. Овчинникова, в обед в роте гвардии капитана А. С. Околенова проводит открытое партийное собрание на тему «За Советскую Молдавию», а вечером его уже видели в батальонах капитанов А. П. Рыбкина и В. Д. Демченко...

Кстати, позже, в 1944 году, за боевые действия в Польше на Сандомирском плацдарме А. П. Рыбкин и В. Д. Демченко получили высокое звание Героя Советского Союза.

Части дивизии, перейдя в состав 5-й ударной армии, в течение 5—6 августа приняли рубеж обороны 89-й гвардейской стрелковой дивизии, расширив фронт до 26 километров.

В ночь с 20 на 21 и с 21 на 22 августа 94-я гвардейская стрелковая произвела перегруппировку своих сил и сосредоточилась на рубеже южнее Пятра — Желобок, севернее Фурчен на берегу реки Реут.

22 августа глубокой ночью, проделав проходы в минных полях противника, без артподготовки наши подразделения перешли в наступление и вскоре овладели населенным пунктом Фурчены. Преследуя отходящего врага, части дивизии утром 23 августа выбили врага из населенного пунк-

та Браниште. Еще через несколько часов были освобождены также Чертоп-Маре, Загайканы, Грушево.

Противник стремился во что бы то ни стало задержать продвижение наших воинов. Так, группа фашистов замаскировалась на кукурузном поле недалеко от Фаурешти. Пропустив наши основные силы, немцы открыли пулеметный огонь по обозам. Две роты батальона гвардии майора А. С. Елсакова и артиллеристы 3-й батареи гвардии капитана Н. А. Демидова развернулись и в короткой схватке уничтожили эту группу гитлеровцев, взяв в плен 24 солдата.

А уже в полдень батареи гвардии лейтенанта П. И. Зимовича и гвардии капитана М. С. Манакова открыли огонь по противнику, засевшему в Кишиневе. В 14.30 наша пехота завязала бой на подступах к северной окраине города.

Фашисты взрывали склады с боеприпасами и горючим, разрушали исторические памятники и административные здания. Над Кишиневом полыхали пожарища...

Под сильным пулеметным и минометным огнем саперный взвод гвардии лейтенанта Залилова быстро разминировал дорогу к переправе через реку Бык. В течение двух часов гвардейцы-саперы из подручного материала соорудили мост.

Бойцы дивизии в нетерпении ждали сигнала к штурму. И вот он подан. Раскатилось многоголосое «ура!». Гвардейцы лавиной бросились в атаку. Дом за домом, улица за улицей освобождали они Кишинев от врага.

В числе первых ворвались в город комсомольцы 288-го гвардейского стрелкового полка — младший сержант Кондерчук, рядовые Кравченко и Подориллов. На их пути стояло до взвода фашистов. В ход пошли гранаты и автоматы... Отличился и пулеметчик Афанасий Михайлов. Обойдя оборонявшихся фашистов, он фланговым огнем посеял в их рядах панику, а когда они дрогнули и начали отходить, начал расстреливать их в упор. Только в этом бою А. Михайлов уничтожил 19 фашистов.

Метким огнем поддерживала пехотинцев батарея противотанковых пушек Героя Советского Союза гвардии лейтенанта В. А. Конева. Гвардии старшина Цымбал подкатил свое орудие вплотную к заминированной обороне врага. Застрочили немецкие пулеметы и автоматы. Григорий Цымбал получил тяжелое ранение, однако продолжал с прямой наводки расстреливать врага. И лишь когда умол-

кли вражеские огневые точки, истекающий кровью гвардеец оставил свое оружие.

Героический подвиг в боях за Кишинев совершил сын молдавского народа командир пулеметного расчета гвардии младший сержант Мамей. Когда рота гвардейцев вклинилась в расположение вражеской обороны, командир поставил перед Мамеем задачу — обеспечить фланг наступающей роты. Короткими перебежками расчет Мамея стал обходить немцев с тыла. Вдруг с чердака дома застрочил пулемет. Отважный командир отделения быстро подбежал к зданию и метнул гранату на чердак. Вражеский пулемет умолк. Несколько минут спустя гвардии сержант Заболотный и рядовой Гуменюк из отделения Мамея уже установили на чердаке свой «максим»...

Командир 288-го гвардейского полка гвардии подполковник М. П. Аглицкий дал команду: «Вперед!» Немцы не выдержали новой атаки гвардейцев и начали отходить. И тогда по отходящему врагу застрочил «максим» Ивана Гуменюка. Он бил длинными очередями вдоль вражеских траншей. Меткий огонь пулеметчиков очень помог нашим наступающим войскам.

На подступах к Кишиневу подорвалась на противотанковой mine машина бесстрашного командира дивизии гвардии полковника, впоследствии Героя Советского Союза Г. Н. Шостацкого. Сопровождавшие его адъютант и разведчики были ранены, сам комдив получил контузию. Но, несмотря на это, он лично руководил боем.

24 августа Кишинев был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Приказом наркома обороны СССР от 7 сентября 1944 года 288-му гвардейскому полку нашей дивизии было присвоено наименование Кишиневский.

Этот седьмой удар, нанесенный в районе Кишинева — Ясс, позволил окружить и разбить 22 немецких дивизии, а также часть румынских дивизий, освободить Советскую Молдавию и вывести из строя союзницу фашистской Германии — Румынию, которая затем объявила войну Германии.

14 сентября 1944 года на станции Веселый Кут Одесской области дивизия погрузилась в эшелоны. Составы дивизии двинулись на запад — туда, где еще полыхало пламя войны, лилась кровь, гибли люди.

Незадолго до начала боев на Висле, куда наша дивизия

выдвинулась после завершения разгрома фашистов под Кишиневом и освобождения Молдавии, я получил письмо от Романа Бабинова, нашего писаря, молодого, но очень боевого парня. Несмотря на то что к строевой службе он был непригоден, Роман все же добился того, что в действующую армию его взяли. Бабинов прошел с дивизией немалый боевой путь. Нередко ему приходилось откладывать перо и брать в руки автомат. К тому времени он уже был награжден орденом и двумя медалями. И, как видно из письма, побывал в рукопашной. Но письмо было не об этом.

«Меня ранило в рукопашной. Ранение тяжелое: сквозное, в грудь. Очнулся на другой день уже в санитарном самолете. Знаете, первая мысль: руки, ноги, кажется, целы. Пошевелился — кровь пошла. Чтобы меньше трясло, нас привязали к скобам. Единственное, что я мог сделать, — прижался к стенке, чтобы остановить кровь.

Слышу пулеметные очереди. Мы резко снизились. Стали садиться. Уже на земле увидели нашего летчика. Он подошел к нам, подбодрил: «Ничего, долетим!» Поправил повязки.

Снова поднялись в воздух. Сколько летели, трудно сказать. Нас опять атаковали. Самолет накренился, как раненая птица, стал снижаться.

На земле нас тряхнуло, и все стихло. Минута, другая — к нам никто не подходит. Мы, раненые, в беспомощном положении. Кричим — летчик не отвечает. Что случилось? Вдруг слышим разговор. Подошли бойцы. Вынесли они нас, положили на грузовую машину, и тут мы увидели мертвого летчика и все поняли. Летчик посадил самолет на дорогу в поле уже будучи смертельно раненным. Мы не знали даже имени его, как и он ничего не знал о нас, но в последние минуты жизни летчик помнил о раненых, находившихся за его спиной. Все свои силы отдал, но самолет посадил. Бойцы, подобравшие нас, — как оказалось, они проезжали мимо, — отвезли всех в госпиталь. Одно слово — товарищи».

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

С БОЕПРИПАСАМИ НА ПЕРЕДОВУЮ

Гвардейца Забелина каждый солдат в батальоне знает. Он небольшого роста, кряжистый, с поседевшими короткими усами.

Среди повозочных он старше всех по возрасту.

«Наш Алексей Семенович», — с уважением говорят о нем товарищи. А молодые бойцы привыкли называть его просто батя.

Алексей Семенович — ветеран части. Он прошел большой путь от Сталинграда до Одера, проявив себя лучшим, заботливым ездовым.

Лошади у него всегда накормлены и вычищены, амуниция в полном порядке. Руки рядового Забелина не знают усталости.

Выпала свободная минута. Алексей Семенович сидит сапожничают. Товарищам по службе обувь чинит. С простой приветливой улыбкой он готов по мере сил помогать каждому.

В последних боях ему пришлось работать в сложной обстановке. Налетели вражеские стервятники. Обстреливала немецкая артиллерия. Но ничто не испугало отважного ездового. Мужественно он делал свое простое дело — доставлял боеприпасы на линию огня. Это было самым важным для батальона в тот момент, и во имя исполнения солдатского долга Алексей Семенович презирал опасность. Задание командования было выполнено.

Гвардии старшина

С к р ы п н и к

Товарищ, жизнь... Эти слова на фронте стояли рядом. В боевой обстановке, когда никто не мог быть уверен, что доживет до вечера, нас согревало тепло дружеского участия. Под огнем врага бойцы перевязывали друг другу раны, делились хлебом и махоркой, прикрывали в бою, зачастую отдавая за жизнь товарищей свою собственную жизнь. И не было ничего выше фронтового братства. Этим утверждением хотел бы и закончить свои заметки, однако считаю своим долгом выполнить поручение многих моих бывших сослуживцев, однополчан, боевых товарищей, — рассказать о последнем бое комдива. Комдив ведь был нашим всеобщим любимцем.

Глава XII

ГЕРОИ ОСТАЮТСЯ МОЛОДЫМИ

Биография нашего комдива, казалось бы, ничем не примечательна. Родился в 1908 году в Житомирской области. Воспитывался в детском доме. Отец его погиб на первой мировой, а мать умерла от тифа. Трудиться начал рано. До призыва в армию работал на деревообделочной фабри-

ке в Новоград-Волынский. Был членом городского комитета комсомола. В 1924 году вступил в ряды ВКП(б) и в том же году был призван в армию, зачислен в Одесское пехотное училище.

По служебной лестнице Григорий Николаевич поднимался постепенно. Начиная с командира взвода. Потом был начальником полковой школы, командиром стрелкового батальона, начальником штаба полка, бригады. В 36 лет стал командиром дивизии. Мы знали все о нашем комдиве. О его храбрости ходили легенды. Шостацкий не чурался никакой работы и даже сам, бывало, помогал бойцам рыть окопы для штабного блиндажа. Отлично стрелял из всех видов оружия. На фронте — с первого дня войны. Был ранен, контужен, награжден орденами Красного Знамени, Суворова II степени, Богдана Хмельницкого II степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды.

Бесстрашию нашего комдива была посвящена в дивизии песня, гимн мужеству и отваге:

Тесней ряды, чеканней шаг!
В сердцах Шостацкий с нами!
Разбит, повержен нами враг,
Покрыто славой Знамя!

Навсегда запечатлелся он в памяти тех, кто был участником боев за Кишинев. Шостацкий появлялся всегда неожиданно, причем всегда вовремя, в самые ответственные моменты и на самых опасных участках, где перевес в бою вот-вот возьмет противник. С его появлением положение выправлялось.

Энергичный, страстный, он принимал быстрые и дерзкие решения. И всем казалось, что такого никакая пуля не возьмет.

Неисчерпаемая энергия командира вселяла в сердца гвардейцев уверенность в победе. Достаточно было пролететь по рядам бойцов вести, что прибыл комдив, как роты

Командир 94-й стрелковой дивизии гвардии полковник Г. Н. Шостацкий

под кинжальным огнем противника поднимались в атаку. Он был как бы символом победы. При том, что более доступного человека в его ранге и найти трудно. Комдив знал по фамилии и имени многих солдат и офицеров. Награды вручал отважным только на поле боя и не давал пощады трусам.

...Сообщение с передовой о том, что полк Игнатьева вышел наконец к Одеру, вызвало огромную радость во всех штабных службах нашей дивизии, которые хотя и двигались вслед, но еще были далеко от этой реки. После доклада начальника оперативного отдела штаба дивизии подполковника Харитоновна об обстановке комдив полковник Шостацкий решил на рассвете выехать в полк Игнатьева, чтобы самому убедиться в создавшейся благоприятной обстановке. Была создана оперативная группа во главе с комдивом, в которую кроме него вошли начальник артиллерии дивизии Ф. Космач, начальник разведки К. Загайный и заместитель командира артполка С. Шостань.

В том, что комдив принял такое решение, не было ничего странного и необычного. Штабные офицеры хорошо знали, что в самые ответственные моменты Шостацкий стремится быть в гуще передовых подразделений.

Вспоминает заместитель командира 199-го гвардейского артиллерийского полка С. К. Шостань:

«Как сейчас помню, выехали мы по маршруту движения дивизии в четыре часа утра 29 января 1945 года. Было темно, шел снег. Первой шла машина комдива, за ней — командующего артиллерией дивизии, замыкала нашу небольшую колонну полуторка, на которой ехали два или три офицера и десять-двенадцать солдат — разведчиков и радистов.

Где-то часа через два пути мы оказались в зоне аэродрома. На нем стояли немецкие самолеты. Комдив, сориентировавшись по карте, определил, что мы заблудились. Нисколько не медля, машины развернулись и поехали обратно до развилки, удаленной от аэродрома километра на полтора-два. Дорога была свободной, никакого движения войск не было.

Ехали быстро, с включенными подфарниками. Не доезжая чуть-чуть до Хохенвальде, на правой стороне дороги увидели зенитное орудие с тягачом.

Остановились. Выяснилось, что орудие стоит из-за отсутствия бензина. Комдив ободрил воинов расчета, сказал, что с рассветом подойдут войска и выручат их.

Тронулись дальше. Въехали в лесной массив. Причем слева лес был окаймлен высокой проволочной сеткой. Это был, как потом установили, заповедник. Справа от дороги два дома с дворовыми постройками. Проезжую часть преграждали телеги с запряженными в них лошадьми.

Комдив приказал остановить машину, вышел, за ним — остальные. И тут по нашей оперативной группе ударили автоматные очереди.

Мы укрылись за машинами, начали отстреливаться. Немцев было не менее пятидесяти. Расстояние между ними и нами не более тридцати метров. Фашисты стали обходить нас с двух сторон. Они еще более усилили огонь. Неожиданно комдив застонал. Хриплым голосом он произнес: «Умираю! Деритесь!» Это были его последние слова.

Вспоминает радист 159-го отдельного батальона связи Тинькаев:

«Я ехал в машине комдива и первым увидел немцев. Говорю Шостацкому: «Товарищ полковник, смотрите, у домиков фрицы!» А он мне отвечает: «Ты, сынок, трусил». Но тут заметил фашистов и Перетятко — начальник радиостанции. Машина наша останавливается. Комдив громким голосом кричит: «Хенде хох!» Немцы, видя, по всей вероятности, что наши силы невелики, тут же ответили губительным огнем. Комдив почти сразу же был смертельно ранен в живот. Немалую порцию свинца получили и те, кто находился в его машине, — гвардии майор Орехов, Перетятко, шофер комдива. Я вывалился в кювет. Перетащил сюда тяжело раненного Орехова, затем комдива и Перетятко.

Вскоре нам на помощь подоспели разведчики. Что было потом, не знаю».

Вспоминает заместитель командира 199-го гвардейского артиллерийского полка С. К. Шостань:

«Я спросил у разведчика Вовка, находившегося рядом со мной: где Космач? Слава иронически ответил: «Он четвертую скорость включил». И в самом деле, Космач нашел где-то дыру в проволоч-

Ветераны дивизии: П. Е. Поддубный, К. М. Шакиров, В. В. Семеновских, И. Г. Старостенко

ной сетке ограды заповедника и поспешил в обратный путь. Мы продолжали вести бой. И вдруг прямо перед нами начали рваться снаряды МЗА. Немцы прекратили огонь и, укрываясь за домами и дворовыми постройками, стали отходить к лесу. Оказывается, Космачу удалось добежать до зенитного орудия, что стояло не遠далеке. Я полагаю, что именно это спасло нас от гибели. Зенитный огонь напугал немцев, они ушли.

Тело комдива было перевезено на территорию Польши. Похоронили его в городе Венгровец».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года гвардии полковнику Шостацкому Григорию Николаевичу было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Ему исполнилось бы в тот день 37 лет.

Пора боев ушла в прошлое. Свойство нашей памяти: с годами острота ощущений уходит, но остается облик самых дорогих тебе людей. Стоит прочесть фамилию в блок-

ноте — и всплывает из дымки лет лицо человека. Да, с ним я встречался. Начинаешь перерывать в памяти сотни дней-страниц, и где-нибудь все равно отыщется нужная.

ИЗ ДИВИЗИОННОЙ ГАЗЕТЫ

БОЙ В БЕРЛИНСКОМ МЕТРО

Отступая под ударами гвардейцев офицера Анисимова, немцы засели на станции берлинского метро. Под прикрытием своих пулеметов воины роты гвардии старшего лейтенанта Топоркова достигли ворот метро и затем ворвались внутрь, завязали там бой. Гитлеровцы прятались за каждый выступ, за каждую колонну и отстреливались.

Гвардейцы пустили в ход гранаты. Сочетая огонь автоматов и винтовок с гранатными ударами, рота быстро продвигалась вперед, очищая сотни метров метро от гитлеровцев. В этом бою исключительную сноровку проявил гвардии младший сержант Пронин. Когда немцы засели за nasкоро сооруженной баррикадой и начали вести стрельбу вдоль галерей метро, Пронин попросил стрелков поддержать его непрерывным огнем, а сам с гранатами пополз вперед.

Стрелки поддержали его. Бесстрашный воин начал забрасывать гитлеровцев гранатами. Он уничтожил вражеского пулеметчика и фауслика, чем обеспечил путь своей роте. Всего Пронин в этом бою истребил пятерых гитлеровцев.

Закрывая последний блокнот, обнаружил страничку из давно прочитанного письма. Оно возвратило меня ко времени фактически послепобедному. Пришло письмо из Берлина, проделав довольно странный путь. Было в Перми, а затем его доставили мне в Свердловск — такая вот схема. И писал-то его не свердловчанин и не пермяк. Наш артиллерист — Лев Охитович — адресовал другу описание своих впечатлений от Берлина. Они, как заповедь, облетели наших бойцов, которые к тому времени вернулись домой. Письмо, как я теперь понимаю, многими переписывалось от руки.

Я держу эти листки и с трудом сдерживаю волнение. Читаю эти строки и будто сам стою на берлинской мостовой со всеми своими друзьями-однополчанами, кто не дошел до Победы. Но они, безусловно, незримо стояли там, а иначе и быть не могло!

{ «...Берлин постепенно входит в колею мирной
жизни. Это видно по всему. Сегодня воскресенье, и
население города прогуливается по улицам. Седо-

На встрече в Теплой Горе

власые немцы сидят с зонтиками на скамеечках между газонами. Мужчины разных возрастов, столпившись у витрины, читают газету «Берлинер цайтунг». Фланирующие на пленэре молодые фрау бросают из-под шляпок любопытствующие взгляды. Трамваи пока не ходят. Однако на трамвайной остановке стоит группа немцев и немок с узлами, чемоданами и детьми.

...От окраины Берлина до его центра почти 15 километров. Мы едем замедленным ходом, чтобы дать возможность капитану Волгушеву фотографировать. Вот улица Потсдаммерштрассе, за ней Берлинерштрассе. И та и другая изрядно потрепаны. На протяжении всех 15 километров, от окраин до центра Берлина, пожалуй, не найти ни одного целого дома.

— Славно поработали! — говорит Волгушев, показывая на развалины семиэтажного дома.

...Шофер тормозит. Перед нами Потсдамская площадь. Наконец-то мы в центре Берлина! Разрушений здесь заметно больше. Видно, что тут царил «штормовая погода» и, выражаясь языком моряков, «ветер доходил до двенадцати баллов». Где-то теперь по нашим океанам гуляют капитаны разбитого и потонувшего фашистского корабля?

Машина сворачивает влево. Впереди полоска грузовиков, украшенных лозунгами и красными полотнищами. Регулировщик показывает место для стоянки. Грузовикам дальше ехать нельзя. Отправляемся пешком. Отсюда начинается Паризерплац — традиционное место парадов германской военщины. Справа знаменитые Бранденбургские ворота — огромная, тяжеловесная, скучная арка со вздыбленными конями на верхушке. Кони изуродованы бомбой. Снимаемся на фоне арки и отправляемся к рейхстагу.

Площадь Гинденбурга буквально кишит народом. Немцев здесь не видно. Куда ни взглянешь, всюду русские люди. Везде слышатся оживленный русский говор, смех, возгласы. В глазах рябит от красноармейских кителей, от звезд, медалей, орденов. У колонны рейхстага щелкают фотоаппараты. Какие-то смельчаки, взобравшись на изуродованную крышу здания, пробираются к месту, где было водружено Знамя Победы, и мелом пишут свои имена.

Здание рейхстага испещрено тысячами имен. На фасаде, на крыле, на колоннах и балюстрадах, на оконных рамах — всюду пестреют надписи. Они просты, лаконичны и наивны: «Здесь был Алексей Ильин», «Москва — Ногайцев, Васичев», «Сухиничи — Васильев», «Сталинград — Берлин — гвардии старший лейтенант Хвойницкий», «Слава сталинским соколам», «Самоходка майора Гайворонского — Кавказ — Берлин», «Одесса — Нивиновы были тоже здесь», «Получите за нашу Родину от авиаторов Кичигина, Красотина!», «Тбилиси — Тетдасдзе», «Ленинградцы Абрамов, Симук, Прокудин, 8 мая 1945 г.», «Были из Перми Митин, Чериганов, Гуревич, Хмычкин», «Москва — Победа! Колтунов»...

Входим в здание рейхстага. За анфиладой раз-

Ветеран дивизии Г. И. Цаур.
Его боевые и трудовые заслуги отмечены 18 правительственными наградами

рушенных комнат — зияющий провал. Здесь был зал заседаний. Отсюда Гитлер вопил свои истерические речи. Теперь здесь груда развалин, прах и тлен. Судьба здания рейхстага символична для всей «третьей империи».

Снова выходим наружу. Море людей по-прежнему заполняет площадь от края до края. В нескольких шагах от главного подъезда рейхстага, в самой гуще волнующегося моря островком высится белоснежный дощатый пьедестал регулировщика, украшенный пятиконечной звездой.

На пьедестале — симпатичная русская девушка с флажками. Она дирижирует толпами, словно капельмейстер гигантским оркестром. Кажется бы, все в этой девушке

просто и обыкновенно. Русые локоны, синий берет, зеленая военная шинель, сапожки. На бесчисленных дорогах войны все это уже давно стало привычным и традиционным. Но здесь, в сердце покоренного Берлина, у развалин рейхстага, где наш ликующий народ водрузил гордое знамя своей победы, ее облик воспринимается совсем по-иному. Скрамная фигура русской девушки, властным жестом останавливающей тысячный поток людей и машин, вырастает здесь в большой, волнующий, символический образ.

...Пора возвращаться. Мы идем к машинам. Вот дом, где была канцелярия Гитлера. Сейчас здесь одни стены. У разрушенного министерского вестибюля висит большая бронзовая доска. На ней немецкая надпись: «Имперская канцелярия». Внизу по-русски приписано мелом: «Конец немецкому бахвальству!»

...Выйдя из переулкa, оборачиваюсь назад. Сзади, на площади Гинденбурга, посреди моря движу-

щихся людей и машин, по-прежнему возвышается фигура девушки.

Думали ли когда-нибудь высокомерные гитлеровские заправилы, что русская Красная Армия... придет с победой сюда, на улицы надменного Берлина? Могли ли они представить себе хотя бы на минуту, что русская девушка летом 1945 года будет хозяйничать на площади у рейхстага в Берлине так же уверенно, вольно и непринужденно, как уверенно хозяйничала она раньше у себя дома.

Пришло наконец возмездие!

Берлин. Июнь. 1945 год».

СОДЕРЖАНИЕ

И. А. Вязанкин. ОГНЕМ ЗАКАЛЕННЫЕ	6
Г. И. Цаур. ИЗ БОЯ В БОЙ — СОЛДАТСКОЕ ЖИТЬЕ	158

Иван Абрамович Вязанкин

ОГНЕМ ЗАКАЛЕННЫЕ

Записки штабного офицера

Григорий Исаевич Цаур

**ИЗ БОЯ В БОЙ —
СОЛДАТСКОЕ ЖИТЬЕ**

Редактор *М. Науменко*

Художник *Е. Нестеров*

Художественный редактор *В. Сушинцев*

Технический редактор *В. Чувашов*

Корректор *Г. Борсук*

ИБ № 2219

Сдано в набор 09.01.92. Подписано в печать 04.09.92.
Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Гарнитура литератур-
ная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт.
14,49. Уч.-изд. л. 15,103. Тираж 1000 экз. Заказ № 9.
С-38.

Издательство «Пермская книга». 614600, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. М П «Книга». 614001, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57.

Вязанкин И. А., Цаур Г. И.

В 99 Огнем закаленные: Записки штабного офицера.
Из боя в бой — солдатское житье. — Пермь: Перм-
ская книга, 1992. — 271 с.

ISBN 5-7625-0358-5

В эту книгу вошли две документальные повести о войне,
в основе которых личные воспоминания авторов — участни-
ков Великой Отечественной.

В 1305010000—38
М152(03)—92 — Без объявл.

ББК 63.3(2)722.78

